

Алазонит

ОБРАЗЕЦ МИНЕРАЛА
предоставлен Уральским Центром камня

5 (731) май, 2018

ISSN 0134 - 241X

УРАЛЬСКИЙ следопыт

www.uralstalker.com

Полярная сова

ПЕЩЕРА:
ГАДАНИЕ НА КОСТЯХ

ВETERАНЫ ВОЙНЫ

ЗОНА ДЛЯ ДИССИДЕНТА

Май 2018

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.
Литературный консультант – В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.
Редактор-консультант – С.О. Бабикова.
Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.
Корректор – Л.В. Ким.
Интернет – Е. Марков.
Архив – О.Ю. Тирикиди.
На обложке – Полярная сова в ярости.
 Фото А. Кривошапки.
Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».
Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Прашкевич, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –
 • Асхаб Магомедович Асхабов. Председатель отделения Русского географического общества в Республике Коми. Председатель Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, директор Института геологии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.
 • Владимир Николаевич Большаков. Свердловское отделение Русского географического общества, Доктор биологических наук, профессор, академик АН СССР с 1987 г., академик РАН с 1991 г., советник РАН. Институт экологии растений и животных УрО РАН.
 • Сергей Вячеславович Левыкин. Оренбургское региональное отделение Русского географического общества. Заведующий лабораторией агроэкологии и землеустройства Института степи Уральского отделения РАН. Профессор РАН, доктор географических наук.
 • Сергей Геннадьевич Захаров. Председатель Челябинского регионального отделения Русского географического общества. Доцент кафедры географии и методики преподавания географии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат географических наук.
 • Николай Николаевич Назаров. Председатель Пермского краевого отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой физической географии и ландшафтной экологии в Пермском государственном университете, доктор географических наук, профессор.
 • Евгений Викторович Голубев. Председатель Тюменского регионального отделения Русского географического общества. Проректор Тюменского государственного университета, Кандидат географических наук.
 • Алексей Михайлович Прокашев. Председатель Кировского регионального отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой географии Вятского государственного гуманитарного университета профессор
 • Игорь Юрьевич Шароватов. Председатель отделения Русского географического общества в Ямало-Ненецком автономном округе.
 • Оксана Александровна Гирман. Председатель Курганского отделения Русского географического общества. Кандидат биологических наук, заместитель директора Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области – начальник управления охраны окружающей среды.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2018 г.
Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Почтовый адрес редакции, издателя: 620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Телефон: +7(343) 269-22-34
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

При финансовой поддержке Фонда Президентских грантов

«Уральский следопыт», №5 (731), 2018 г.
 Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.
 Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
 Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отравлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком , публикуются на правах рекламы.

Встречный ветер

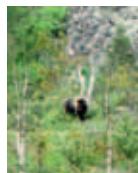
Путешествие по Уралу

Н.ЕРОХИН
 Новоуткинская пещера 14

Камни Урала

С.КОЛИСНИЧЕНКО
 Амазонит..... 24

Путешествие по Уралу

Д.КИРИЛЛОВ
 Зверь.....28

Река времени

День Победы

И.ГЛАДКОВА
 Непрошедшее время..... 3

День Победы

В.КАРЕЛИН
 Три песни военных лет..... 10

Природа в ладонях

Н.ВЕХОВ
 Полярная сова 18

Портреты

Н.ПАРТАНОВ
 «Сама история дала нам шанс...» 30

Никто не забыт?

А.МОЛЧАНОВ
 Елецкий рисует революцию..... 34

Литературное краеведение

Ю.ГОРБУНОВ
 Белая Горлица (Сны Надежды Половцовой) 37

Наши проекты

Ю.ГОРБУНОВ
 История России. Река Чусовая. Огнеделова оргия 40

Наши проекты

С.ШЕВЫРИН
 История России. Река Чусовая. Деревня Кучино..... 42

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России: Каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Каталог Агентства МАП, индекс 31958
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

Журнал в журнале

α элита

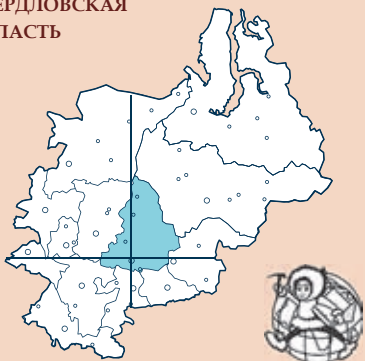
Непрошедшее время

Инна Гладкова

Тележурналист, автор публицистических рассказов и эссе об истории Урала. Лауреат премии губернатора Свердловской области 2001 года за телесериал «Екатеринбургские тайны». Автор многих очерков в нашем журнале. В тандеме с ней работает ее супруг — Эдуард Гильман. Он — и первый дотошный читатель, и ответчик за иллюстративный ряд. Ныне супруги живут в Германии.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Иллюстрации подготовил
Эдуард Гильман

► Богоявленский Успенский
Собор в Смоленске

Никогда не знаешь, на каком повороте тебя догонит прошлое. И не просто догонит — схватит за горло. Билет туда мне выдал...

...Года три назад по центральному телевидению

в «Новостях» шёл сюжет о моей родной Смоленщине.

Молодой человек Игорь Михайлов — боец поискового отряда под названием «Долг» — на схемах показывал места раскопок очередной летней экспедиции в окрестностях города Вязьмы. Говорил, что у села Богородицкое, где шёл неравный бой с фашистами, подняли более сотни останков наших солдат. А вот точная дата этого боя заставила меня вздрогнуть: он назвал «ночь с 5-го на 6 октября 1941 года». Не про ту ли страшную ночь мне рассказывал брат?

Напомню, это была лишь часть фашистской операции под названием «Тайфун», когда две танковые колонны, прорвав с разных сторон линию обороны, сомкнули «клещи», и пять наших армий попали в так называемый «Вяземский котёл». Для Смоленщи-

ны — проклятые дни, а в летописи Великой Отечественной — трагические события. Попавшие в окружение дрались, пока не кончались снаряды. Фашисты поливали их огнём и бомбили.

Читать хронику тех дней тяжело. Судя по останкам, уже обнаруженным

(а работают поисковики в местах тех боёв не первый год), бойня под Вязмой была кровавой. И потери наши были огромны. А сколько это «огромно?» — до сих пор не сочтено.

Тот октябрь — макушка осени — начался с сильных заморозков, потом пошли «бесконечные злые дожди». А дороги (опять дороги), где они на Руси? Но враг, несмотря на это, «прёт» к Москве.

По всей нашей земле шагала война. Спешное отступление. И поехало с западных областей на восток, прежде всего на Урал, всё, что непременно следовало сохранить, — оборудование промышленных предприятий и оборонных заводов. Что успели, увезли по железной дороге. Остальное — длинными обозами, по грязи.

Со своим скарбом, с детьми, стариками, толкая тачки, шли от войны и беженцы. На обочинах без горючего — полуторки и прочий транспорт. Мокрые, озябшие, голодные лошади да оставшие люди шли и шли. Знать бы куда? Война гремела и полыхала уже вокруг.

И в «ту тёмную дождливую ночь с 5 на 6 октября» одна такая длинная, тяжёлая, неповоротливая «змея» военного обоза подползала к большому селу Богородицкому. Какое божеское название! Святая икона (прикоснуться бы)! Только не долгожданный привал и отдых уставшим людям и животным — их встретила засада, прицельный огонь пулемётов. Да ещё стреляли фрицы трассирующими пулями. Это был жуткий огненный фейерверк. Завязалась перестрелка, крики, стоны, ржание лошадей, ужас, суматоха, паника... Кто сосчитал, сколько наших солдат в ту проклятую ночь полегло только у того «святого» села? В каком краю большой нашей страны, в каком городе, селе, в какой семье в ту октябрьскую ночь в страшном предчувствии зарыдали чья-то мать, жена, осиротели дети?

Наш обоз на просёлочной дороге встретила колонна фашистов на мотоциклах с колясками и пулемётами. А по каким картам был ориентир? Известно, что Гитлер мечтал по странам Европы и до Урала прошагать быстрым парадным маршем. К войне готовился, надо признать, тщательно. Стоит взглянуть на немецкие карты того времени: к Москве не только главные пути, но и просёлки, даже тропочки прорисованы с точным указанием расстояний и названий. Это сколько же диверсантов по нашей довоенной стране бродило с топографическими приборами?!

В ту страшную ночь в хвост военного обоза «пристроилась» телега, за-

◀ Счастливое детство. Девочка Инна в матроске

ции «Глинка» мчавшийся в Смоленск скорый поезд остановил... ещё не родившийся ребёнок. На дворе был март, стылая ночь, поэтому бабка-повитуха, которую разбудили принять срочные роды, неловко дёрнула младенца за ножку, да так, что надолго уложила меня, едва родившуюся, в гипс. Больше никаких жизненно важных событий в том городе у младенца не случилось, и он, город, остался разве что в его метрике. Хотя подтвердить это нечем. Когда потребовалось получить вместо утерянного оригинала дубликат, оказалось, что Глинковский архив в войну сторел, и ветер, как говорится, «развёл по ковылью его пепел». Фашисты тогда сожгли в округе ещё более 70 непокорённых ими наших городков и деревень.

Последняя игра в куклы

На Смоленской дороге Вадино значилось как достаточно крупная железнодорожная, с несколькими подъездными путями станция с прилегающим жилым посёлком. Дома деревянные, добротные.

В календарь уже вступило лето. Пряно зацвели травы, под каждым кустом земляника. На крыльчке девочка корчит рожицу сестре, которую недавно «принёс аист», а мама кормит её и пеленает. Папа, как обычно, на работе — с утра на велосипеде уехал в райцентр Сафоново. А в доме за старшего остался не всегда послушный, но сообразительный, не по годам долговязый подросток. Ему пятнадцать. Он давно бы сбежал с дружкой — у них очень важное дело: за каникулы собрать детекторный приёмник — а тут малышня, пелёнки, стирка. Его забота, кроме прочего, набрать в бочки воды из колодца. А колодец в посёлке один, и вода глубоко. Чтобы испить её, надо долго крутить тяжёлый ворот с цепью.

22 июня 1941-го тоже ожидался чудный день. Многие собирались «на природу», и ничто не предвещало беды. Но утром страна содрогнулась: война! И клич: «Все мужики — на фронт!» Ушёл и отец — ветеран ещё империалистической и Гражданской войн. Ушёл добровольцем в ополчение. Все думали: война ненадолго. Верили: «Враг будет разбит, победа будет за нами!» Только как-то очень скоро станция Вадино оказалась в прифронтовой полосе. По путям беспрерывно шли военные эшелоны, лес был изрыт блиндажами и окопами. В небе всё чаще кружили чужие самолёты, пикировали и строчи-

пряжённая больной, списанной в расход, клячей, а в телеге, укрывшись тряпьем и сеном, прятались трое перепуганных детей. Когда впереди начался бой, уставшее умное животное, которое в любую минуту от слабости могло упасть, как-то очнулось и резко свернуло в ближайший длинный и глубокий овраг. Пока над ними гремел бой и летала чёрная смерть, лошадь, где трусдой, где как, уходила от беды и уносила детей всё дальше в сторону, и потом ещё долго плелась, пока не встала в тихой лесной просеке...

Пытаюсь понять: как «в ненужное» время мы оказались в этом жутком «ненужном» месте? Память моя детская этого не сохранила, есть только свидетельство брата.

«Здравствуй, Ельня, здравствуй, Глинка, здравствуй, речка Лучеса...»

(А. Твардовский)

Родина наша, наших предков по материнской линии — Смоленщина. Исстари истоптанная, израненная многих мастей супостатами, очень всем желанная земля, потому как самая близкая прямая дорога к столице российского государства. А Смоленск — практически ровесник Москве — издавна главный западный её форпост. При царе Борисе Годунове специально была построена там мощная оборонительная Смоленская крепость. К слову, её строили всем миром. Даже камень возили со всей Руси, в том числе и с Урала.

На этой же смоленской дороге случилось отнюдь не историческое, но всё-таки важное для нашего рассказа «ЧП»: на подъезде к железнодорожной стан-

ли из пулемётов. Откуда легали? Дозаправлялись рядом — в Гродно (этот город фашисты захватили в первый день войны).

Каждый новый день сгущал тревогу. Вадинская школа скоро превратилась в госпиталь. В домах прошла мобилизация всего, что могло пригодиться солдату на привале, в частности, металлическая посуда — ложки, кружки, кастрюли, особенно вёдра. Хозяевам на семью оставили минимум. А с фронта пошли страшные «похоронки». Но для нас настоящая война началась не 22 июня утром, а 10 сентября в полдень, когда немецкие штурмовики, закрыв небо черной тучей, сбросили столько смертей, что в минуты стёрли с лица земли всё, что называлось раньше обжитой землёй. А когда наступила тишина и выжившие стали выползать из воронок и завалов, мёртвых оказалось больше, чем живых. Первым откуда-то выполз брат. Раскидал угловой завал нашего дома и выгачил из-под обломков орущих сестёр. А где мама? Он нашёл её у колодца с огромной раной в груди. Полное ведро стояло рядом. Её убило осколком. И повисло над нами троими страшное слово — «сироты».

Как теперь жить? Чем кормить маленькую, которая истосно кричит и требует грудь? Кто-то из соседей принёс пачку печенья, его размочили в марле и сунули орущему ребёнку в рот. Сменили пелёнки. В соседних дворах много раненых и несколько прикрытых простынями тел. Кто, когда будет хоронить? Наступал вечер. Стало зябко. Очень хотелось спать, а ещё больше есть.

Дом от разрушения держала печка, русская, с полатями. Она выстояла бомбёжку, рухнула только труба. Мальчик открыл заслонку и обнаружил внутри чугунок ещё горячих щей. Маминных щей. Дети их ели и плакали. Утром откуда-то прибыла военная похоронная команда. Как и других погибших, маму положили на носилки, унесли на кладбище. И мальчик маме сам копал могилу.

В тот же день, собрав в руинах дома какую-никакую еду и тёплую одежду, брат погрузил все это вместе с сёстрами на тачку (выменял у какого-то мародёра на папин велосипед) и покатил её куда глаза глядят — подальше от страшного места.

«Казнить нельзя помиловать»

К сказанному следует добавить ещё одну драматическую подробность: 10 сентября 1941 года фашисты уничтожили не только саму станцию Вадино, в тот день они пустили под от-

кос на подъезде к ней крупный воинский эшелон. Его тянули два паровоза, в них-то фашист и целился прежде всего: за уничтожение даже одного паровоза полагалась награда: Железный крест и 10 дней отпуска. Ну а наших новобранцев, сумевших выбраться из горящих вагонов, бегущих или ползущих к лесу, мессеры расстреливали из пулемётов. Картина, которую «нарисовал» этот бомбовый налёт, была жуткой: горел сошедший с рельсов покорёженный состав, были разворочены рельсы. Станцию затянуло едким дымом, всю ночь там горели склады. Скольким в тот день погибло наших, не успевших доехать до фронта, ребят, никто не знает. Многих потом прикапывали прямо у дороги. Без гробов, без крестов, без имени. Кости находят и посейчас. Документально известно, хочу особо это выделить, поскольку журнал «Ураль-

ский следопыт» читают прежде всего уральцы: тот эшелон вёз фронтovому Смоленску подкрепление с Урала. То есть формировался где-то на станциях Свердловска, Перми или Челябинска. Поимённо, так уж вышло, этих солдат помнят и чтут только их близкие. Для государства тогда они оказались не просто мёртвыми душами, их будто вообще не существовало. Просто некому было на каждого оформлять похоронки. А семье, снарядившей солдата на борьбу с врагом, штабной писарь, когда обнаружили потерю эшелона, отправил бумажки с двусмысленной отпиской — «пропал без вести». По законам военного времени её следовало читать шёпотом: «изменил, перебежал к врагу».

Вспомним: в романе Константины Симонова «Живые и мертвые» перед сражением комбриг Серпилин го-

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

◀ Мама — Евдокия Фёдоровна Гладкова

ворит солдатам: «Помереть на глазах у всех я не боюсь. Я без вести пропасть не имею права».

В солдатской семье с такой иезуитской бумажкой не полагалось пособий на детей, зато родных она всё же грела надеждой: а вдруг наш сын, муж, отец, брат всё-таки жив... 11 мая прошлого года газета «Вечерний Екатеринбург» опубликовала официальную справку: только из Свердловска на фронт ушли 100 тысяч жителей. Из них 41.800 домой не вернулись: 21.400 — сложили головы в бою, 4.700 — умерли в госпиталях, 10.000 — погибли в фашистских концлагерях, «без вести пропали» 15.500 наших земляков. Такова кровавая цена Победы только одного уральского города. А в масштабах страны — наша Победа над фашистской Германией стоила, если верно подсчитано, двадцать семь миллионов жизней, другими словами: фашисты уничтожили жителей 27 городов-миллионников!

«Эраст плакал, Лиза рыдала...»

«Вдоль деревни от избы до избы зашагали торопливые столбы...». Слова этой известной довоенной песни — не про Козловку, поскольку электричество сюда перед войной не дошло вообще. Маленькая деревня с цепочкой дворов на гребне оврага... Внизу заросшая осокой тихая речка — где-то в этих местах и начинается Великий Днепр.

Более двух недель дети уходили от смерти, блуждая по двум районам Смоленщины. Как-то «по тылам врагов» пробралась на сто с лишним километров западнее Вязьмы. Холодные, голодные объезжали крупные селения,

где фашисты уже установили жестокие оккупационные порядки. Ночевали в сараях. С грудным ребёнком, который ночью может заплакать, на постой никто не принимал.

В один из морозных уже ноябрьских дней в эту Козловку и привезла сирот уставшая больная лошадь. Наверно, она почуяла корм — у деревни стоял овин, заполненный сеном, которое летом запасли для колхозного стада, но с приближением фронта скот куда-то угнали, а сено осталось. А может, это судьба решила спасти сирот. Пригнала их одинокая старая женщина. Самая бедная в деревне — Харитина Матвеевна. Из раскулаченных. Где-то на северных лесозаготовках стинули её муж и сын. Её, дочку церковного старосты, не тронули: была «учёная», помогала ликвидировать в селе неграмотность. Только в колхоз не вступила, жила особняком. Добротная некогда хата с сенями обветшала. Её зимние запасы были скудны: несколько ведер картошки с НЗ для весенней посадки. Кадка квашенных бураков — так обычно квасят капусту. Какой-то запас муки. А ещё две курицы, они зимой жили под печкой и иногда неслись. Всё это теперь надо было делить на четверых. У детей никаких вещей, чтобы менять на продукты, не было. Только мамино зимнее пальто, которым укрывались в дороге. Его высушили, вычистили и обменяли на два ведра картошки.

Днём передвижение между деревнями было запрещено: могли застрелить и немцы, и полицайи, однако с темнотой начиналась другая жизнь: оживали тени, они крались вдоль заборов, осторожно стучали в чью-либо форточку. Брат тоже просил подаяния. Иногда приходил домой замёрзший, с пустой сумой. А в ноябре, когда вообще пришла лютая зима, чтобы подросток не заболел, добрая женщина отдала ему тулупчик, ушанку и подшитые валенки, которые хранила для своего чада. Словом, выживали, как придётся. И «сивку бурку» подлечили. Ей дети носили воду, раны и потёртости мазали колёсной мазью. Успели до снегопадов даже навозить из леса валежника: печь каждый день тоже «просила есть». Она не только обогревала, варила, жарила, пекла, но служила ещё и... баней. Внутри был очень большой, метра в пол-

▶ Василий Исаевич Воронченко, командир партизанской дивизии «Дедушка»

тора высотой, свод. Вечером, когда под печки был ещё тёплый, в арку свободно пролезал взрослый человек с тазом и веником, мылся там, мог и попариться. И дети тоже «ходили в баню» в эту волшебную печку.

Между печкой и стеной сохли одежда, обувь. А в самом низу лежала большая стопка книг. Однажды женщина зачем-то достала одну, без обложки, с оборванными страницами и вслух прочла: «Эраст плакал, Лиза рыдала...»

— Баба Харитина, кого опять фрицы убили? Почему они плачут?

— Это не про войну, детка, это про... узнаешь, если выучишь буквы.

Позже я поняла, что первым моим букварём стала повесть «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина. Далее из-за печки «вылезли» два великана с именами Гаргантюа и Пантагрюэль, которых писатель-француз Франсуа Рабле отправил в интересное путешествие. Потом были другие книжки, и не только с буквами, но и с цифрами... Когда фашистов прогонят и баба Харитина отведет девочку в настоящую школу, её примут не в первый, а сразу в четвёртый класс.

Только это будет потом — осенью 1943-го, а пока шёл страшный 41-й. Оккупация, жестокие порядки. Сердобольная женщина, пытавшаяся хоть чем-то кормить больных детей, за какую-то мзду подряжалась прясть лён и ткать полотно. Когда дети совсем ослабли, зарезала сначала одну курицу и бульоном отпаивала хворых. Потом была совсем трудная ситуация: простудилась и едва не умерла старшенькая — тогда «сложила голову» и последняя её «скотинушка».

Адъютант «дедушки»

- Как сестры, мальчик?
- У старшей куриная слепота.
- Совсем не видит вечером?
- Похоже, совсем.
- Зайди попозже, я кружку молока напеку.

Это из разговора брата Валентина с соседкой. А вечером у тетки Устиньи Новицкой он встретил двух молодых уже мужиков, один был бородастый. Они будто бы нанялись то ли бон-

Валентин Гладков.

Адьютант „Дедушки“

ные трудные дни ты честно служил ей, была настоящим патриотом, и Россия этого не забудет. Крепко обнимаю тебя и сестричек. Ваи Д.*

—Нашелся, наконец-то!—вознованно произнес Гладков.
—Кто нашёлся?—спросил лейтенант.

—„Дедушка“. Он в госпитале.

—Когда немцы заняли район, где сейчас стоит эскадронья, лейтенант Валентин Гладков ушел в партизанский отряд и стал адьютантом знаменитого командира—„Дедушки“. Много хороших дел совершил в тылу врага этот отряд. Не один раз об этом сообщалось в сводках Совинформбюро. Но однажды партизаны под давлением крупных сил немцев вынуждены были отойти в Кучеровские леса. Фашисты выжгли все окрестные села и оцепили лес. Командир отряда приказал партизанам мелкими группами пересечь лес через линию фронта.

Гладков направился с группой в 12 человек, но вышел только интелро, остальные пали смертью

храбрых. Семь суток бродила уходящая горстка людей, питаясь одиной травой. Наконец добрались до леса между деревнями К. и Н.

Село К.—родина „Дедушки“. Здесь жил и отец Гладкова с двумя малыми сестричками, мать погибла во время налета вражеских бомбардировщиков. Решили отдохнуть в этой деревне. По всем данным, немцев здесь не было. Валентин пошел за продуктами. Вдурт из соседнего села пригласились немцы. Валентин пытался скрыться. Пока он пробирался к оврагу по бурьяну, немцы уже допрашивали отца, выламывая у него, где сын и его оружие. Избил его прикладом, но он ничего не сказал.

Потом немцы поставили за Валентина. Он застрелил башню оттуда настрелу выбежали два автоматчика. Бежать некуда, кругом—немцы. Пошли, обсыпали и повели в Н. Допрашивал командант: давно ли в отряде, где командир—„Дедушка“, где оружие? Предлагаю деньги, обсе-

тели взять в полицию, помочь семье. Ничего не сказал. Тогда начали его бить, стрелять из пистолета у самой головы, грозили повесить. Гладков не произнес ни слова.

На следующий день его отправили в „эпидемный“ по зверствам лагерь в Вальме. Там он пробыл 40 месяцев. Тяжелая лагерная работа длилась с утра до темного вечера. Корнили полкой из гнилого картофеля. Немцы чинили провозов и жестоко избивали всех, кто медленно работал. Голод, холод, побои и болезни уносили в могилу тысячи людей. Валентин переболел сыпным тифом, дизентерией и стал похожим на скелет. Но пока двигался, заставляли работать.

Однажды конвоюр ударил его прикладом винтовки по ноге выше колена—дотерь треснула, и обрадовалось восставшее излостотичие. Тогда Гладкова бросили в госпиталь для военнопленных. Это был холодный барак с голыми полами. Там Гладков пролежал полтора месяца без медицинской помощи.

Начав отступление, немцы оставили семь полуживых пленных. Среди них был и Гладков, когда пришла Красная Армия, ему

сделали операцию, повозили в госпиталь. После выздоровления Валентин возвратился в деревню К. Здесь он никак не мог встретиться, а отец ушел в Красную Армию.

—Немецкие палаты и госпитали, здоровье вышло истощено, но он хотел служить в рядах добровольцев и подал рапорт командиру действующего подразделения с просьбой зачислить его.

—Мой отец,—писал он,—сражался в войне, я также хочу быть на фронте в обмен денег, разгромлю немецких оккупантов. Очень прошу принять меня в ряды ЧФР.

И его зачислили моряком. Красная Армия победоносно шагает на Запад, беспрочно громя врага. В рядах советских воинов находится преданный патриот. Возвращай Валентин Гладков, который не имеет права растерзанному юноше, за малых лет сестричек сироток, за разрушенное семейное счастье.

Ответственный редактор
М. К

М ЕЖДУ деревнями К. и Н.—посадочная площадка. Валентин садится „У-2“. У машины взрывает мотор.

—Гладков, письмо!—послышалось из землянки.

—Ну? Вери!

Открытие испещрена мелкими ролями строчками: „Здравствуй, Валентин, голубчик! Прямо обрешала меня своим письмом, Гладков, что ты жив и здоров и сестра большая жива. Где же маленький сестричек? Ваи, заслуги твои перед Родиной велики. В са-

10-008

АДРЕС РЕДАКЦИИ: полевая почта 29756-М

дарьями, то ли худую крышу чинить. И Валентин зачастил туда. Он сразу понял, что по ночам в бане этой хаты происходит что-то важное. Что „дедушка“ (так дети звали старика) тайно собирает надёжных людей, тех, кто верит в нашу Победу, хотя кругом были фашисты.

Вскоре мальчик и ещё несколько надёжных людей, рискуя жизнью, уже выполняли его поручения: по ночам ходили от деревни к деревне, собирали попадавших в окружение солдат, носили устные приказы, на тетрадных листах писали и расклеивали листовки. Валентину даже ложки нашли. Василий Исаевич Воронченко — так звали бородача, ополченец, попав под Вязмой в плен, бежал, и вот дом его сестры в Козловке стал штабом, где в октябре 41 года практически и родилась на Смоленщине легендарная партизанская дивизия под названием «Дедушка».

Вскоре она объединила действовавшие во многих местах партизанские группы. Отряд быстро рос — начался массовый уход боеспособных мужчин и женщин в партизаны. Они отбивали склады с оружием, продовольствием, освобождая всё новые и новые населённые пункты. В один из дней и Валя тайно (всё это пряталось от глаз доброй Харитины Матвеевны) выгасил из подполья где-то как-то добытый ручной пулемёт, целое ведро гранат, аккуратно завернутые по одному детонаторы к ним, немецкий пистолет Вальтер и, попрощавшись с хозяйкой и сёстрами, ушёл с партизанами. С ним ушла в партизаны и наша «сивка бурка». Временами с оказией посылал домой весточку: «Жив, бью фашистов».

Сейчас о тех героических и трагических событиях войны на смоленской земле находим в Интернете ряд свидетельств ветеранов партизанского дви-

жения. Хотя серьёзного эпистолярного произведения о том, как жил и боролся один из крупных в тылу врага партизанский край, так и не случилось. Беда собрала там много храбрых людей. Прочтём хотя бы такое свидетельство в газете «Советская Россия» за 27 октября 1965 года. Публикация называлась «Тысяча семнадцать писем».

В ней командир той самой Первой партизанской дивизии имени «Дедушки» В.И. Воронченко рассказал о послевоенной переписке с бывшими партизанами, в частности, привел интересное письмо из Полевского Свердловской области. Адресат — начальник цеха завода оцинкованной посуды Александр Трофимович Калугин. Бывший командир партизанского отряда «Ураган» вспоминал, как 20 октября 1941 года один из членов его отряда вернулся из глубокого тыла и передал две рукописные листовки, из которых стало известно, что на стыке Дорогобужского, Глинковского, Ярцевского и Ельнинского районов успешно действует партизанский отряд «Дедушка». Это была замечательная весть, сигнал к действию! «В тот день, — пишет далее Калугин, — к вам на связь отправил Миколу Низгуренко, а вы прислали ко мне двух очень толковых подростков. Потом мы дважды встречались лично и разработали план разгрома немецкого гарнизона в городе Дорогобуже. А гарнизон противника был немалый: заградполк «СС», 160-й запасной пехотный полк, голубой легион финнов, карательный батальон и рота полицаяев. Все эти головорезы были истреблены в уличных боях на подступах к старинному городку крепости Дорогобужу». В январе в тыл врага вышли также кавалерийские части генерала Белова, потом на помощь партизанам высадился десант-

▲ Адьютант партизанского комдива Валентин Гладков

ники корпуса Казанкина, и к февралю 42 года полностью были освобождены населённые пункты нескольких районов Смоленщины. Так в 40–50 километрах от линии фронта возник и отважно сражался с врагами Дорогобужский партизанский край. Почти полгода в тылу врага была советская власть. Партизаны отвлекали на себя много немецких войск.

Зимой бить врага помогали русские морозы, но к весне (в конце апреля — начале мая) фашисты активизировались, подтянули много тяжёлой техники. Начались серьёзные бои. И потерь было много. В одном из них был серьёзно ранен Воронченко. Его и ещё нескольких партизан удалось самолётом переправить в Москву. Вскоре фашисты раздробили партизанскую дивизию, её штаб оказался блокированным в заболоченных Кучеровских лесах без боеприпасов, продовольствия. Много народу погибло. Тогда пришла команда: «Через линию фронта, через огненное кольцо выходить мелкими группами — кто как может». Уже повсюду шли облавы, полиция из местных предателей очень старались, от патрульных мотоциклов на дорогах постоянно стоял столб пыли. Иногда им удавалось схватить кого-нибудь из партизан. Избитых, окровавленных людей для устрашения возили по деревням. Валентин решил пробраться в Козловку, к сёстрам, но его выследил местный староста Семён Солдюков и донёс, что подросток состоял при штабе дивизии.

Парня схватили, увезли в соседнее село Озерищи — в комендатуру. Там долго допрашивали, требовали сказать, где осталось всё ко-

мандование, в каких местах надо искать, где штабные документы. Жестоко били, стреляли у головы, обещали за информацию даже денег. Парень только умывался кровью. Пообещав утром «вздёрнуть на пеньковый галстук», его бросили в подвал церкви, где ожидала своей участи ещё группа пленённых партизан. Но спустя неделю всех отправили в Вязьму, в «ДУЛАГ» под № 184. Этот лагерь смерти фашисты устроили в коробке крупного, недостроенного мясокомбината, обнесли колючей проволокой, оборудовали пулемётные точки. И там от ран, пыток, тифа, голода, тяжелой работы и холода за два года погибло (всё ли подсчитано?!) свыше 60 тысяч человек. Трупам были завалены 45 глубоких рвов (каждый размером с футбольное поле) и огромные ямы на еврейском и городском кладбищах.

Выживать в лагере помогало боевое братство. Так в январскую стужу, когда пленные разгружали вагоны с песком (Валентин был после тифа), его, избитого конвоирами до полу-смерти, спасли свои, не дали замёрзнуть. Уже в баракке медбрат из военнопленных установил, что от удара прикладом треснула кость правого бедра. Началось воспаление, бред, от скопившегося гноя нога распухла. Грозил гангрена. Требовалась срочная операция. И тогда тот же медбрат, без наркоза, вскрыл ему нарыв простым кухонным ножом...

А фронт подошёл к Вязьме только в марте. Всех, кто мог двигаться, немцы угнали. Когда в разрушенный и сожжённый город вошла наша разведка, в концлагере обнаружили всего семерых, ещё дышавших. Среди них был и Валентин Гладков. Но четверо почти сразу умерли: трое от туберкулёза, один — от водянки. Кроме Валентина, остались ещё двое: один — раненный осколком в живот, другой — с обмороженными ступнями, в бреду мечтавший о каком-то целебном уральском озере...

А дальше — Вяземская городская больница. И вердикт хирургов: «серьёзно повреждённая надкостница — это вулкан, который будет извергаться дважды в год, поэтому ногу лучше ампутировать». И направление в инвалидный дом. «Да как же так, — думал Валентин, — фрицы ещё топчут родную землю, и я не все долги за маму отдал врагам!» Врачи своё: «Отвоевался!» А он им свою арифметику: «Ему скоро семнадцать. За плечами полгода партизанской борьбы. Девять месяцев концлагеря. Дом разрушен. Отец на войне. Сёстры ещё за вражеской чертой. Нет, ему очень надо на фронт!» И Валентин

▼ Мемориал «Богородицкое поле»

пишет письмо в Центральный штаб партизанского движения. Парня услышали, перевезли в Московский госпиталь. Серьёзно подлечили, но обнаружили новую беду: туберкулёз (а его тогда лечить ещё не умели).

Когда выписали, он в справке «не годен» всё-таки две буквы стёр, скрыл и про туберкулёз, добавил себе ещё один год жизни (призывной) и опять ушёл добровольцем на фронт. Попал в авиационную часть 5-го гвардейского корпуса резервного главнокомандования (умелые руки были везде нужны). Его зачислили мотористом в эскадрилью связи при управлении корпуса. Потом обслуживал машину командира эскадрильи, стал механиком. С этой частью дошёл до Кенигсберга, затем авиационную часть перебросили на освобождение Латвии. Но однажды, когда немцы пошли на прорыв, надо было срочно готовить самолёт, подвешивать бомбы. Он поднял тяжёлую сетку и захлебнулся кровью.

Долгожданный День Победы над фашистской Германией встретил в госпитале. А дальше — вторая группа инвалидности с припиской: «Каждый профессиональный труд противопоказан». И началась для него другая жестокая война — со своими болезнями, а в промежутках — поиск работы. Валентин был гордым, помощи не просил. Лишь спустя двадцать лет ветераны отряда «Дедушка» собрали ему необходимые документы для получения персональной пенсии республиканского значения. Указали, в частности, что отважный подросток в феврале 1942-го вместе со спецотрядом под носом у фрицев обеспечил посадку нашего самолёта с медикаментами. За что вся группа и он были представлены к медали «За отвагу». Правда, наградные докумен-

ты при отступлении партизан были уничтожены, но не за награды же он воевал...

По Смоленской дороге...

Народная мудрость советует: «Всё плохое надо забыть, тогда оно остаётся в прошлом». Но каждый год с приближением даты 10-е сентября память возвращает всё тот же кошмар детства: вижу, как забившись в угол, ребёнок, захлёбываясь слезами, часами рыдает: «Все мамы идут, только моей мамы нет...». Послевоенная судьба разбросала детей по стране. Надо было учиться, но прежде восстановить: кто есть кто. Всю войну мы прожили без документов. К тому же в оккупации (отец был коммунистом) скрывали свою фамилию, а в детском доме (к тому времени наша добрая женщина умерла) девочек записали как «Беженцевы». Поэтому отец, вернувшись с войны, долго нас разыскивал. Даже свидетельство о гибели жены ему удалось получить только спустя... двадцать лет.

Много раз я собиралась в то самое «Вадино» — найти могилу мамы (мы же знали, что это святое место где-то там имеется), поклониться праху родного человека. Брат мне говорил: «Не нашёл маминной могилы я, а ты — и подавно. Даже с точными координатами это сделать практически невозможно».

Но в конце восьмидесятых мы с мужем всё-таки отправились с Урала на автомобиле в дальний путь. Был август и сезон дождей, но мы благополучно добрались до Москвы, а затем напрямую вышли на знаменитую Смоленскую дорогу. Нашли на каком-то километре железнодорожный переезд, будку с обходчиком и указатель «Вадино». Когда-то в этих местах были густые леса, сейчас пустота. Въезжаем. Сердце колотится, глотаю таблетки. В центре посёлка обнесённое про-

волокой предприятие, причём номерное. Вокруг несколько улиц. Люди все другие, новые. Никто ничего не ведаёт. Ищем хотя бы колодец — этот «вечный родник». Только и колодца уже нет — в посёлок провели водопровод. Несколько подростков, решивших нам хоть чем-нибудь помочь, окликнули проходившую старую женщину:

— Тётя Поля, эти люди спрашивают: где тут был старый колодец?

— Колодец? Так вы стоите подле него. Зарыли недавно, вот и земля ещё свежая...

Мне дышать вдруг стало нечем, вернулось что-то страшное из прошлого: гудящее, без солнца, чёрное небо, вспомнилось, как падала крыша, как упала берёза, как жутко вздымалась земля и резал уши грохот. А вот и рвануло прямо у её ног...

— А вы кто, откуда? И зачем вам колодец?

— Погибла мама... на этом самом месте в сорок первом... мы жили здесь...

— Здесь? А как фамилия ваша?

— Гладковы.

— Имя отца не Марк Петрович?

— Да!

Не со мной случись такое, я бы не поверила: женщина назвала имя моего отца! Оказалось: тётя Поля (Пелагея Макаровна Холампыева) после семилетки, получив водительские права, работала на грузовике, возила продукты в магазин сельпо, председателем которого как раз был мой отец. С первых дней войны весь транспорт мобилизовали, и она возила уже военные грузы. А когда прорвались фашисты, тётя Поля вместе со своим одноклассником Тимошей, Тимофеем Александровичем, ушла в партизаны.

После Победы оба возвратились в сожженное Вадино, на пепелище, практически рядом с тем местом, где жила и наша семья, построили дом. У них дочь Валентина, и взрослый, собиравший уже в армию, внук. Встретили они нас так трогательно, тепло, будто роднее людей вообще не бывает. Отца моего, хотя прошло более сорока лет, тётя Поля хорошо помнила, даже сказала, что это был высокий красивый мужчина, а вот маму — Евдокию Фёдоровну Гладкову-Строганову, в прошлом актрису, которая в клубе руководила художественной самодеятельностью, она не знала.

Мы понимали, что отыскать её могилу вообще нереально, но кладбище по каким-то божеским законам всё-таки сохранилось, мне даже показалось, что я вспомнила, как по ночам там, в соннах, ухали филины.

В своём палисаднике тётя Поля сорвала все лучшие свои цветы, и мы понесли их моей маме. На погосте — кресты и памятники, значит, следят за ними родственники. У входа, слева, большая территория — ни бурьяна, ни сорняков, всё тоже прибрано чьи-то заботливыми руками. А в траве только едва заметные холмики. Их много, очень много, «травой заросших бугорков»...

— Вот, выбирай, — сказала тетя Поля. — Какой тебе сердце подскажет.

Хотелось верить, что выбранный — как раз тот самый, мне дорогой... К нему и цветы, и сердце моё.

Силось вспомнить маму живой, её голос, улыбку. Напрягаю память. Нет. Только чёрно-белый портрет, чудом сохранившийся. Маме — 37, ей всегда будет только 37. Такая вот встреча с ней была у колодца и на Вадинском погосте.

И ещё о том памятном дне и о том кладбище. Кто там лежит под другими бугорками? Уверена, что здесь «сошли в вечность» не только погибшие жители Вадино, но и многие уральцы из того, разбитого 10 сентября 1941 года у станции воинского эшелона, так и не доехавшего до фронта. Все-вышний их знает поимённо. Мир всем и вечный покой!

«Любовь к отеческим гробам»

А теперь пора вернуться к самому началу нашего повествования — к событиям октября 1941 года у села с божеским названием. В 2009-м в память о той трагедии и огромных человеческих жертвах был создан на Смоленщине большой мемориальный комплекс под названием «Богородицкое поле». У входа стела, далее Аллея памяти и воинские захоронения, количество которых с каждым поисковым сезоном увеличивается. Там, где не удалось восстановить

имена бойцов, выстроились в ряд гранитные плиты, на них вместо имён погибших номера дивизий. Здесь покоятся останки бойцов и 22-й армии, сформированной Уральским военным округом, тоже попавшей в Вяземский смертельный котёл.

Каждый год в октябре сюда со всей Смоленской области собираются поисковые отряды для подведения итогов лета. Приезжают ветераны войны и родственники тех солдат, чьи имена удалось восстановить по медальонам. В 2017-м найдены останки 121 погибшего солдата, но только 12 имён стали известны. Среди них уралец из Елани Иван Львович Панкратин. Погиб, защищая Гжатск, город, где потом родился первый космонавт Юрий Гагарин.

Бойцы отряда «Долг» — люди особого склада, в основном добровольцы, с особой кожей, стальными нервами, знанием отечественной истории и аналитическими способностями. Они не гонятся за сенсациями. Кроме физической силы, должен быть ещё и дух божий, святой огонь. Каждая вахта памяти длится 8-12 дней напряжённой работы. Местом поиска может быть и поле, и лес, и река, и болото. Обследуется каждый метр порученного для поиска пространства. Героев по косточкам поднимают из небытия. У каждой такой находки под иконой Божьей матери «Взыскания о погибших» зажигают поминальную свечу. Хоронят воинов под оружейный салют. Только на «Богородицком поле» с армейскими почестями уже преданы земле 1448 останков защитников Родины.

Недавно я нашла по телефону Игоря Михайлова, бойца отряда «Долг», чей телевизионный рассказ так перевернул мою память. Спасибо ему! А он признался, что привык в поисковой работе ко всяким неожиданностям, но что мой случай вообще особый. Выходит, я — редкий свидетель кровавого события у села Богородицкое. Фашистская сволочь по мне промахнулась! **VG**

▼ С тётей Полей и её мужем

◀ Автор со своей сестрой Эммой. Военные годы

Владислав Карелин

Заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Три песни военных лет

Часть моих детских лет пришлось на лихие годы Великой Отечественной войны. Жили мы тогда в городе Каменск-Уральский в большом деревянном доме на улице Пугачева, 13. Улочка круто сбегала к городскому пруду. А весь жилой массив именовался — Бараба.

Детские воспоминания военного времени запечатлелись в моей памяти яркими отдельными картинками. Водопровода в нашем районе еще не было. Воду развозили в большой бочке, установленной на телеге. Лошадью управлял водовоз. Но за более вкусной водой я ходил к ключику, находящемуся в логу, на взгорье которого сейчас находится монастырь. Два ведра, через плечо — коромысло. Подъем из лога — крутой. Особая сложность — зимой: преодолеть путь так, чтобы в ведрах осталось побольше воды.

В этом логу зимой скатиться на лыжах — удовольствие. В годы войны в здании монастыря размещался хлебозавод. Александр Михайлович Чемезов, мой дед, отец мамы,

работал там контролером у въездных-выездных ворот. Здесь стояла избушка, которую звали «проходной». Булочки хлеба сверху к автомашинам спускали по деревянным корытам, в нижней части которых оставались мелкие-мелкие хлебные крошечки. Дед собирал их в мешочек. Возвращаясь из школы домой, я заходил к деду и уносил мешочек с хлебными крошками. Вечером их заваривали кипятком. Добавлялся лук, чеснок, и тюрка готова. Вкус — прекрасный.

Евгения Александровна Корелина (Чемезова), мама моя, в годы войны работала лаборантом в химической лаборатории на Уральском алюминиевом заводе. В качестве дополнительного пайка им выдавали пончики — эдакие округлые пирожки со сладкой

▲ Евгения Александровна и Георгий Захарович Корелины в день своей золотой свадьбы

◀ Евгения Александровна и Георгий Захарович Корелины. 1930 г.

начинкой. Мама привозила их домой и отдавала мне и сестре. Особенно запомнились дни, когда мама работала во вторую смену и возвращалась домой поздней ночью. Мы с сестрой не ложились спать до ее возвращения. Свой пончик я съedal мгновенно. А Эмма откусывала понемногу и долго жевала кусочки пирожка. Я садился около сестры и смотрел на ее медленную трапезу. Как правило, она подавала мне свой пончик со словами: «Откуси. Только немножечко». Как-то поневоле получилось, что большинство воспоминаний детства о военном времени связано с пищей.

Но особенно яркие и приятные воспоминания о военных годах связаны у меня с песнями. Георгий За-

харович Корелин, мой папа, долгие годы проработал нормировщиком на Синарском трубном заводе. Он обладал приятным тенорским голосом. И песни весьма часто звучали в нашей семье. Ни одно праздничное застолье не обходилось без песен. А мама пела даже во время своих домашних работ. Естественно, любовь к песне с раннего детства проявилась и у меня. В последний предвоенный год я участвовал в городском смотре художественной самодеятельности. Я только начал учиться в школе, в первом классе. Смотр проходил в клубе строителей, в районе алюминиевого завода. Меня вытолкнули на авансцену, перед занавесом. Аккомпанемент отсутствует. И я запел:

*Расплескалась река,
Бьются волны в берега.
Бульк, бульк – в берега.
Бульк, бульк – в берега.*

*Уже зимник воробей
Стал на солнце веселей.
Чирк, чирк – веселей.
Чирк, чирк – веселей.*

В то время я немного картавил. И поэтому у меня вместо «чирк» звучало «сйык». Я кончил петь. Зал взорвался аплодисментами. Мне пришлось «на бис» повторить песню.

Песня сопровождает меня всю жизнь. Параллельно со средней школой я окончил музыкальную по классу скрипки. В студенческие годы играл в симфоническом оркестре Уральского политехнического института. Увлекаясь туризмом, написал музыку для нескольких туристских песен. В том числе музыку «Гимна туристов Урала», на слова моего друга Андрея Вострякова. Эта песня в туристской среде звучит и поныне.

В моей песенной памяти сохранились три песни военных лет.

Шел то ли июнь, то ли июль 1941 года. Папа призван в армию. Полк формируется недалеко от Каменска (Катайск, Долматово – точнее не помню). У мамы на руках – четырехмесячный сын Станислав. Я держусь за мамину юбку. Едем в железнодорожном вагоне. Около станции, куда мы приехали, пала-

точный городок. Мама отдает мне Стаса: «Стой здесь. Никуда не уходи». И уходит искать папу. Стас спал. Но проснулся и заплакал. Что мне делать? Укачиваю его и пою: «Вставай, страна огромная. Вставай на смертный бой...». Эту песню я многократно слышал по радио. Но запомнил только несколько строчек. Поэтому повторял их многократно: «Вставай, страна... Вставай, страна...». Вокруг меня собралась толпа солдат, которым предстояло отправиться на фронт. Кто-то протянул мне конфету. Кто-то дал печенюшку. Вероятно, солдаты видели во мне своих сыновей. Совершенно незнакомые дяди гладили меня по голове, обнимали. И даже пытались подпевать. И Стас перестал плакать... Мамы не было очень долго. Она пришла в слезах. Оказалось, папин эшелон уехал накануне.

Текст песни «Священная война» был опубликован 24 июня 1941 г. в газетах «Известия» и «Красная звезда». Указан автор текста — В. Лебедев-Кумач, автор музыки — А. В. Александров. Песня впервые прозвучала 26 июня 1941 г. на Белорусском вокзале в Москве в исполнении группы Краснознаменного ансамбля Красноармейской песни и пляски СССР. Дирижировал — А. В. Александров. Тогда песню исполнили пять раз подряд. В военные годы она звучала по радио практически ежеднев-

но. Позднее ее называли «Гимн защиты Отечества» или «Гимн Великой Отечественной войны». В постсоветское время появились публикации, из которых следовало, что текст этой песни написал учитель русской словесности А. Бодэ. И посвящена она была Первой мировой войне. У А. Бодэ первые строки звучали так:

*«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С германской силой темною,
С тевтонскую ордой.»*

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!»*

В этих, как и в следующих, куплетах песни в тексте В. Лебедева-Кумача внесены некоторые уточнения по сравнению с текстом А. Бодэ. Думается, не важно, кто какие строки сочинил. Важно другое: слова песни, как в Первую, так и во Вторую мировую войну, призывали встать на защиту Отечества. И россияне, как на фронте, так и в тылу, откликались на песенный призыв. И отстояли независимость своей Родины.

Еще одна песня военных лет оказалась на меня большое эмоциональное влияние. Это — песня «В землянке»:

*«Вьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...»*

Текст написал А. Сурков, а музыку — К. Листов. Алексей Сурков в ноябре 1941 г. в письме к своей жене с фронта написал 16 строк в виде стиха. А в феврале 1942-го Константин Листов сочинил музыку к этому стиху. Песня была сердечно встречена простыми советскими людьми.

Зима 1944 г. В стране проводились какие-то выборы (вероятно, выборы в местные советы, так как выборы в Верховный Совет СССР во время войны не проводились). В нашей школе была создана самодеятельная бригада, которая давала концерты на избирательных участках. Я тогда пел песню «В землянке». Один из первых концертов проходил в военном госпитале. Музыкального сопровождения у нас в бригаде не было. А в госпитале нам сказали, что у них лечится прекрасный баянист. У него и баян есть. Привели этого баяниста. Молодой парень. Вся голова забинтована. Нижний край бинта почти полностью закрывает глаза. Не помню, как звали баяниста. Он

► В этом здании в военные годы находился военный госпиталь (ныне школа № 3).

◀ В этом здании на улице К. Маркса в военные годы находилась начальная школа

везли с собой (ездили мы по участкам на телеге-розвальне в упряжке с большой мохнатой лошастью). Баяниста сопровождала медицинская сестра. На третьем или четвертом концерте произошел памятный эпизод. На сцену вынесли стул. Под руки вывели баяниста. По залу прокатился... вздох. Я встал сбоку и несколько впереди баяниста и запел песню «В землянке». Примерно на третьем куплете случилось что-то непонятное:

*«Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага...»*

Баянист вдруг стал делать паузы в музыкальных фразах. Я посмотрел в зал. Там сидели одни женщины. И почти все вытирали платками глаза. А некоторые плакали навзрыд. Я повернулся к баянисту: из-под его бинтов тоже текли слезы. Видимо, песня всколыхнула и его воспоминания. Уже всхлипывал весь зал. Концерт был скомкан. А нашего баяниста сразу же отвезли обратно в госпиталь.

Третья песня, «Дороги», строго говоря, была написана уже после войны, в 1945 году. Но она — о войне:

*«Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян...»*

Текст песни написал Лев Ошанин, а музыку — композитор Анатолий Новиков.

До мелочей помню, как папа вернулся с войны. Зимняя ночь. Стук в окно. Вылез из-под одеяла. Через стекло увидел... папу. Босые ноги — в валенки. И в нижнем белье побежал открыть дверь около ворот.

С папой мы частенько играли в шахматы. Уговор — проигравший поет песню. Бывало, за вечер я певал их немало. Но случалось, наступал черед петь папе. Он всегда запевал одну и ту же:

*«Эх, дороги...
Знать не можешь доли своей:
Может, крылья сложишь
Посреди степей...»*

И всегда песня прекращалась после одной и той же фразы:

*«Выстрел грянет,
Ворон кружит,
Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит...»*

Один-два взмаха рукой, и на этом наша шахматная баталия прекращалась. Папа никогда не говорил мне, кто же был этим его дружком. Вспоминал он его именно этой песней. **УС**

бойко подобрал мелодии всех наших песен. И мы выступали перед ранеными уже с музыкальным сопровождением.

Концерт в госпитале, под музыку, прошел успешно. Мы с большим трудом уговорили начальника госпиталя отпустить раненого баяниста с нами на следующие избирательные участки. Баяниста мы по-

Новоуткинская

Если екатеринбуржцу задать вопрос: «Какая пещера находится наиболее близко к городу?», можно услышать — «Дружба» (Нижнесергинский район) или, на худой конец, Смолинская (Каменский), а не.

Пещера гротового типа спряталась в скалах на окраине поселка Новоуткинск и имеет ну очень оригинальное название — Новоуткинская. А вот дальше начинаются тайны.

Расположенная чуть ли не среди жилых домов, известная среди местных жителей, пещера до сих пор скрывает удивительные факты, связанные с ней.

Вероятно, первое упоминание о ее существовании приведено в ста-

Вполне приличная пещера находится около железнодорожной станции Коуровка, но не на реке Чусовая, как можно было подумать, а рядом, на реке Утка, ее левом притоке.

пещера

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фото Галины Мельниковой

Николай Ерохин

Родился в 1960 году на Северном Урале. Заведующий музеем Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской Академии (г. Екатеринбург), краевед, знаток журнала «Уральский следопыт».

ринном геологическом специализированном издании «Горный журнал». Геолог Ф.Ю. Гебауер (1846–1902), исследователь месторождений каменного угля на Урале, побывал там. Как человек, который интересовался возможностью нахождения в пещере остатков древнего человека или древних животных, он посетил ее, а рабочие его экспедиции выкопали шурф внутри грота. Нашли расколотые кости животных. Гебауэр отправил их в Санкт-Петербург, «глубокоуважаемому остеологу В.О. Ковалевскому (кстати, мужу известной русской женщины-математика С.В. Ковалевской) и, конечно, получил ответ: «Кости принадлежат лосю и бизону».

Вообще-то лось — современное животное, а вот первобытный бизон — вымершее, как и мамонт, но особых выводов исследователи не сделали, и на этом интерес к пещере пропал, а значение находок из нее было предано забвению.

В путеводителе Е. и Ю. Постоновых «По реке Чусовой» эта пещера упоминается и даже рекомендуется к посещению, но... кроме указанных приблизительных размеров, в тексте нет более ничего.

В 1995 году этот природный объект был целенаправленно посещен и исследован небольшой группой школьников «Экологи-

экспедиционного отряда» центра дополнительного экологического образования объединения «Дворец Молодежи города Екатеринбург».

В первую очередь было сделано то, что должен был сделать любой географ, а тем более исследователь пещер — составлен детальный план пещеры (вполне возможно, самый первый, а может быть, и единственный до сих пор). Затем был найден шурф Ф. Гебауэра и предпринята попытка понять, почему именно с этого места началось исследование этой пещеры. Ну и, наконец, внимательнейшим образом исследована поверхность

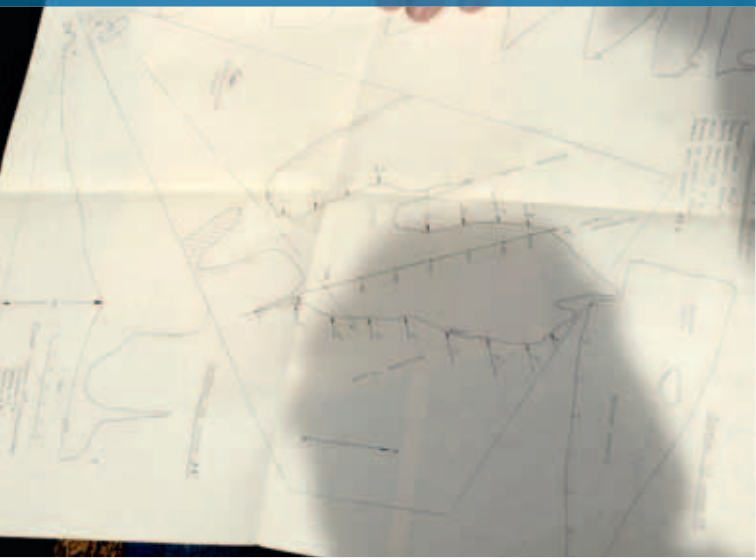
пола (без раскопок) и обнаружены необычные находки — разрубленные человеком кости, но не домашних животных, а диких. И не просто диких, а снова лось и... северного оленя.

Дикая таежная форма северного оленя еще достаточно часто встречалась в этих местах 300 лет назад, а следовательно, пещера могла быть использована как временная стоянка охотника (манси или русского) около 300 лет назад.

Вряд ли это мог быть русский охотник, так как останавливаться и ночевать в пещере в несколь-

ких километрах от находящихся рядом домов теплого и уютного русского поселка Чусовская слобода (она же Утка Государева), возникшего еще в 1651 году, нет смысла. Если охотник был манси (вогул), тогда эта его пещерно-охотничья стоянка существовала до середины XVII века.

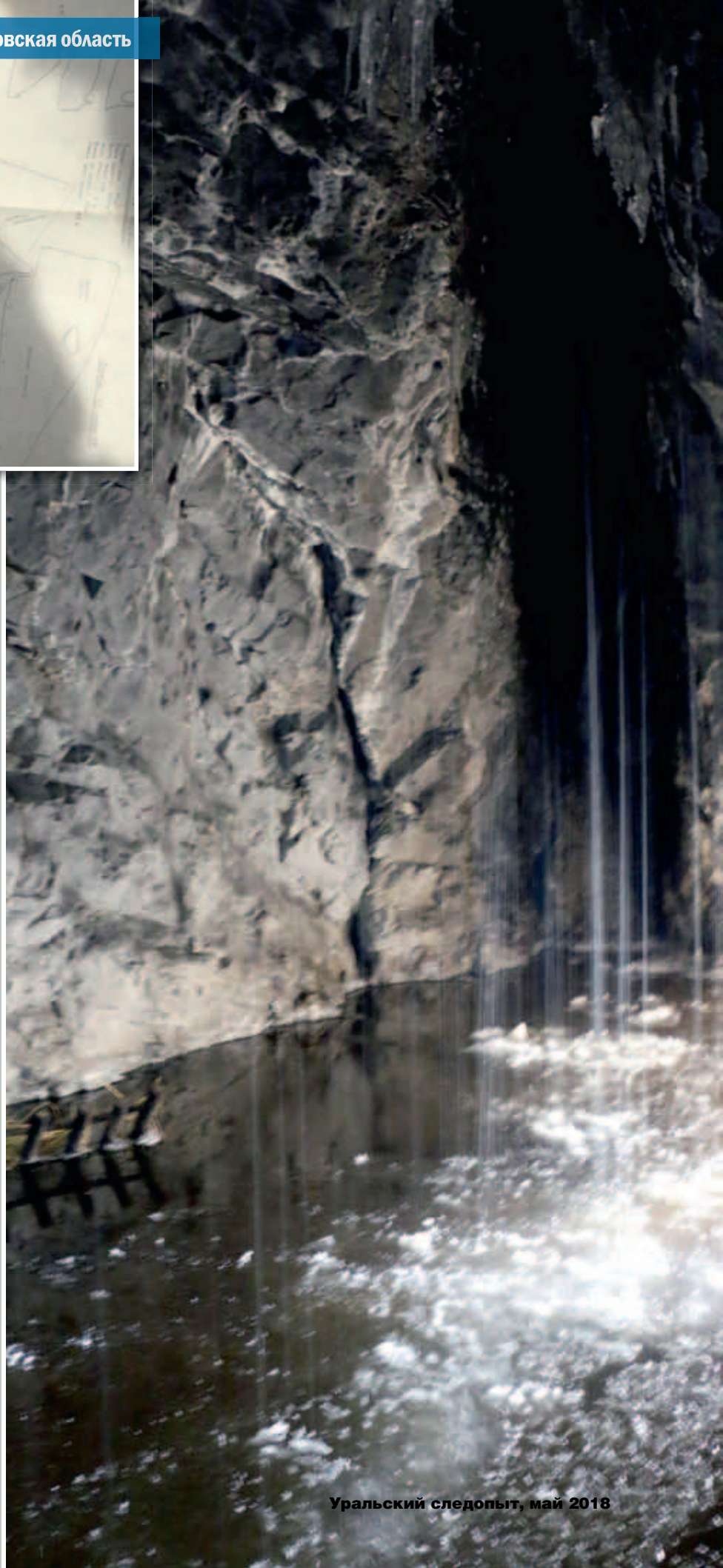
Костных остатков было найдено мало, следовательно, это временная остановка охотника, а не постоянное место жизни группы людей, тогда бы костей (остатков трапез) было бы гораздо больше.

Есть, правда, еще одна гипотеза — пещера могла использоваться как логово придорожных русских разбойников, ведь рядом, вдоль реки Чусовой, проходила вторая по значимости дорога на Урале после Бабиновской (в те давние 1600-е годы). Потому вероятность пожить здесь чем-либо на «большой дороге» у них была. Тем более, что существуют легенды, что это место и называется Коуровка потому, что в пещере обитала шайка разбойника по кличке Коурко.

А есть и другое мнение, что тут были сенокосы слободчан Коуровых из уже упоминающейся Утки Государевой. Разобраться бы во всех этих хитросплетениях нашей уральской истории.

Но вернемся к топографическому плану пещеры и костным находкам, найденным участниками «Эколого-экспедиционного отряда».

Чтобы эти кости могли «заговорить» после этой экспедиции, ребята их изучали несколько месяцев, чистили, мыли, определяли, изучали, как их разрубали, и ... съедали. Искали любую информацию об этом месте, даже используя аэрофотоснимки (Google тогда еще не было), и нашли рядом более древнюю, разрушен-

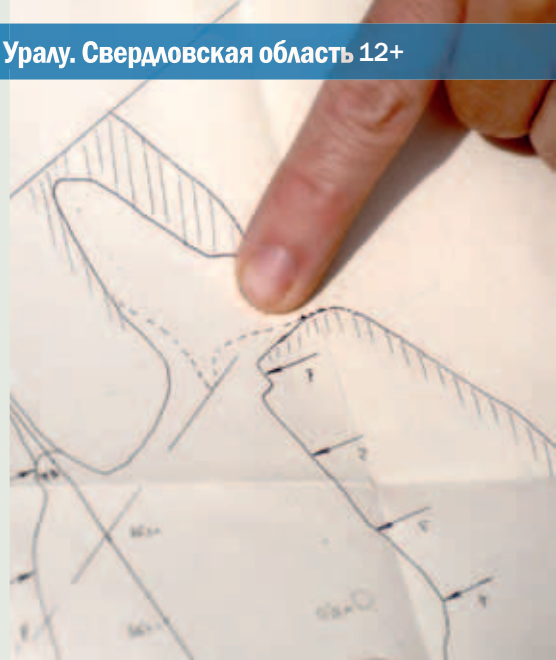

ную пещеру. Полученные материалы затем отправили заинтересованным лицам. А план пещеры — в комиссию по учету пещер Ассоциации спелеологов Урала, кости — в музей Института экологии растений и животных УрО РАН.

Прошло много лет, школьники-исследователи повзрослели, но по-прежнему очень любят природу Урала, а мы снова посещаем это интересное место.

В апреле 2018 года в пещеру отправилась экспедиция «Уральского следопыта» и подтвердила многие предположения бывших юных экологов. Интересно, что время внесло свои коррективы в жизнь пещеры. Теперь место охотничьей стоянки языческого охотника-вогула или схрона русского разбойника используется местными жителями в новогодние дни как христианский символ. Новоуткинская пещера используется как аналог пещеры — места рождения Христа. Тут и крест, и загон для ягнят, подсыпана солома, устанавливаются елочки.

Меняется назначение, но внешний облик геологического памятника природы Новоуткинская пещера в известняках Каменноугольного периода Палеозойской эры, у поселка Новоуткинск городского округа Первоуральск Свердловской области, — остается. **✎**

Царство полярной совы

Природа Севера не богата на краски. Тут преобладают зелёновато-коричневато-серые тона, хотя весной и летом низкие сырые места среди однообразного ландшафта украшает красочное разнотравье. Тундра словно оживает. Здесь и жёлтые поляны купальниц, и сине-фиолетовые кисточки синюх, и розовые россыпи «раковых шеек».

Река времени

▲ Долина реки на Канине.
Фото Николая Тимофеева

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Участник многочисленных экспедиций. Автор более 600 научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского слепопыта». Живет в Москве.

Фотографии
Александра Кривошапкина
(Якутия)

◀ Совиные места на полуострове Канин. Фото автора

Мшистые места и участки с глинистым дном вдоль берегов мелких озёр усеяны мелкими, приятно пахнущими цветками лютика Палласа. Немного порадует северная природа ещё под конец лета и осенью. Начинаются тёмные ночи и наступает пора забываемых зорь. Зацветает иван-чай, а после первых заморозков краснеют листья морозики и княженики, золотисто-жёлтыми или жёлто-коричневыми становятся стебли и листья чемерицы.

Почти незаметны в тундре на её однообразном фоне звери и птицы. Можно часами осматривать в бинокль склоны холмов и низины, каменистые развалы и кустарник,

альное, заметное чуть не за километр, — ярко-белое пятно. Приглядишься, а пятно-то «живое», да ещё ворочает из стороны в сторону головой. Это — одно из незабываемых и ярких украшений тундровой природы, белая, или полярная, сова.

Белая (полярная) сова — самая крупная и «умная» птица среди северных пернатых, но она очень осторожна и скрытна. Моё знакомство с ней состоялось ещё в студенческие годы, когда на Командорских островах собирал материал для дипломной работы. На о. Беринга, проходя маршрут по левому берегу р. Гаванской, на поло-

правил крылья, сделал несколько взмахов и, перелетев долину поперёк, оказался на противоположном её склоне. Сомнений не было, это — полярная сова, о которой я уже много читал, но вживую пока не видел. И вот случай представился.

Эта первая в жизни сова немало погоняла меня по чавкающей командорской тундре с её осочниками, болотинами и окошками воды. Ведь осторожная птица давала возможность подойти к ней всего на сотню-другую метров, а затем взмывала в воздух и, сделав несколько плавных махов крыльями, удалялась снова на километр-

▲ Полярная сова в полете

торфяники, берега озёр и ложбины с ручьями в поисках какого-либо «цветного пятна», но так ничего и не заметить. Правда, иногда вдруг повезёт, и среди скучного пейзажа возникает что-то нере-

гом склоне её обширной долины я заметил белое пятно. «Снег», — подумалось сначала, но уж очень небольшой снежничек, хотя они здесь — явление обычное даже летом. Засомневавшись, напрямик направился к «снежнику». Каково же было моё удивление, когда «снежничек» внезапно рас-

полтора, словно затевала со мной игру «а ну-ка, догони». Иногда казалось, вот-вот, ещё немного, и можно будет даже «погладить» красивую птичку, но... не тут-то было. Дальнейшее знакомство с полярной совой продолжилось уже на Русском Севере и Полярном Урале.

▲ Портрет белой совы

Белая сова — типичный житель тундровой области Северного полушария. По островам ледовитых морей она распространяется далеко в Арктику, встречаясь и на полярных архипелагах, где держится у колоний морских птиц, птичьих базаров, хищничая и нападая на птенцов. Это я наблюдал и на Новой Земле, и Земле Франца-Иосифа, причём в последнем случае всего лишь в каких-то десяти градусах от Северного полюса. Вот ведь какая птица, настоящая полярная жительница.

Считается, что белая сова обычна на гнездовьях севернее 70 градуса широты, но залетает и в Скандинавию, Прибалтику, Польшу, другие страны Европы. Проехав не одну тысячу километров по Русскому Северу, побывав на Ямале и в Якутии, на Чукотке и Командорских островах, могу заметить, что везде эта птица была редкой, наблюдать её удавалось всего по несколько раз за полевой сезон. Это, кстати, подчёркивает большое путешествие.

Но есть у нас в тундровой зоне одна обширная территория, где белая сова очень обычна. Это — полуостров Канин. Тут её так много, что я бы без преувеличения назвал канинские тундры настоящим царством полярной совы.

Не каждому путешественнику посчастливилось побывать тут; я был на Канине всего два раза, но могу с полным основанием присоединиться к утверждению, что эта территория — действительно царство белой совы.

Полуостров Канин — самый «глухой» угол на Русском Севере. Напоминающий человеческую руку с «указующим» на северо-запад «перстом» — мысом Канин Нос (или как его называли в старину — Тонкóй нос). Полуостров лежит по левому борту судна, направляющегося через горло Белого моря в Баренцево. Это — страна дождей, туманов и ненастных дней, где появление солнца для его редких жителей — в основном оленеводов-кочевников и потомков поморов, живущих в крошечных деревушках по устьям рыбных рек, — настоящий праздник. Как и столетие назад, Канин — одно

из самых малопосещаемых на Севере мест — был и остаётся окутанным тайнами и легендами.

Берега полуострова, сложенные пластами торфа, песка и глины, интенсивно разрушаются морскими волнами. Ведь эти рыхлые породы пронизаны подземными жильными льдами, а летом под влиянием солнца и морских волн они теряют свою плотность и обрушиваются в океан.

Поэтому тут везде видны следы свежих обвалов, а куски торфа плавают на волнах. Обвалившаяся в море глина быстро размывается волнами и, перемешиваясь со старой травой, снесёнными сюда ветками кустарничков, образует няшу, своеобразные жидкогелеобразные отложения, заполняющие все неровности дна, часто и глубокие ямы. Скапливаясь в устьях рек и ручьёв, няша нередко представляет опасность для путешественников, караванов и пасущихся оленей, которые проваливаются в спрятанные под её слоем предательские природные ловушки и гибнут в них.

Сразу от моря берега полуострова поднимаются уступами

в несколько метров, образованными промёрзшими грунтами, а сверху они уже заняты тундрами. Средняя и северная часть полуострова — это безбрежная, усеянная сырими местами, болотами, низинами, озёрами, ровная, как стол, территория лишь кое-где оживляется невысокими сопками и торфяными буграми. На севере Канина, примерно посередине, проходит невысокая гряда из старых, разрушающихся скал. Всё это царство сырости пересекают в разных направлениях небольшие реки и ручьи, образуя множество петель, меандров, излучин, — словно гигантские змеи извиваются на зелёно-коричневом фоне тундры.

Эта часть Русского Севера уже не одно столетие мало обитаема. И сейчас тут нет ни геологов, ни других добытчиков природных богатств, а селений всего несколько, да и те ютятся по беломорскому берегу Канина, жителей в них по несколько десятков. Канинские тундры облюбованы только стадами оленей, которые не нарушают природную гармонию. Существование белых сов здесь никто не нарушает.

О том, сколько здесь сов, свидетельствуют дневниковые записи географа из Московского университета С.Г. Григорьева, который в 1900-1920-х гг. путешествовал по полуострову и имел возможность понаблюдать за белыми совами в самых разных ситуаци-

ях. Во время кочёвок с оленеводами ему они встречались на каждом шагу. По всему маршруту оленьего аргиша совы, словно белые верстовые столбы, сидели на высоких торфяных буграх и обрывах, на вершинах невысоких гряд, будто обозначая дорогу оленьему стаду.

Необычайно высокая численность белых сов в этой части тундровой зоны связана с её природными особенностями. Григорьев пишет: «По-видимому, мы вступили в область, довольно густо за-

▲ Полярная сова прилетела на вершину холма

селённую леммингами, и вместе с тем в царство белых сов. По крайней мере, с этого дня и до Болванских сопок, где характер местности совершенно изменился, мы на каждом шагу встречали в ёре (ёра, ерник — термин, употребляемый для обозначения зарослей карликовой берёзы. — **Н. Вехов**) кучки помёта и норы леммингов и вместе с тем почти неотъемлемым элементом ландшафта были разбросанные то тут, то там, обыкновенно далеко, в виде точек, неподвижные, как изваяния, фигуры белых сов». Видимо, в сырых тундрах полуострова ежегодно образуется столько растительной пищи, что её запасы способны прокормить многочисленное население леммингов, а те, в свою очередь, обеспечивают выкармливание птенцов полярных сов, отчего их численность тут постоянно высокая. По крайней мере, иными причинами нельзя объяснить те сведения, какие приводит для совершенно разных по климатическим условиям лет С.Г. Григорьев, хотя в других районах ареала полярной совы из-за резких межгодовых колебаний численности леммингов даже размножаются нерегулярно.

◀ Гнездо совы

В тундре совы оказались, подобно нашим среднерусским сорокам, очень любопытными. Григорьев продолжает: «Ночью, пока мы спали, совы подлетали совсем близко к лагерю: Покровский, вышедший из палатки рано утром, видел их очень недалеко; однако с первым пробуждением лагеря сторожкие птицы опять удалились на почтительное расстояние».

Хотя в природе белую сову мне удавалось наблюдать почти ежегодно во время своих северных

экспедиций, встретить её гнездо не удалось ни разу.

Увы, гнезда этой сверхосторожной птицы не могли найти и другие путешественники, проехавшие по тундре не одну тысячу километров.

Среди них, например, специалист по оленеводству С. В. Керцелли, исколесивший в начале XX в. с пастухами, казалось бы, всю Большеземельскую тундру и предгорья Полярного Урала. Он тоже был вынужден заключить: «Белых

сов в *Пай-Хое* (северное продолжение Полярного Урала. — **Н. Вехов**) было множество, но, по-видимому, у каждой пары был свой определённый район. Обычно видны были только самцы, самки же настолько тщательно прятались, что мне не пришлось ни разу найти гнезда совы. Самец очень храбр и смело, по-соколиному, бросался на собаку, если она близко подходила к камню, на котором он сидел. Обычно самец подымался тогда широкой спиралью в высоту, описывая крутую дугу, бро-

сался на собаку, ударял её налету и опять подымался вверх».

Найти гнездо полярной совы почастливилось известному русскому писателю, страстному путешественнику и охотнику И. С. Соколову-Микитову во время посещения Лапландского заповедника на Кольском полуострове. Этому неординарному событию он даже посвятил свой рассказ «Гнездо совы», заодно познакомив читателей с подробностями «совиной» жизни. «В каменных россыпях, еще покрытых слежав-

◀ Полярная сова на Тимане.
Фото Николая Тимофеева

▲ Совята с одним из родителей

шимся снегом, мы нашли жилое гнездо полярной совы. Огромная белая птица бесшумно слетела почти у самых ног. Хорошо видна круглая голова, раскрытые широкие крылья сливаются с белизной снегов.

В устланном пухом гнезде я увидел два насиженных яйца. Несмотря на мороз, яйца были теплые, в них наклевывались птенцы. Эта замечательная птица очень рано начинает откладывать яйца. Самое удивительное, что даже в сильные морозы охраняемые родителями насиженные яйца не застывают.

Нередко в гнезде совы находят оперившихся птенцов и только что снесенные, еще не насиженные яйца.

Полярные совы зимуют в тундре. В ночной темноте пролетают они над мерцающими в звездном свете снегами. Обычным кормом птиц являются полярные мыши-пеструшки, зимою живущие под снегом. Там, где водятся зайцы, полярные совы беспощадно преследуют беспомощных зверьков.

Редкий заяц не побывал в когтях полярной совы. Старые зимовщики рассказывают о невероятном скоплении зайцев, по неизвестным причинам теперь почти исчезнувших на берегах озера. Зайцев, собиравшихся многочисленными стаями иногда под самыми окнами зимовки, преследовали полярные совы. Они садились на крышу, точно грозные часовые, свою тяжестью не раз обрывали антен-

ну. Чтобы избавиться от докучливых посетителей, зимовщики стреляли их беспощадно, но полярные совы всю зиму продолжали их беспокоить.

Весною и летом, как бы поделив на участки просторы тундры, полярные совы ведут уединенную сторожевую жизнь. На темном фоне тундры неподвижными белыми столбиками маячат их застывшие головастые фигуры.

Долгими часами в полнейшей неподвижности дежурит на своем наблюдательном посту сова. С непоколебимым терпением ожидает она появления добычи. Удивительной остротой зрения обладают полярные совы. В ночной темноте и при дневном свете на большом расстоянии замечают они промелькнувшего в траве лемминга. Охотнику редко удается подойти близко к спокойной сидящей сове. В отличие от других птиц, населяющих тундру, необычайно осторожно ведет себя этот свирепый и зоркий хищник. Только при случайной встрече удается подстрелить огромную птицу, зимнее оперение которой кажется белее снега.

Выходя по ночам, мы слышим странное гуканье, доносящееся с каменных россыпей и останцев. Так перекликаются над тундрой полярные совы, вместе с другими птицами переживающие пору любви. Сказочными кажутся в тишине солнечной ночи голоса невидимых, таинственных птиц».

Вот такая она, полярная сова. **У**

Цветная палитра Урала

Фото Евгения Тамплона
Коллекция Уральского минералогического
музея В.А. Пелепенко

Сергей Колисниченко

Географ, педагог, минералог-любитель, автор замечательных книг-альбомов о минералах и поделочных камнях Южного Урала. Много лет руководит кружком юных геологов в Челябинске.

Амазонит

Амазонит — минерал из группы силикатов. Разновидность микроклина, имеет зеленый цвет. Окраска связана с присутствием в кристаллической решетке минерала химических элементов свинца и рубидия. Твердость 6 по шкале Мооса. Спайность совершенная. Блеск — стеклянный. Минерал гранитных пегматитов.

Амазонит — камень, известный человечеству с глубокой древности. Он фигурирует в виде артефактов древнейшей истории. Особенно в Египте и Южной Америке, где ему нашлось место в изделиях мастеров и в легендах, выступая символом жизни и молодости, вобравшим своим цветом зелень. Впоследствии минерал этот получил красивое название — амазонский камень.

«В сердце мумии следует класть амулет из зеленых камней в виде скарабея» — гласит древняя надпись в египетской пирамиде. Ранее историки сосредотачивали свое внимание на изучении роли скарабея как священного животного. Но все дело оказалось в цвете материала, а не в форме амулета. Исследуя мумию древнеегипетского мальчика, который жил 4,7 тыс. лет назад, в пеленаниях мумии была обнаружена кожаная сумка, а в ней два зеленых камня. Ранее археологи находили в таких захоронениях маленькие каменные фигурки — ребенка или животного — или просто обработанные под гальку кусочки зеленого минерала. Заботливые родители положили к телу умершего мальчика зеленый камень — амазонит. «Зеленая магия» должна была охранять мальчика в загробном мире. А при жизни подростков украшали зеленой косметикой, изготовленной из перетертого малахита, как бы предохраняя тем самым от несчастий».

Зеленый цвет означал в Древнем Египте физическое благополучие и процветание, символизировал мо-

лодую растительность. Поэтому часто в древних документах и фресках мальчики изображались с подведенными зеленой краской глазами. Скорее всего, амазонит, хризokolла, малахит были именно такими детскими камнями.

В музее искусств им. А.С. Пушкина в Москве хранится древнеегипетская статуэтка головы фараона Сменхкара, жившего в XIV веке до н.э. На каменном изображении видны характерные штрихи египетской персоны довольно юного возраста. Подведенные брови, выразительные глаза и губы скульптуры показывают важную роль этой работы не только как портрета, но и оберега для царствующего молодого человека. Амазонит для статуэтки выбран автором преднамеренно, как бы подчеркивая божественное проявление молодости и красоты фараона.

По всей вероятности, египтяне верили, что цвет сам по себе является источником священной энергии, которую можно направить на созидание. Цвет воспринимался как составная часть мира и бытия. Красный был символом жизни и победы, белый — чистоты и всевластия, черный — ночи и смерти, голубой — жизни и перерождения, желтый — вечных и неразрушимых начал, таких как солнце и золото. Первые каменные амулеты известны человечеству уже 6,5 тысячелетий.

Являясь разновидностью полевых шпатов, а именно микроклина, амазонит, или амазонский камень, занял в свое время достойное место среди любимых цветных камней зеленого цвета. Количество камня и его запасы, цвет, ласкающий глаз, легкость обработки и дешевизна не позволили вытеснить его с рынка камня долгое время. Но внимание к амазониту все же пери-

одически менялось. Как меняется мода на цвет и прочие достоинства природного чуда.

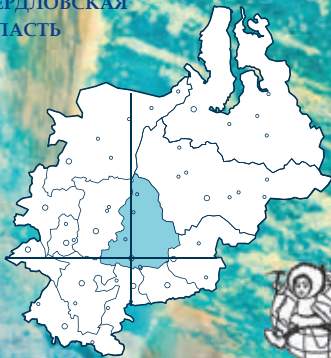
В России амазонский камень впервые «явился» на свет на Южном Урале, в Ильменских горах. Здесь в конце XVIII века были открыты десятки пегматитовых жил с амазонитом, где содержался этот камень в больших количествах и довольно крупными блоками. И самое главное — он обладал интенсивной зеленой окраской разных оттенков. Об открытом в 1783 году Германом новым камне России отмечается в истории: «... он отливал на солнце, а цвет его был так прекрасен, что тут же было приказано добыть амазонит для Екатеринбургской гранильной фабрики и из лучших сортов вытачивать вазы».

Несколько позднее амазонит был открыт в самоцветных копях Забайкалья, Южной Сибири, в Кейвах на Кольском полуострове — горы Плоская и Парусная, где минерал слагает мощные жилы прекрасного поделочного камня.

При кажущемся однообразии всегда зеленого цвета амазонит различается яркими или чуть заметными нюансами оттенков и нацветов — камень бывает интенсивно-зеленого цвета, зеленовато-бирюзового, голубоватых оттенков. Правда, редкий художник, кроме самой природы, сможет передать на своем холсте — камне — тайны игры цвета.

Встреча с амазонитом в природе для человека не остается бесследной. Увиденное зрелище не просто изумляет даже посвященного, но и становится порой стартом новых увлечений и познаний. С поднятого с земли куса ярко-зеленого камня начинается коллекция или даже путь в науку под названием минералогия.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Амазонит — камень с непривычным названием, но с загадочным и приятным цветом.

ОБРАЗЕЦ МИНЕРАЛА
предоставлен Уральским Центром камня

Амазонит

Фират Нурмухаметов,
директор Уральского Центра камня.

▼ Амазонит, призматический кристалл на кварце. Гора Плоская, Кольский полуостров

Сухая и солнечная погода скрывает этот камень, он становится белесым и сероватым, а цвет — тусклым и невыразительным. А придешь на амазонитовую копь в непогоду — тут-то и ждет тебя фантастическое созерцание. Пасмурная и сырая погода — его день! Камень расцветает и тянется к путнику! Каждый камешек в карман, с собой! Потом разберемся, вечером, в тепле-сухе, дома.

Амазонит в Ильменских горах является породообразующим минералом для 66 пегматитовых жил с топазом, бериллом и фенакитом. Амазонитовые копи удачно сочетают в себе запасы цветного поделочного камня и драгоценные — редкие и дорогие минералы — гелиодор, аквамарин, топаз, фенакит. Последние и были причиной как открытия, так и разработок пегматитовых жил. При этом амазонит почти весь «уходит» в отвал...

«В двух верстах далее к северу находится другая каменоломня зеленого полевого шпата, который есть род письменного гранита, или так называемого еврейского камня, и образует, как в первой каменоломне, жилу в гнейсе. В середине сей жилы находятся весьма большие кристаллы зеленого полевого шпата, кои однако ж редко выламываются совершенными, потому что они срослись частью с кварцем, частью с альбитом», — замечает в своих полевых дневниках исследователь ильменских минералов И. Менге в 1824 году.

Несколько позднее в Ильменских горах стали постоянными добычи амазонита. Например, уже в 1831–1832 годах по приказу графа Л. А. Перовского была снаряжена экспедиция. Для фабрики Петергофа на одной из копей (копь № 64, оказавшаяся ныне под железнодорожным полотном) было добыто 25 пудов «лучшего синего шпата».

▶ Амазонит, сросток кристаллов. Гора Плоская, Кольский полуостров

По распоряжению Екатеринбургской гранильной фабрики амазонит отбился из старых отвалов и даже специально разведывались и отработывались жилы, его содержащие.

Копь № 54. Топазовая копь Стрижева. Минералы — берилл, топаз, гранат в амазонитовом пегматите. Здесь встречен лучший амазонитовый письменный гранит — «ситцевый». Топазы попадались совершенно прозрачные, хорошо окристаллизованные, до 75 граммов весом.

Копь № 55. Аквамариновая копь Стрижева. В амазонитовом пегматите встречались аквамарины весом до двух килограммов, топаз-сырец.

Копь № 59. Топазо-фенакитовая копь Гасберга. Топаз (чистые небольшие кристаллы) в гнездах амазонитового пегматита, много аквамаринов. В восточной части жилы встречается фенакит.

Копь № 63. Копь гельвина и монацита. Здесь в амазонитовом пегматите встречен самый крупный гельвин размером около 25 см.

Копь № 64. Копь колумбита (под железной дорогой). Добывался зеленовато-голубой и бирюзовый амазонит для Екатеринбургской гранильной фабрики. Это единственная копь такого амазонита.

Копь № 71. Кочевская. Здесь «штейгер Миасского завода Антон Кочев открыл топазы на своем покосе в 1824 году...».

На Лобачевской копии № 85: «... амазонский камень достигал более ¼ аршина и, собственно, с этим кристаллы топаза доходили до фунта весом».

На копии № 82 «величина кусков амазонского камня доходила до ½ аршина... (0,35 м)».

В 1937 году из отвалов Прутовской копии было добыто пять тонн прекрасного поделочного амазонита, который использовался для камнерезных работ в период подготовки к всемирному геологическому конгрессу и всемирной выставке во Франции. С тех пор амазонит Ильменских гор больше не добывался и попадал в коллекции лишь из отвалов или случайных находок. А как поделочный камень был быстро вытеснен амазонитом Кольского полуострова, где встречался в большем количестве и лучшего качества.

Ильменские горщики знали толк в горном деле и, естественно, наблюдая недра, имели свои выводы и по поводу

встречающегося в жилах амазонита. Уж если амазонит в жиле приобрел насыщенный и яркий цвет — жди гнезда с камнями (драгоценными, естественно!). Частично такие наблюдения давали положительный результат. Так как, во-первых, амазонит занимает в пегматитовых жилах центральную, обычно блоковую, зону. Во-вторых, здесь и таились «занорьши» с драгоценными камнями, и здесь все процессы минералообразования по поводу самого амазонита были самыми «амазонитовыми». Приходилось наблюдать в некоторых жилах и противоречивый факт. Когда насыщенные цветом зеленые кристаллы, слагающие крупные выделения с черным кварцем, не приводили к гнезду-пустотке с заветными топазами... Как-то в данном случае дедовский закон не «сработал».

Страницы дневника исследователя-минералога:

«Копь № 329 — это сильно заросшая старая канава длиной около пяти метров. Она расположена на восточном склоне Ильменского хребта, ближе к северной части заповедника. Осматривая ее отвалы, мы очень удивились, обнаружив кусочки бледного амазонита. В стенках, под осыпью, были видны выходы гнейса и пегматитовая жила, мощность которой была около двух метров. Скоро, разрабатывая такую мощную жилу, мы увидели амазонит и в коренном залегании — в грубозернистом и графическом пегматите, блоковой зоне, а также фрагменты кристаллов в небольших миаролах-пустотках. Чуть выше по жиле присутствовал альбит. Блоки письменного амазонитового пегматита достигали площади 0,7х0,2 метра! Интересно, что цвет амазонита резко отличается по интенсивности окраски и оттенку. В графическом пегматите амазонит бирюзовый, голубовато-зеленый. В зернистом агрегате — яблочно-зеленый, в блоковой кристаллы темно-зеленые и ярко-зеленые. Вся центральная часть пегматита состояла из крупных кристаллов амазонита, которые только немного оставили место для темно-дымчатого черноватого кварца. Амазониты имели размеры до 20 см, грани были ровные и образовывали порой законченные красивые кристаллы. Мы снова и снова осматривали и выработывали жилу и вглубь, и по простиранию. Эффект тот же — яркие круп-

ные блоки-кристаллы амазонита, достигая размеров в 20–25 см, переплетались со смоляным кварцем, почти морионом, но гнездо так и не «раскрылось»... Казалось, вот-вот будет гнездо, и уж точно с «каменьями». Но все так же, бесследно, с глубиной эти признаки «рассасывались», бледнел цвет амазонита и выходили наши усилия на «нет». Что уж тут скажешь — не повезло, не фартило».

У человека короткая и непостоянная любовь с амазонитом. Его место постоянно занимал камень другого цвета. То появлялись конкуренты зеленого цвета, такие как малахит Гумешек и Нейво-Рудянки с непревзойденным рисунком и фантастическими запасами или драгоценный изумруд, случайно открытый Матвеем Кожевниковым под корнями упавшего дерева, отодвигая тем самым на второй-третий план камень племени амазонит. То сам амазонит «исчезал» с глаз горщика и камнереза из-за прихотей самой природы. Уральские недра любят подшутить своим непостоянством!

Но все же, как и полагается уральскому мастеровому люду, камешек зеленого цвета из Ильменских гор не забывался. То мастер вставит его в мозаичном панно или столешницу, то выточит вазу-амфору самому полубогу на камень, да и другим открыть глаза на этот дар природы. А еще тут как-то попадал «ситцевый» амазонит — мелкозернистый пегматит с бе-

▶ Амазонит, призматический кристалл на флогопите. Гора Плоская, Кольский полуостров

лым альбитом, желтым и зеленым (амазонит) микроклином. Из него мастера научились делать прекрасные вставки в стиле крупных кабошонов, с картинками листопада ранней осени.

Амазонит долго не приживался в камнерезном деле по причине отсутствия крупноблочного качественного сырья. А в ювелирном деле часто вытеснялся более дорогими соперниками. Ведь Россия — страна зеленого камня. А легенда о том, что одна из копей Ильмен была заложена в цельном кристалле амазонита (имеется в виду копь № 77, Голигузовская), она и есть легенда, сказка-мечта горщиков.

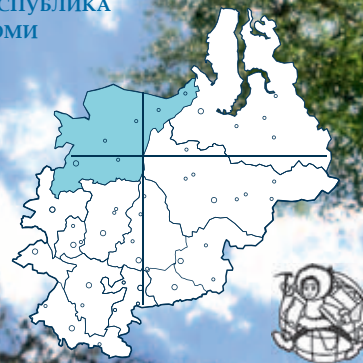
При изучении отвалов Прутовской копи в Ильменских горах нам часто попадались яркие обломки амазонита. Камень обладает настоящим зеленым цветом. В определенных слоях отвала его было больше, чем другой породы. Следовательно, обрабатывалась главная топазовая часть жилы. Но странно, что топаз был здесь редкостью! То ли его было совсем мало, то ли его так чисто выбирали горщики — в отвал он не попадал. А не амазонит ли здесь добывался в более поздние времена, после прutowских топазов, задались вопросом исследователи. Да и сам Прутов как мог пропустить ярко-зеленый камень, не отметив сей факт, в период пристальных поисков таких ископаемых на Урале?

▶ Амазонит, призматический кристалл на кварце. Гора Плоская, Кольский полуостров

Там, при разборке отвалов копи (№ 74), мне попал прекрасный штуф амазонитовых кристаллов! Как его «пробросили» предки-горщики в отвал, остается загадкой. Ведь камень просто притягивает взгляд! Несколько правильных кристаллов яркой бирюзово-зеленоватой окраски собраны кучкой на основании-зальбанде жилы, меж них остались вкрапленники дымчатого кварца — все красиво сложено самой природой! От моего образца получили яркое эстетическое наслаждение все его видевшие, а я предвкушал возможность постоянного любования им в своей минералогической коллекции. Но этот красивый штуф удивил и работников Ильменского заповедника, которые стали в один голос выпрашивать находку для музея. Мои предположения, что «уж в Ильменском музее образцами амазонита никого не удивишь», не подтвердились. Не было там подобной минералогической красоты. И образец я подарил музею! От всей души!

РЕСПУБЛИКА
КОМИ

Зверь

Вечерет.

Их всего двое. Мужчина и женщина. В абсолютно безлюдном, диком, не посещаемом даже местными манси участке Северного Урала. Они идут с плато Маньпупунёр, через Главный Уральский, по хребту Яныквотнёр, на реку Иоутынья. Идут по западному склону хребта — здесь это крутой курумник из крупных валунов размером с человека, переходящий в отвесную стену.

Сегодня у них по плану ночёвка в верхнем течении ручья, текущего с ущелья в конце хребта, а затем уже сама Иоутынья.

Женщина, как обычно, отстаёт метров на 50–100. Сосредоточена. Каждый шаг, с тяжёлым рюкзаком за плечами, делает обдуманно, страхуя себя трековыми палками, оценивая угол наклона камня, его «живость», просчитывая свой путь не на один шаг вперёд, а на три-четыре. Ему приходится все время её ждать. Скорость передвижения от этого не более 1,5 км/ч. Но он не торопит. Она и так молодец, ни разу не ревели за этот поход. В пути уже неделю, и пару предыдущих дней шли при сильнейшем ветре, в дождевых облаках, зацепившихся за вершины гор. Прикольно, что попить можно было, просто повернув голову против ветра и открыв рот. Несмотря на правильную экипировку, мокрое было все. И то, что на них, и то, что в рюкзаке.

Сегодня погода хорошая, до mesta ночёвки осталось пару километров.

Главное не травмироваться — в одного ему её не вынести до открытого участка, куда мог бы сесть вертолёт.

На востоке, прямо за спиной, отвесный Яныквотнёр. На запад, север или юг — тайга до самого горизонта, с хаотично торчащими из неё голыми вершинами гор, постепенно группирующимися к северу в хребет. Уральские горы в этом месте разорваны катаклизмом, случившимся 220 млн. лет назад. Поэтому и Иоутынья — это единственная река, берущая начало в Европе, но текущая на восток, в Азию.

Над всем этим стоит безмолвие и умиротворение. Такое согласие в природе всего и вся редко бывает.

Пора выходить к ручью. Он оценивает возможность спуска в зону леса и вдруг замечает в каких-то 100 метрах впереди движение среди предлесных редких горных берёзок. Медведь! Прямо на их пути! На таком расстоянии трудно определить, матёрый он или молодой. Молодой — любопытный, хулиганить будет. Матёрый — в лес уйдёт.

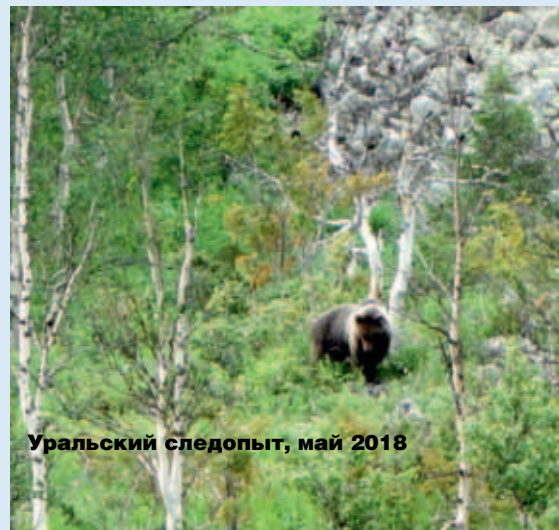
Он подумал, что не медведь ходит по человеческим тропам, а люди по звериным. Они, хозяйка тайги, годами, десятилетиями протаптывают себе дороги по наиболее предпочтительным направлениям. А мы, очень редкие в этих местах, люди, интуитивно выходим на них.

«Бля...» — вырывается ненароком. Ищет взглядом подругу среди валунов. Идёт, как обычно, в 50–60 метрах, не от-

Дмитрий Кириллов

Родился 23.09.1966 в г. Пермь. Окончил Пермский авиационный техникум. Руководитель компании «Северный Урал», активный путешественник, финишер ультрамарафона MDS (250 км по Сахаре на самообеспечении), участник проекта «Я живой» (выживание на необитаемом острове в тропиках), более 25 лет опыта путешествий по Северному Уралу. Организатор волонтерского движения по благоустройству особо охраняемых природных территорий и производства горных модулей.

Уральский следопыт, май 2018

рывая глаз от камней. Медведь не замечает их. Ходит кругами, сдирает мох с камней, переворачивает валуны и слизывает что-то. Муравьев, наверное, или гнезда мышей разоряет.

Человек, не делая резких движений, снимает рюкзак, достаёт спутниковый телефон. Набирает друзей на большой земле, вполголоса диктует координаты и сообщает, что на пути стоит медведь и что, если завтра на связь не выйдут, искать их надо здесь. Что-то интуитивно подсказывало ему, что встреча эта с медведем будет нелёгкая.

Подходит Она. Видит снятый рюкзак, радуется — ура, привал! Ага, на всегда, может... Шутка. Улыбаясь, он показывает ей на медведя. «Ого, — снова радуется она, — ну, наконец-то увидела медведя, а то все тебе только и везёт!» — «Нуууу...» — неуверенно протянул в ответ.

Позавчера он спускался с вершины за водой к ручью, по зарослям горной ивы, стуча пластиковыми пятилитровыми бутылками друг об друга. Медведь выпрыгнул неожиданно, из совсем неглубокой ямы, буквально в 5 метрах, и понёсся вниз по склону, оставляя после себя то, что съел за день. Если бы и человек поел накануне, то же самое было бы. Она называет это — везёт.

Ветер был, как обычно, западный. Поэтому для медведя с его никудышным зрением, на фоне серой громадины Яныквотнёра, людей не существовало. Но им нужно туда, где он пасся. Обходить его через вершину горы — это сутки. Сработало ложное чувство человека — ты хозяин природы. Это в тайге-то.

И люди начали кричать, размахивая руками: «Эй, медведь! Уходи отсюда, мы пришли! Эге-гей, глухая тетеря, нам надо вниз, на ручей. Уходи с дороги! Мы не сделаем тебе ничего плохого».

Не сразу, но медведь их услышал. И видно было, что он, подняв голову, удивлён. Встал на задние лапы, выглянул всем телом на цыпочках и несколько раз втянул в себя воздух. Люди воодушевились и продолжили кричать, подпрыгивая: «Уходи отсюда, мы пришли!». Медведь опустил на все лапы, подумал и... побежал. Побежал на людей! «Как так-то?» — пронеслось у обоих в голове. И еще — как он так ловко умеет это делать — бегать по курумнику! Перескакивая с камня на камень, не задумываясь, куда поставить лапы в следующем прыжке, медведь вроде бы не спеша, но стремительно преодолевал разделяющее их расстояние.

«Беги!» — крикнул он ей. Она словно застыла. Он толкает её в сторону вер-

шины. «Беги!» Сам хаотично оглядывается, ища камни, которыми можно было бы кидать в медведя. Оружия уже лет пять они с собой не берут. Находит три камня и складывает их рядом. Взгляд на медведя — он совсем близко. Оборачивается на вершину, ища её. «Бля...» — опять вырывается! Она спряталась за ближайшим валуном. Он уже просто орёт на неё: «Беги, дура, в гору!»

Теперь у человека все внимание на медведя. Зверь уже в 7-8 метрах от него по горизонту и на два-три метра ниже. Отворачиваться больше нельзя. Медведь остановился, поднялся на задние лапы, шумно вдыхая воздух, оценил возможную добычу. Человек поднял камень над головой — становясь большим для медведя, и заорал на него со всех сил: «Я здесь главный! Я большой! Я сильнее тебя!» Медведь, резко падая из стойки на передние лапы, делает рывок в сторону человека. Человек интуитивно кидает камень в соперника. Недолёт. Снова рывок медведя вперёд, уже с рычанием, прижатými ушами и сморщенным носом. Человек в ответ снова кидает камень, медведь уворачивается. «Круто как!» — промелькнуло в голове. И ещё: «Лишь бы Она подальше успела убежать». Человек, продолжая что есть мочи орать, поднимает последний камень, не выпуская медведя из поля зрения. Тот же безостановочно рычит и делает выпады (рывки), точно такие же, как хулиганы делали в детстве человека в рабочем посёлке, на краю Перми... Человек кидает камень, медведь вновь уворачивается, и всё...; оружия больше нет. Есть только разделяющее их расстояние. Пара прыжков — для медведя, это пара секунд жизни для человека. У него колоссальная сосредоточенность, у него за спиной Она. Её надо сберечь, защитить.

Он замечает трековую палку под ногами и попутно подхватывает пустую пятилитровую бутылку, которая каким-то невероятным образом оказалась отвязанной от рюкзака. И что есть силы бьёт палкой по звонкой пластмассовой таре, как по барабану, подняв её над головой. Все это человек сопровождает диким криком: «Я здесь главный! Я сильнее тебя! Уходи отсюда!»

Весь огромный мир в этот момент сузился до мизерного расстояния между человеком и зверем. Для него ничего больше не существовало, кроме необходимости защитить свою жизнь и жизнь близкого, который лишь бы убежал подальше да спрятался надёжнее. Он чувствовал, что сам в этот момент превратился в зверя, что силы в нем столько, что готов вступить в схватку с мед-

ведем голыми руками, если только тот осмелится напасть.

И... вот когда чувство дикого зверя полностью овладело человеческим сознанием, медведь остановился! Зверь остановился в своих попытках заставить человека испугаться и побежать.

Зверь почувствовал зверя.

Медведь отвернулся.

Сделал пару шагов.

Повернул голову, рывкнул, задними ногами воображаемо метнул в человека землю. Прошёл немного, снова повернул голову и снова рывкнул. Так и шёл до первых берёзок, оборачиваясь и зло ругаясь, глядя человеку в глаза. У берёзы медведь встал на задние лапы и долго спиной тёрся о её ствол.

Пометил и только тогда не спеша скрылся в тайге.

Уфффф. Выдох получился настолько глубокий, что человек закашлялся.

«Ээйий!» — получился не крик, а сильный шёпот. Голос у человека вдруг пропал.

Сверху покатился камень. Она спускается. Заплаканная вся. «Испугалась», — говорит.

Когда люди дошли до ручья, вокруг него оказалась болотистая мокрая тайга. Единственное сухое место — тропа, они уже и не сомневались, чья. Поставили палатку, свалили небольшие ёлки вокруг неё, срубили ветки, торчащие наружу так, чтобы остались острые, как пика, и твёрдые, как копьё, огрызки. Соорудили нодью, сварили ужин. Искупались в ручье, поочередно сторожа друг друга. Все это молча, чутко прислушиваясь к происходящему вокруг. То, что медведь был рядом, сомнений у людей не было.

И уже сидя у костра, убедившись, что все в лагере сделано как надо, к нему пришёл страх. Страх, какой, возможно, испытывали наши деды после боя на войне. Страх, который стигает пополам и выкручивает наизнанку. Осознание, что он мог стать конечным звеном в пищевой цепочке, произошло к человеку только сейчас.

Ночь прошла спокойно. Нодья прогорела полностью, возможно ещё затемно.

И весь день пути по ручью до реки Она пела песни, кричала стихи, не замолкая ни на минуту. Он же молчал. Голоса не было. Но зато было чувство гордости, что не струсил, смог защитить близкого человека.

P.S. И оба обрадовались, увидев уже на реке срубленную кем-то лет пятьдесят назад ветку, как будто попали в цивилизацию — здесь были люди!

«Сама история дала нам шанс...»

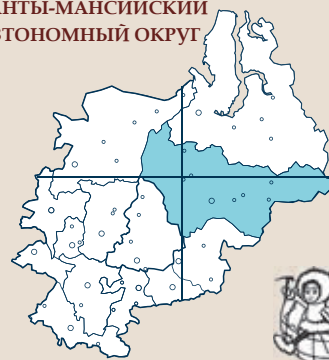
(Рядом с поэтом Юваном Шесталовым)

Говорить и вспоминать об Иване (Юване) Николаевиче Шесталове (1937–2011), талантливом поэте и человеке, очень непросто. Хочу поделиться воспоминаниями о том, как мне довелось в начале 1990-х годов девять месяцев работать с ним на небольшом коллективном предприятии «Белый журавль», которое было зарегистрировано в городе Ленинграде.

Наши родственники в начале XX века проживали в деревне Камратка (Хомратпавыл) Березовского района. Иван Николаевич знал мою мать Анну Петровну Партанову (1921–1983), и землячество сблизило нас. К людям он внимательно присматривался и с осторожностью относился к новым близким знакомствам.

В 90-е годы прошлого века жизнь в стране была бурной, голодной, но интересной. Каждый день в стране что-то происходило и менялось. Ивану Николаевичу приходилось жить на два города — Ханты-Мансийск и Санкт-Петербург. В Петербурге была относительно недорогая типография и бумага, легче

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Никита Партанов

Родился в 1960 году в ХМАО-Югра. В 1994 году поступил в Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Получил высшее образование учителя культурологии и истории. В настоящее время работает лектором-экскурсоводом в Этнографическом музее под открытым небом «Торум Маа». Публикуется в различных изданиях. Член Союза журналистов с 1996 г.

Уральский следопыт, май 2018

◀ Мемориальный кабинет поэта в Этнографическом музее «Торум Маа». г. Ханты-Мансийск. Фото автора

▼ Собрание сочинений Ювана Шесталова

было печатать газету «Белый журавль» и журнал «Стерх», а также различные брошюры, книги, альбомы, пересылаемые затем в столицу автономного округа Ханты-Мансийск. (Названия этих изданий были символическими: белый журавль и стерх — редкие, вымирающие птицы, как и малые народы Севера). Рассылать всю эту печатную продукцию по округу выпало мне и моей коллеге Марии Степановне Ользиной (1940–2010): принимать посылки на почте, встречать самолеты с курьерами, доставлять в офис, рассылать почту по районам, селам и городам. Жители округа тогда очень нуждались в новом слове.

Ивану Николаевичу, когда он бывал в округе, удалось договориться с первым секретарем, партийным лидером коммунистов А. А. Рыбаловым, который в 1990 году был избран в ЦК КПСС Ханты-Мансийского автономного округа. Он отвел нам в Доме Советов кабинет для офиса на четвертом этаже.

18 декабря 1991 года указом президента РФ Б.Н. Ельцина главой администрации округа был назначен Александр Васильевич Филиппенко. Вновь созданная администрация не стала чуждаться коренного народа, который, имея та-

ких лидеров, как поэт Юван Шесталов, заявил о себе и на мировой арене. Многовековой опыт аборигенов Севера благодаря деятельности И.Н. Шесталова и поддержке первого губернатора окру-

га сохранялся и распространялся. Люди вспомнили свой забытый язык и национальную культуру. В Ханты-Мансийске был создан научно-исследовательский институт возрождения обско-угорских народов, первым директором которого стал кандидат педагогических наук Евдокия Андреевна Немысова. В этот период в округ возвращаются невостребованные прежде в родных краях профессор кафедры русского языка Горно-Алтайского педагогического института, кандидат филологических наук Анастасия Ильинична Сайнахова, из Института языкознания РАН — доктор филологических наук Евдокия Ивановна Ромбандеева (1928–2017). Первым куратором становления научной школы в округе из числа представителей коренных народов ханты и манси становится доктор исторических наук из Томского государственного педагогического университета Надежда Васильевна Лукина, которая не одному молодому ученому дала путевку в большую науку. Трудолюбие и упорство северян дали и дают свои плоды в виде научно-исследовательских проектов и публикаций. Мне приходилось ис-

▼ В здании Окружной думы. 2009 г. Слева направо: Н.А. Евлахов, уполномоченный по защите прав предпринимателей, Н. Партанов, Юван Шесталов. Фото Раисы Бардиной

► Юван Шесталов на втором Всемирном конгрессе финно-угорских народов. Будапешт, 1996 г. Фото автора

кать новых авторов, переводить тексты с финно-угорской транскрипции на мансийский язык, распространять печатную продукцию.

Все, что происходило в стране, происходило и в округе, а Иван Николаевич не жалел свое сердце, все воспринимал близко. Очень любил природу, охотиться и рыбачить. Это было для него отдушиной, уходил на природу за новыми ощущениями и вдохновением. Но сердце и там доставало его. Помню весеннюю охоту за Иртышом, в протоке Березовка. Тогда вдруг распогодилось, пошел мокрый снег, начался ледоход, реку и протоку забило льдом, стала подниматься вода. А у Шесталова прихватило сердце. Я устроил навес, уложил, развел большой костер. Но приступ продолжался. В те годы не было сотовой связи, МЧС и даже не было моста через Иртыш. Я молил Бога, чтобы худшего не случилось и мы бы дотянули до утра. Утром переехали через Иртыш и на машине нас доставили по домам.

Бывало, что на охоте, беседа, иногда спорили, доходило и до ссор. Однажды он сказал: «Давай не будем ругаться, ведь мы с тобой оба горячие, а здесь ружья...».

Как-то Иван Николаевич позвонил мне и попросил приехать в деревню Ламбовож Березовско-

го района. Из Березова до деревни я летел на вертолете. Оказывается, здесь снимали этнографический игровой фильм мансийской свадьбы (потом его показывали по каналу «Культура»). На репетиции девушка, которая играла роль невесты, увидев меня, сказала: «Пусть этот будет женихом». За своего племянника, что намечался на эту роль, она «выходить» не захотела. И вот роль жениха пришлось исполнить мне.

В разгар свадьбы, когда на большой поляне уже праздновали свадебное застолье, неожиданно приземлился вертолет. Из него вышел Шесталов. Он был в национальной рубашке, с белой лисицей на шее. Оглядев нашу компанию, сказал: «Я его отправил работать, а он здесь уже женится...»

После работы и съемок этнографического фильма мы вылетели на вертолете в Березово, а затем поехали в Малеевку, Ванзетур и в Ханты-Мансийск.

И таких совместных поездок по Березовскому району и автономному округу было у нас немало. За это время Иван Николаевич многому меня научил. В то время страну завалили импортными спиртными напитками. Появился спирт «Рояль», коньяк «Наполеон», различные «Амаретто» и водки. Но Шесталов постоянно го-

ворил: «Нельзя пить, в такое время нужно работать. Сама история дала нам шанс, и мы не должны его упустить. Если мы будем пить, то никто не захочет с нами иметь дело. Пусть, говорил, попьют мои предки». И символически выплескивал один стакан за левое плечо, второй — за правое. И мы держались, работали, и работали много. В то время пропало немало ребят из числа манси и ханты, и во всем виновата «огненная вода».

Бывая по работе в различных кабинетах у больших начальников, мы часто переходили между собой на мансийский язык, чтобы нельзя было понять, о чем мы договариваемся. Много родственников, знакомых и незнакомых обращались к нему за помощью по бытовым и совсем личным вопросам. Он старался не расплыться на мелочи, хотел пробудить самосознание соотечественников и северян, первым сумел философским взглядом показать космическое мировоззрение народа манси — через стихи, песни, легенды, сказки, через жизнь своих родственников в своих произведениях. И манси из деревень Березовского района — Ванзетура, Новинска, Неремова — узнавали в его поэзии то, что передава-

ХАНТЫ
МАНСИ —
КТО МЫ?

издательство «Стерх»
*****

ли их предки из поколения в поколение. Он помог людям посмотреть на себя со стороны и ответить на вопрос: кто мы и откуда? Люди, прожившие много лет на Севере, сами того не ведая, стали открывать для себя большую культуру маленького народа — манси. Ведь манси и ханты не умеют сказать, в чем их уникальность и чем они хороши, — это стало открываться через произведения северного поэта-философа Ювана Шесталова.

Я бывал в Санкт-Петербурге, в его квартире на Мойке, которую постоянно посещали творческие люди: музыканты, поэты, писатели, художники. Приезжали родственники, друзья... Потом он обменял квартиру с дочерью Оринэ и переехал на Васильевский остров, куда тоже приглашал меня. Из окон была видна Нева... Когда не стало его музы — жены Елизаветы Владимировны, Иван Николаевич решил окончательно переехать в Ханты-Мансийск. Он часто давал интервью для окружного радио. Сейчас эти уникальные записи на мансийском языке хранят фонды радио ГТРК «Югория». Для потомков. **УС**

Уральский государственный лесотехнический университет, ФГБОУ ВО

Лицензия серия 90Л01 номер 0009433.

Направления и специальности высшего профессионального образования

Экология и природопользование. Лесное дело. Ландшафтная архитектура. Землеустройство и кадастры.
Природообустройство и водопользование. Садоводство.

Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов. Технология транспортных процессов.
Наземные транспортно-технологические средства (Специалитет). Наземные транспортно-технологические комплексы.

Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств. Технологические машины и оборудование.

Строительство. Автоматизация технологических процессов и производств. Управление в технических системах.

Химическая технология. Биотехнология. Энерго- и ресурсосберегающие процессы в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии. Техносферная безопасность. Технология полиграфического и упаковочного производства.

Экономика. Менеджмент. Управление качеством. Бизнес-информатика. Прикладная информатика.
Экономическая безопасность (Специалитет).

Специальности среднего профессионального образования:

- Землеустройство; Земельно-имущественные отношения;
- Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта;
- Лесное и лесопарковое хозяйство. Садово-парковое и ландшафтное строительство;
- Технология деревообработки;
- Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям). Менеджмент.

- Формы обучения: очная, заочная.
- Приём документов согласно правилам приема.
- Вступительные испытания по 3 предметам (ВПО).
- Для среднего профессионального образования (СПО) – без вступительных испытаний.
- Подготовительные курсы (ко всем видам вступительных испытаний).

1000 БЮДЖЕТНЫХ МЕСТ

г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37   Телефон: +7(343) 254-63-06 - приемная комиссия
 Проезд: автобусы № 1, 31, 32, 026, 047, 064, городская электричка. Остановка «Лесотехнический университет»
 Электронная почта: pk@usfeu.ru   Сайт: www.usfeu.ru

Елецкий рисует революцию

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Алексей Молчанов

Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета. Работал в пресс-службе ГУВД Свердловской области, газете «Уральский рабочий», телевизионной и радиовещательной компании. Печатался во многих газетах и журналах, как центральных, так и местных. Дипломант и призер многих газет и журналов. Давний автор нашего журнала.

► Рахманинов

▼ Фольклорная группа из села Чусового

Прошедший год в столице Среднего Урала ознаменовался событием уникальным: в галерее «Поле» состоялась выставка, посвященная 100-летию Октябрьской революции. Большинство полотен принадлежало кисти члена Творческого Союза художников России Андрея Елецкого. Кажется, на всем культурном пространстве России ничего подобного не случилось, за исключением экспозиции в Пушкинском музее китайского художника Цай Гоцяна. Да еще выставок детских рисунков, сочинений, фотографий, лубков, плакатов и скульптуры в Государственном историческом музее и в Третьяковской галерее. Но все эти раритеты были созданы в 1917–1930 годах.

Неоднозначные работы Андрея Елецкого заставляют размышлять и спорить. Вот какие диалоги мне удалось записать на выставке, переходя от картины к картине.

«Танго революции»

Юрий Вторых, актер и режиссер: «Моряк танцует с проституткой на Мавзолее, где лежат мощи Ленина. А вокруг них перекосившаяся церковь, черный кот, смерть с косой в руках, скульптура В. Мухиной «Рабочий и колхозница», ангелочки, птицы... Но танцоров ничего не останавливает. Это пир во имя чумы! Всё окружающее стало второстепенным, а на первом месте отношения мужчины и женщины...

«Кровь у них скорее плоская, чем красная...» Нечто неживое и без движения, находящееся в статичном состоянии».

Андрей Елецкий, автор картины: «Насчет крови — это же авангардные

► Кремлевские забавы

стихи. В то время возникло это течение, проходили литературные диспуты. Появились Бурлюк, Маяковский. Когда происходят революции, на них отзывается и искусство. Возник Малевич со своим «Черным квадратом». Его похоронили в супрематическом гробу, по форме напоминающем мавзолей Ленина. Кстати, в свое время Малевич предложил сделать это культовое здание сочетающим пирамиду и куб. А памятник на могиле Малевича — белый куб с черным квадратом на нем, как клавиши у рояля».

«Гармонист, полустанок»

Вторых: «Разухабистый моряк поёт что-то залихватское! И это, скорее всего, то, что он пел, когда был молод и здоров и когда совершал «революцию». Нечто вроде стихов А. Блока: «Стоит буржуй, как пёс голодный, Стоит безмолвный, как вопрос. И старый мир, как пёс безродный, Стоит за ним, поджавши хвост!» Так он пел вслед господам, уезжавшим в Париж!.. И вот теперь, потеряв на Гражданской войне зрение, он исполняет эту же песню, но кому?.. Кругом «новые господа», члены ВКП (б), но он вследствие слепоты, к счастью или сожалению, их не видит, так как у него в памяти лишь те лица из прошлого...»

Елецкий: «А мне приходит на ум Гоголь: «Русь, куда ж несешься ты?» Летят вагоны, дым идет. И музыка звучит: «Дан приказ: ему на запад, ей — в другую сторону. Уходили комсомольцы на гражданскую войну».

В те времена были паровозы. Троицкий десять бронепоездов получил от американских властей. Конечно, существовала конница Буденного, много лошадей, но уже и техника появилась. В революцию железный конь свою роль сыграл. А новая жизнь потом настала, хотели этого люди или нет».

«С революционным приветом»

Вторых: «Все витают в облаках!.. Здесь же надкусанное яблоко... Возможно, это яблоко познания, а может, и раздора... Коты и кошки влюбляются друг в друга, тут же похожие на животных и люди... Моряк машет флагом, баянист передаёт привет нам — в «коммунистическое далеко» (по-Маяковскому)! А внизу слева и справа два указательных перста, показывающие друг на друга: Кто виноват? И в чём?..»

Елецкий: «Обещали райскую жизнь, она отчасти и была. Демонстрация на Красной площади. Вначале на них люди добровольно и с удовольствием ходили, потом это стало, увы, обязателькой. А тогда-то в 20–30-е годы такой подъем был колоссальный: стахановское движение, 25-тысячники, БГТО, когда людей из-под палки не заставишь идти. В принципе, мы до сих пор пользуемся заводами, которые были построены при Сталине. Государство-то мощное построили, одно из самых сильных в мире».

«Ветер революции»

Вторых: «В центре композиции полуголая женщина, а сзади неё Кремль. То есть на фоне святыни России нечто похожее на секс! Неволь-

▲ «Сергей Есенин»

но вспоминаешь слышанное о половой распущенности революционеров. Парни-комсомольцы создавали клубы типа «Стакан воды», мол, переспать с девушкой — это как выпить стакан воды, а девственность — пережиток прошлого».

Молчанов: «Однако обследования немецких врачей в концлагерях во время Второй мировой войны показали, что свыше 90 процентов (!) русских незамужних женщин в возрасте до 21 года были девственницами. Заключение было неожиданным: помощник фюрера советовал прекратить интервенцию против Советского Союза, мотивируя это тем, что народ с такой высокой нравственностью победить невозможно...»

«Есенин»

Вторых: «На столе стоит бутылка водки, под столом валяется православный крестик. Скрещённые на груди руки говорят о том, что человек замкнулся, то есть ушёл в себя... О чём же задумался православный поэт России? Скорее всего, о будущем!.. Мы знаем, что «революцию» он принял, как левый эсер «с крестьянским уклоном». И он, действительно, стал «последним поэтом деревни»... Город всё больше и больше поглощал село, и поэт

◀ «С революционным приветом»

сожалеет, что на первое место выходит не духовность, а «жажда к наживе!» В одном из последних своих стихотворений о деревне «Русь советская» поэт писал: «Моя поэзия здесь больше не нужна, да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен...»

«Рахманинов»

Вторых: «Мы знаем, что композитор был лишён родины и уехал в США. Вдали от России он жил без отечественной философии, литературы и живописи. Конечно же, его спасла любовь к музыке, которая, как известно, не имеет языковых барьеров. Как говорил один из героев художественного фильма Леонида Быкова «В бой идут одни старики»: «Всё приходящее и уходящее, а музыка — вечно!..»

Елецкий: «Рахманинов писал крупные формы: оперы, симфонии, концерты. Чтобы выжить, сочинял романы. А потом дал денег вертолетчику Сикорскому, который эмигрировал из России. А потом — на целую танковую колонну, которая билась фашистов. Многие белогвардейцы, которые жили в Чехии, Германии, Франции, когда началась война с Гитлером, были на стороне Советского Союза. Парадоксально, что и красные, и белые пели «Прощание славянки» и «Там, вдали за ре-

Танго революции

кой», но каждая сторона со своими словами. А музыка одна и та же».

Владимир Сутырин, член Союза писателей РФ и Союза кинематографистов, лауреат литературных премий, призер всероссийских кинотелефестивалей и конкурсов: «Выставка произвела, на удивление, хорошее впечатление. Поскольку, честно говоря, ожидал чего-то худшего. 26 лет мы живем в новых условиях. Мало того, что меняются поколения, меняется отношение. А тут увидел, ну, во-первых, художника того возраста, который помнит советскую власть. Значит, есть понимание того, что мы отмечаем. Во-вторых, современный момент в том, что произошло некое переосмысление. Ведь это же не впервой, когда полотна отражают события 25–26 октября 1917 года: «Ленин на трибуне»...»

Вторых: «Я, например, ассоциативно сразу же вспомнил картину Бориса Кустодиева «Большевик», написанную в 1920 году. Помню, как в студенческие годы на уроке по изобразительному искусству педагог доказывал нам, что «стремлением художника было донести до зрителя образ героя того времени — большевика! Кустодиев прибегнул к гротеску, он сильно увеличил фигуру большевика. Огромный человек в шапке-ушанке и телогрейке идёт по улицам с развевающимся кумачом. Перед ним лишь одна преграда — церковь. Но он перешагнёт и её...» И вот тут я не сдержался и поправил учителя: «Не перешагнёт, а раздавит, ведь у него безумные глаза!» После небольшой паузы преподаватель сказал: «На то и сила искусства, чтобы нести несколько вариантов понимания!» Что тут ещё можно добавить? Разве что строчки Булата Окуджавы: «Каждый пишет, как он слышит...» Сутырин: «Можно гадать, почему государство на официальном уровне проигнорировало 100-летие революции. Возможно, потому,

что будут вопросы: «Ребята, а как мы жили вот эти 26 лет? Сколько же вам надо, 126 лет, чтобы «жить стало лучше, жить стало веселее?» Вероятно, поэтому власть маленечко струсила. А может быть, она мудро поступила, чтобы не отвечать на эти вопросы. Хотя практически по всей стране в крупных городах прошли митинги и демонстрации в ознаменование 100-летия Октябрьской революции. Но если официальная власть делает вид, что ничего не произошло 7 ноября, то народ самостоятельно это дело отмечает. И вот эта выставка была открыта без всяких согласований, без всяких приветственных речей. Сейчас бытие, как и в прежние времена, двухслойное: это — официальный, а это — подспудный слой. Они не всегда рифмуются, а чаще всего и не рифмуются. И каждый существует по-своему. Но жизнь продолжается».

Алексей Богатырев, Глава Шалинского городского округа: «Первый раз увидел картины Елецкого на уральском фестивале сплава «Река Чусовая». Удивило не только его мастерство написания ярких полотен, но и неожиданная музыкальная презентация, проходившая в старинном доме культуры села Чусового. Ведь Андрей великолепно играет на баяне, синтезаторе. Неожиданно родился совместный проект. Художник предложил оформить фойе дома культуры своими работами. Мы поддержали идею». «Есть у революции начало — нет у революции конца», — поется в одной идеологизированной песне. Действительно, тема эта, в которой соединились наша память и наша боль, — вечная. В 2018 году сразу несколько круглых, вековых дат: столетие Красной Армии, столетие Комсомола и столетие расстрела царской семьи. Ожидается приезд в Екатеринбург потомков последнего русского императора. Им и всем нам Андрей Елецкий собирается показать полотна, посвященные Романовым. Такие же ассоциативные, необычные, интересные». **VC**

► Андрей Елецкий представляет свои картины

Мы продолжаем документально-художественное повествование о судьбе Надежды Половцовой, именем которой был назван сталерельсовый завод, поселок при нем, а потом и город Надеждинск (ныне г. Серов Свердловской обл.). Читателя ждут встречи с людьми, окружавшими Надежду: архитектором Максимилианом Месмахером, инженером А.А. Ауэрбахом, вел. княгиней Елизаветой Федоровной и другими. События их жизни происходят в С.-Петербурге, Ивангороде на р. Нарове, в деревне Рапти под Лугой и на Среднем Урале. Недавно Серовскому металлургическому заводу было возвращено имя Надежды Половцовой.

«В нашей истории снам принадлежит решающая роль».

Томас Манн.
«Иосиф и его братья».

Белая горлица

((Сны Надежды Половцовой))

Юний Горбунов

Писатель, историк издательского дела в России, автор сценария документального фильма и биографии Ф. Павленкова, нескольких книг, многих статей и очерков. Составитель материалов для словаря «Писательницы России» (более 15 тыс. имен). Редактор отдела истории и краеведения в нашем журнале.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

За спиной у Лукавого

Заполучив в жены богатую невесту и став зятем российского креза, которого усиленно лелеяли императорский двор и сам государь, Александр Александрович Половцов занялся своей сенатской карьерой. На него тотчас обратило благосклонные взоры дворцовое окружение — чиновники самого высокого ранга, члены императорской семьи. Все интуитивно почували в нем если не *своего*, то, безусловно, нужного человека. А успешный, fortunate очастливленный, сенатор учился держать себя с придворным достоинством.

Молодая супруга, готовясь стать матерью, большую часть времени проводила под Лугой в родовом имении Половцовых с загадочным названием Рапти — близ речки Рапотки расположилось. Впрочем, на Руси говорят, хоть горшком назови, только в печку не ставь: имение смотрелось так, будто Бог первым почтил его выбрать себе местоположение на берегу большого родникового озера. Господский дворец, построенный с оглядкой на Версаль, малахитовой отделкой вписывался в зелень окружающего парка. Чере-

мнецкое озеро питали бесчисленные ключи-кипуны, делая его глубины холодными и сказочно прозрачными.

Усадебный парк затейливо гармонировал с обширным плодово-ягодным садом. Его завершали пасека, фермы скота и птицы. Ради охотничьих забав здесь выращивали цыплят фазанов. Каждую весну их сотнями выпускали в лес, а осенью хозяин и его столичные гости устраивали богатую фазанью охоту. Где, как не на охотничьем привале, считал сенатор, можно вперемешку с дворцовыми анекдотами выведать и тайны двора, его интриги.

В виду помещичьей усадьбы на островах словно бы плыли по озерной глади золоченые купола старинного Черемнецкого монастыря с храмом Преображения. Владельцы усадьбы державно покровительствовали обителю как семейной молельне и родовой усыпальнице.

После смерти папаша Надежда и вовсе зачастила в Рапти.

Одиночество здесь не утомляло. Она часами гуляла по парку и об руку с садовником пропальвала лужай-

▲ Дворец Половцовых в Рапти. Окрестности г. Луги. Современный поселок им. Дзержинского. Дворец взорван в годы Великой Отечественной войны. Из фондов Лужского краеведческого музея

ку ландышей, самостийно взявшись по берегу Рапотки. Эта ее цветочная куртинка не походила на ухоженные садовые клумбы, а в соседстве с речкой-ручьём являла собой нерукотворную поляну. Она любила коротать здесь целые утра. Вдыхать аромат цветов и слушать едва уловимый звон. Порой ей казалось, что звенят не струйки ручья, а колокольчики ландышей.

Привела однажды и Половцова послушать. Александр затею оценил, обнял жену, а сам, оглядев округу, подумал: почему бы это пустующее пространство в несколько десятин целиком не засеять плантацией ландышей? Дворовым девкам нехлопотная работа, а весной на столичных базарах букеты майских многолетников ходко пойдут. Зачем добру пропадать?

Освоив парк и его округу, Надежда выбиралась и в окрестные деревни. Привлек к себе Солнцев Берег. Имя красивое, а дворы один другого скуднее — редко однолошадные, а то и вовсе без тягловой силы. А куда без лошади семье? Вот и уходили мужики бабтрачить или на сезонные работы. Самые рукастые кустарно работали экипажи, гармони, корзины плели, шили необходимую обувь и одежду.

А одна изба на отшибе оказалась и вовсе без мужика. На бобылку смотреть было больно, и Надежда собрала все, что при ней оказалось из денег. Но вот ведь что проклюнулось-зародилось в ней: не деньги будто бы, а что-то другое надобилось вдове. А что? Вопрос этот мучил Надежду, и не находила она от-

вета. Плавающие в озере лучи, звенящая поляна ландышей — не то чтобы не радовали, а обретались теперь никчемностью, живой пустотой. Ей впервые стало боязно и бессильно без папашы.

Во сне, явившемся той ночью, девочке Наде предстал и Солнцев Берег, и уходящая в бесконечность многоезжая дорога, коей вовсе не было в деревне. Но Надя тотчас узнала ее.

Только-только брезжило утро.

Избушка стояла на самом краю деревни, словно отторгнутая ею как очаг

злосчастья, от нее исходивший. Сломан и повален плетень, не скошен и взялся уже соломой луг пониклой травы; расхристаны двери пустого хлева; одинокая курица бродит по двору, где рассыпаны остатки поленницы дров. Все гляделось нежилым, наскоро оставленным людьми.

Поднявшись по ступеням крыльца, заглянув в сени, девочка Надя и в доме не чаяла никого найти. Но на лавке у голого стола сидела женщина в темном, упавшем на плечи платке. Она смотрела навстречу Наде, но мимо нее. Все на ней, как и вокруг, мертво кричало о беде. Живыми казались только икона Божьей Матери, снятая с божницы и лежавшая на столе, и свеча, догоравшая рядом с ней. Словно бы женщина последним усилием и отчаянной надеждой приблизила к себе Богоматерь. Но и свеча догорала, отнимая проблески жизни и у иконы.

Наде предстала клоака беды, никем и ничем не поправимой.

Девочка подошла к женщине и молча коснулась ее распущенных волос.

Ничего вокруг не изменилось, но ожили глаза женщины. Она поднялась и стояла, словно бы приходя в себя. И вдруг засуетилась, загремела какой-то посудой...

А перед Надей объявилась Белая Горлица, опять та самая птица. Знакомо прошлась по крашеному, в трещинах, подоконнику, лавкам вдоль стен, скакнула на стол.

— Здравствуй, Богатична! — сказала человеческим голосом. — Как живется тебе

ВИД НА ПАРТЕРНЫЙ САД

в греховном этом мире? Вижу, вижу... Вся в трудах. Показала дулю Лукавому. Проглядел он тебя.

– Я старалась, Горлица, – ответила девочка Надя. – Почти затемно пришла.

– Штука не в том, подруга. Лукавый никогда не дремлет. Ты это знай. Другим ты его оставила с носом – нет на тебе пока греховной плоти. Берегись ее и не обольщайся, Богатична: другого такого случая Нечистый тебе не даст. Не таковский.

Они помолчали, наблюдая за горемычной. Та не видела их и продолжала свою суету. Растопила печь, достала из подпола чугунок картофеля, вымы-

▲ Окрестности деревни Солнцев Берг. Въездная дубовая аллея. Фото Ирины Голубевой

▲ И. Левитан. Владимирка. 1892 г.

ла клубни в сених и поставила чугунок на огонь камина. Достала из шкафа завернутый в холст остаток хлебного каравая, изрезала ножом на ломти, круто посолила из солонки. И снова огляделась вокруг, словно бы не узнавая себя. Ее все было и не ее совсем.

Чугунок уже кипел на плите. Повернув певуче ключ, женщина подняла крышку сундука и, порывшись, достала пахнувший нафталином сарафан своей молодости. Встряхнула, уткнулась в него лицом. Пальцы перебирали, комкали в кулак влажневшую от слез материю:

– Васичка-а-а... Детки мои-и-и, – запричитала неслышно. И долго-долго стояла молча.

◀ Рапти. Вид на партерный сад. Из фондов Лужского краеведческого музея

Потом бросила сарафан на кровать, кинулась к плите, хватом сняла чугунок с огня.

– Ведь вот-вот покажутся, вот-вот придут. Рассупонилась, старая...

Она принялась торопливо собирать узел с посуды картофеля и хлебом – все, что оставалось в доме.

– Ну, прощай, Богатична, – заторопилась и Горлица. – Так ладно у тебя получилось с этой горемычной. Ну, загляденье прямо. А мне пора. Полечу, порадую Вседержителя. У него всегда и вечно мало радости за людей. А ты смотри, смотри, подруга, на плоды своего заделья.

И исчезла Горлица.

Деревня Солнцев Берг теперь оказалась не под Лугой, а на обочине широкой и пыльной Владимирки. Первая утренняя партия каторжан, снявшись с ночлега, пылила, подходя к деревне. Звенели кандалы. Пахло в утреннем воздухе дымом сигарок, коими разговлялись стражники. Плыла над широ-

кой людской вереницей протяжная песня. Кто-то выкрикивал начальные слова, и за ними тянулся плохо различимый напев.

Деревня молча, нелюбопытно провожала очередной кандалный караван. Редко кто останавливался, только босоногие ребятишки тянулись вслед.

А вот на показавшуюся из ворот последнего дома Марфу, потерявшую в одночасье на отходном промысле мужа и двоих сыновей, все сразу вытаращились – кто руки в бока, кто рот разинув, а кто с насмешливым любопытством. «Это с какого рожна наша-то вдовушка вырядилась? Никак последнее смела по сусекам. И кому угораздила-то, дуреха – разбубновым тузам! Да им здесь конца не будет, и не напасешься на них. Курицу-то последнюю почто заодно не прихватила, юродивая?»

А Марфа подошла к идущим с краю, низко поклонившись, держа в обеих руках деревянную мису с картошкой и хлебом, и стояла в поклоне, пока проходили все не разобрали. А один, коему не досталось, подделил колодкой ее пустую посудину и, прокатившись, упала она в придорожную пыль.

Деревня одобрительно хохотнула.

А Марфа и бровью не повела. Осеняла идущих крестом многократно, а когда отпылили, подняла свою посудину и направилась к дому.

Проснувшись, Надежда задумалась: кто приготовил для нее такой складный сон-былицу? Белая Горлица? Или сам Всевышний? Да не случилось ли это с ней и в яви? **У**

Проект Виталия Воловича
Координатор проекта
Юний Горбунов

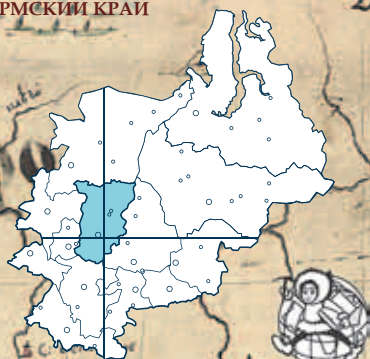

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

История России. Река Чусовая (Фотоэкспедиция)

Начало экспедиции
в № 4 за 2014 год

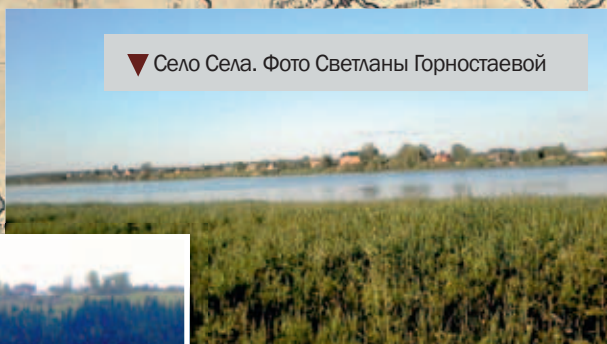
ПЕРМСКИЙ КРАЙ

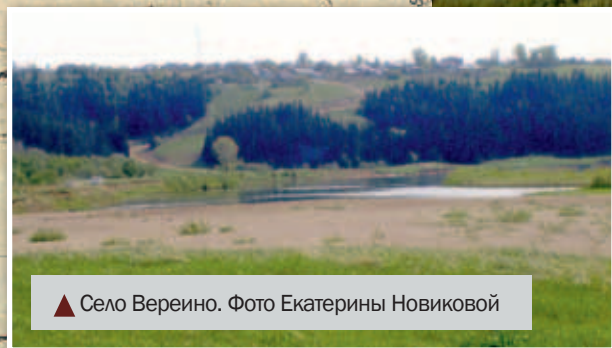
▼ Деревня Шалыги

▼ Село Села. Фото Светланы Горностаевой

▲ Село Вереино. Фото Екатерины Новиковой

▲ Деревня Кучино

Юний Горбунов

Литератор, историк издательского
дела в России. Редактор раздела исто-
рии и краеведения.

Огнеделова оргия

Не успела река миновать остров Дикий, как явился ей призрак. Не видением явился, не облаком каким — призрак был рукотворный. Сколько ни протирай глаза, никуда не девается.

Чуть поодаль от ее берега он тоже предстал островом вблизи привычных деревянных домиков, бань и сараюшек, строений бывшей уголовной кутузки, мычащей коровьей фермы, зелени огородов и веселых людских тропинок к ее воде. Был обнесен высоченным глухим забором с рядами железных колючек. Над этим забором вздымался только гигантский стеклянный глаз КПП. Только этот циклоп неуспешно знал и видел, что творится в чреве призрака.

А там жила и дышала зловещая тишина, то и дело, особенно ночами, обрывавшаяся дикой какофонией. Стоило забредшей на тепло и запах лисице, зайцу или даже мышши только шумнуть у забора, как в чреве призрака поднимался дребезжащий звон стекла и жести, дикий лай сторожевых псов, голоса, крики, беготня. И переполох уже не утихал до утра.

В неизменный утренний час из ворот, что под глазом призрака, серой молчащей колонной выходили люди, конские повозки, выполза-

ли крытые машины. Машины уходили далеко в леса, а колонны поодаль спускались к чувовской воде, к штабелям спиленных и освежаванных деревьев. Лошадиной тягой, руками и баграми их теперь волокли к воде, и дерева, еще как живые, ворохнувшись и потолкавшись, нехотя, молевым ходом уплывали по ее течению вниз.

Как всякая женщина, миновавшая бальзаковский возраст, Чусовая обрела способность предвидения и предчувствия. А людскими радостями и напастями река, как мы знаем, жила уже давно. Женщина-река, увидев призрак, тотчас прониклась людской бедой. Беда дышала на нее и не давала ей покоя. То же было в пору, когда до ее вод и до судеб людей на ее берегах донеслась большая война. Мужчины, даже умудренные возрастом, напрягались физически, изощряли ум, деловую и супротивную хватку, а те, что помоложе, еще и лихачили ввиду военной беды: да мы, мол, врагов шапками закидаем. И с лихой песней встречали участь свою. А женщины, те, чьи головы тронул цвет беды, могли и умели заглянуть за ее горизонт, сердцем почуять необъятность беды.

Вот и сейчас своей женской сутью поняла река секрет призрака: что не воры и мошенники населяют

чрево этого монстра. Что не надобились бы для их охраны неусыпный циклоп, незрячие окна и несколько рядов хитроумных ограждений. И такой нескончаемой зловещей, несправедливой тишины вокруг.

Но одно не могла взять в толк женщина-река: ведь на сей раз беда не пришла извне, ее сотворили сами люди. Напасть, чужая река, исходила от самого Огнедела! От того вершителя судеб, что на благо людей поднимал вдоль ее вод города и заводы, пускал по ее водам красивые и работающие суда, ревниво соперничал с Лесогором, плотинами поднимая ее воды, перекидывая невесомые мосты, а берега украшая рукотворным ажуром! Тот самый красавец Огнедел, ко-му по молодости своей прощала она вольные и невольные проказы! Живой и жестокий призрак на ее берегу — творение рук Огнедела!

Даже в этой Богом покинутой деревушке Кучиной, вокруг призрака и на его колючих стенах река видела флаги, звезды, плакаты с серпом и молотом. Люди пели лозунги, клялись в верности Огнеделу и... покорно уходили в ворота под циклопическим глазом призрака.

С чем могла женщина-река сравнить-сопоставить эту неслыханную, умом непостижимую напасть, встреченную ею напротив острова, как на грех носящего имя Дикий? Воображение с трудом могло явить ей подобную картину с участием вершителя ее судьбы — Лесогора.

Вот течет она, Чусовая, среди то пологих, то вздыбленных своих берегов, образует опасные и притягательные глубины, беспечные мели и пляжи, таинственные заводи; пестует живность и растительность в водах своих и на берегах; встречает, жалует и провожает сестер, детей и внуков, что полнят и очищают ее воды, радуют новизной пейзажей, одаривают россыпями драгоценностей. Она меняет наряды — то ли по прихоти своей, то ли по лесогоровой изменчивой погоде. То и дело женщина-река старается и Огнеделу поглянуть — то невиданным демантоидным ожерельем, то койвинскими алмазами. А перед Лесогором тропилась щегольнуть огнеделовым, тоже необычным, кыновским подвесным и сплошь застекленным мостом, пронестись под ним, как птица, белым катером. А еще бывало по молодости, что перед обоими ухаже-рами себя на себя не похожую сыграть могла. Живая ведь неповторимая во вселенной, со своим природ-

ным норовом женщина-река! Поди поищи такую.

И вдруг бы Лесогор собрал все свои реки, выстроил по ранжиру, обезвожил ручьи и притоки, выкрасил бы всех в поглянувшийся цвет и пустил под раз-два по вселенной. Что бы явило собой наше общее мироздание? А Огнеделу вдруг вот такого однообразия и заприсилось. А чуть кто заупрямится, стирал с лица земли или заставлял ходить, работать и жить строем. Под тем же общим красным флагом. Объявил этих людей врагами какого-то мифического народа, а на самом деле — врагами самих себя!

С тяжелым сердцем женщина-река миновала деревушку Кучину и остров Дикий. Тяжелым камнем остался в ее памяти кучинский призрак, хотя и недолго дичала здесь злая воля Огнедела. Знала уже река, как переменчивы и людская «погода», и норы Огнедела. Уходя, оставила река за спиной уже не призрака-монстра, а только памятный образ его в виде мемориального музея минувшей всеохватной народной беды.

И как всегда ведется на этой земле — что в лесогоровых, что в огнеделовых пределах, по коим суждено женщине-реке вершить свой путь —

извинительно открывались ей теперь многовекие живописные селения: Вереино, Малышата, Луговая Шушпанка, Кибирята, Сёлы... Даже названия их умиротворяли душу, пока не коснешься каждой в отдель-

ности их судьбы. А не коснуться уже не умела, уже не могла Чусовая. Чуть не в каждом селении она видит церкви и часовни, поднятые людьми. Значит, и здесь не без греха, не без беды, не без молитвы.

Деревня Кучино

Летом 1946 года на окраине маленькой в 20 дворов деревни Кучино, забывшей время своего появления на свет, у впадения в Чусовую речки Боярки начали возводить ограждения для лесной ИТК № 6 Молотовского Управления исправительно-трудовыми лагерями и колониями (УИТЛК). Молотовым тогда именовался город Пермь. До этого времени кучинцы занимались в основном сельским хозяйством да рыбачили.

Стране был нужен лес для восстановления разрушенных городов и заводов, и на территории области десятки тысяч заключенных лагерей — Усольского, Нырбоского и небольших колоний УИТЛК — заготавливали лес. Валили лес и обитатели ИТК-6. Затем его по рекам Чусовой, Каме, Волге доставляли в разные регионы страны, в том числе и в разрушенный Сталинград.

По мере вырубki леса колонии перемещались с одного лесного участка на другой. Так и ИТК № 6, возникшая в конце 1942 г. на станции Селянка (железная дорога Пермь-Чусовская-Нижний Тагил), в годы войны перебазировалась сначала в район Верхне-Чусовских городков, затем г. Лысьвы, а летом 1946-го — к деревне Кучино. К осени построили четыре барака для заключенных, военизированной охраны и кухню. Появилась и конюшня для лошадей — основного транспорта при вывозке леса.

Колония и ее участки располагались недалеко от реки Чусовой, по которой шел молевой сплав леса. В пору большой воды бревна сбрасывали в реку, и они плыли по течению. В низовьях реки были плотбища, где лес вылавливали и сбивали в плоты, которые уже буксировались катером дальше.

Иллюстрации из фотоархива музея «Пермь-36»

► Лес для Сталинграда

Большая часть заключенных трудилась на валке леса, обрубке сучьев, транспортировке хлыстов на берег Чусовой. Сначала с помощью лошадей, а с 1947 года — двух тракторов. Позже к реке была построена узкоколейная железная дорога.

Основную массу заключенных (500–600 человек) составляли так называемые «бытовики», то есть лица, осужденные за бытовые преступления, и «указники» — осужденные по Указам Верховного Совета СССР (за прогулы, неоднократные опоздания на работу, самовольный уход с предприятий оборонной промышленности). Были и уголовники, воры-рецидивисты, но они составляли меньшинство. Политические, то есть осужденные по известной ст. 58 УК РСФСР, составляли менее 10 процентов. Тогда они содержались вместе с бытовиками и уголовниками.

Появление исправительно-трудовой колонии кардинально изменило жизнь деревни. Рядом появился оживленный

«Военный городок» с казармами, домами для офицеров, клубом, магазином и даже гостиницей — Домом приезжих. Военный городок и деревню разделял Контрольно-пропускной пункт (КПП). Местные старожилы вспоминают, как возили через этот КПП опил с лагерьной лесопилки: «Только выезжаешь из Кучино, конвой уже не пускает, проверяет. Пиками все мешки истыкают — не везем ли кого». В 1970-е годы КПП на въезде в военный городок убрали, но по дороге постоянно ходил военный патруль, вооруженный автоматами.

Военный городок привлекал жителей окрестных деревень и сел. Здесь было хорошее снабжение. Бывший сотрудник колонии говорит: «У нас в магазинах все было. Из города приезжали к нам. Шлагбаум стоял, чтобы не пропускать машины. Охочих больно много было». Молодежь же привлекали танцы в клубе: «Ездили мы с девчонками туда. Там воинская часть была, охранники, их там человек 50–60 было. 18, 19, 20 лет — вот такие парни. Много было грузин, армян, всяких-всяких национальностей. Некоторые девчонки у нас замуж вывели».

Многие, если не большинство жителей деревни, работали в этой колонии — надзирателями, бухгалтерами, поварами и т.д. Сейчас сохранились несколько бараков для военных слева от дороги, општукатуренные двухквартирные дома для семей прапорщиков — справа, продуктовые склады, дом начальника колонии — прямо напротив заграждений колонии.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. появляются небольшие мастерские, гараж и происходит выделение промышленной зоны. То есть складывается классический тип лагеря, состоявшего из двух частей: жилой и промышленной зон, которые были отделены одна от другой. Первоначально промзона была небольшой, так как основная масса заключенных работала на лесозаготовках, но постепенно она увеличивалась.

Сергей Шевырин

Окончил истфак Пермского педагогического университета. Учитель истории и права. В 1999–2005 гг. — научный сотрудник Мемориального центра истории политических репрессий «Пермь-36». Участник исследовательских проектов: «Большой террор в советской провинции», «Во имя справедливости: архивы рассказывают», «Энциклопедия «Сталинградская битва. 1942–1943 гг.», «Топография террора». По результатам проектов изданы сборники трудов, путеводители, книги, проведены конференции, выставки и т.д. В настоящее время — доцент гуманитарно-педагогического университета, заведующий научно-методическим отделом Мемориального комплекса. Живет в Перми.

► КПП особого режима

► Молевой сплав

▲ Промзона строгого режима

▲ Барак особого режима

Новый период в истории ИТК начался после смерти Сталина в 1953 году и продлился до 1972 года. Сменился тип заключенных: вместо уголовников, «бытовиков» и «указников» в колонию прибыли бывшие работники правоохранительных органов, суда и прокуратуры. После разоблачения Л. Берии по стране прошел ряд процессов по обвинению их в «нарушениях социалистической законности», необоснованных репрессиях. В ИТК-6 для отбывания наказания прибывают бывшие работники КГБ, милиции, суда, прокуратуры, администрации лагерей. Как отмечалось в одном из выступлений руководства колонии, в ИТК-6 «сидят в основном одни полковники». В это время колония начала благоустраиваться, появились клумбы, высажена аллея.

Численность заключенных на этот период — более 300 человек. Основной вид деятельности — по-прежнему лесозаготовка. Расширилась и промзона: появился цех тарной дощечки, началось изготовление шпукатурной дроби, заработали пиломара, деревообрабатывающий цех и т.д.

Третий период начался в 1972 году и продлился до 1988-го, когда колония прекратила свое существование.

Состав заключенных снова поменялся. Прежний контингент перевели в Нижний Тагил, где и сейчас действует колония, в которой содержатся бывшие работники правоохранительных органов. ИТК-6 ликвидируется и создается ИТК-36 строгого режима, предназначенная для содержания государственных преступников, к которым, наряду со шпионами, террористами, предателями, относились и диссиденты, правозащитники.

С начала шестидесятых после изменений в УПК и УК насчитывалось 4 режима содержания: общий, усиленный (сейчас не существует), строгий и особый. Политических обычно отправляли сразу на строгий, минуя общий и усиленный.

В обстановке абсолютной секретности в колонию прибыли первые эшелоны с заключенными из мордовских политлагерей. Это было обусловлено тем, что в мордовских лагерях ослабла строгость: политзаключенные передавали на волю сведения о лагерях, режиме, об осужденных.

В составе первого этапа значительную часть составляли лица, осужденные за военные преступления (каратели, пособники оккупантов). Доля лиц, осужденных по ст. 70 и 72 (антисоветская пропаганда, участие в антисоветских организациях), составляла около 25 процентов. В дальнейшем состав заключенных меняется, и доля политических становится преобладающей.

В 1979 году на территории производственного участка колонии, где размещалось лесопильное и столярное производство, начались работы по созданию максимально строгого режима — особого. Были устроены камеры, прогулочные дворики, усилена система охраны. В марте 1980-го новый участок был готов к приему первой партии заключенных. Это был единственный в СССР барак особого режима для наиболее опасных государственных преступников, мно-

гие из которых находились в заключении по политическим мотивам. Особый режим предполагал камерное содержание заключенных, т.е. большую часть срока — а стандартным приговором для особого режима было 10 лет — они проводили в камерах, за стенами и решетками, в максимальной изоляции от окружающего мира. В этом бараке одновременно отбывали наказание не более 30 человек — опасных государственных преступников. А всего через участок особого режима прошли 56 человек.

Среди узников пермских политлагерей были авторы и распространители антикоммунистической литературы, участники правозащитных групп, религиозных, национальных и других организаций: Владимир Буковский, Сергей Ковалев, Анатолий Марченко, Юрий Орлов, Василий Стус, Натан Щаранский, Глеб Якунин и другие.

Сергей Адамович Ковалев окончил биологический факультет МГУ. Защитив диссертацию, стал младшим научным сотрудником и одновременно преподавал на биологическом факультете университета. С конца 1960-х годов начинает активную правозащитную деятельность: подписывает письма протеста о несоблюдении прав человека, участвует в создании первой в СССР правозащитной организации — инициативной группы по правам человека, становится редактором информационного бюллетеня «Хроника текущих событий». В 1974 году он был арестован за правозащитную деятельность и осужден на 7 лет ИТК и приговорен к трем годам ссылки за антисоветскую агитацию и пропаганду. Свой срок Сергей Адамович отбывал на строгом режиме колонии «Пермь-36». После перестройки он был реабилитирован и возглавил комиссию по правам человека в Российской Федерации.

Были среди заключенных и уральцы. Свердловчанин Виктор Георгиевич Пестов с братом и друзьями в конце 1960-х годов организовали подпольную молодежную организацию «Свободная Россия», распространяли листовки. В 1970 году они были арестованы, осуждены и отправлены в исправительно-трудовую колонию.

Не все заключенные ИТК-36 дожили до освобождения. Драматична судьба поэта Василия Стуса — он погиб в камере особого режима осенью 1985 года. Накануне смерти Василий Стус был выдвинут Генрихом Беллем на соискание Нобелевской премии в области литературы. Но за два месяца до заседания нобелевского комитета погиб, автоматически выбыв из соискателей. Нобелевская премия дается только живым. Что случилось в камере ночью 4 сентября 1985 года, сотрудникам музея до сего времени доподлинно неизвестно.

В 1988 году колонию закрыли, заключенных или освободили, или перевели в соседнюю ИТК ВС 389/35. В бараках закрытой колонии разместили психоневрологический интернат. Жизнь деревни Кучино вновь изменилась. Офицеры начали покидать военный городок, который уже без КПП влился в состав деревни — уже даже не деревни, а поселка. Часть

жителей нашли себе работу в качестве санитаров и тех же паров уже в интернате, а часть жителей уехали в поисках работы в Чусовой и Пермь. История музея политических репрессий начинается с 90-х годов. Именно тогда пермский историк В.А. Шмыров предложил создать на месте заброшенного лагеря музейно-архивный комплекс. Администрация Пермской области поддержала проект, и в 1994-м на месте бывшей ИТК-36 начал создаваться «Мемориал жертв политических репрессий» (Пермь-36). Для жителей Кучино вновь появились рабочие места — уже в музее: смотрителями, строителями-реставраторами, охранниками.

Становление музея проходило при поддержке Администраций Пермской области, Пермского края и общественных организаций.

упреждение. Забыть — значит принять на себя вину. Надо все время напоминать о прошлом. Оно было, оказалось возможным, и эта возможность остается. Лишь знание способно предотвратить ее». Мемориальный музей истории политических репрессий раскрывает проблемные вопросы истории с помощью документально подтвержденных данных, тесно сотрудничает с архивами. Так, архивно-следственные дела ЧК, ОГПУ, НКВД и МВД, хранящиеся в Пермском государственном архиве социально-политической истории, позволяют наполнить живым содержанием экспозиции, выставки и аудиовизуальные программы музея «Пермь-36».

В фондах ПермГАСПИ хранятся тысячи документов, раскрывающих трагические судьбы наших земляков. Раскрытие трагических моментов той эпохи наиболее действенно и attractивно через судьбы людей. Причем людей простых, часто живших даже на соседней улице. Такая подача исторического материала позволяет максимально углубиться в изучаемую эпоху — через сопереживание к конкретному человеку. Почувствовать, прикоснуться к тому времени через подлинные документы, фотографии, судьбы.

Одним из первых опытов сотрудничества музея и архива стала передвижная выставка «Прикамье. Репрессии. 30–50-е годы», созданная в январе 2000 г. Архивные документы и фотографии рассказывали о судьбах репрессированных пермяков, о пермских «островах ГУЛАГа». Выставка была построена в хронологическом порядке и отображала основные вехи истории репрессий на материалах Пермского края. За семь лет активной эксплуатации выставка экспонировалась в сотнях школ Пермского края, объехав большинство его районов. Только за первые три года выставку увидели 25000 человек.

Школьники г. Добрянки в 2001 г. написали в журнале отзыв: «Нам кажется, что все репрессии от нас далеко. Но, смотря на эти фотографии и фильм, осознаешь, что это совсем близко нас касается. Все это очень страшно. Все должны знать это и видеть, чтобы не повторять ошибок прошлого».

Для того чтобы еще больше приблизить историю к посетителям, один стенд заполнялся материалами из архивно-следственных дел на людей того населенного пункта, в котором экспонировалась выставка. Часто это были соседи и родственники посетителей. Узнав своих родных, они часто рассказывали их дальнейшую судьбу, показывали уникальные фотографии. На основе такого общения-сотрудничества рождались новые экспозиционно-выставочные проекты. Так, в татарском селе Кояново на выставку пришли старожилы, которые многое рассказали о репрессиях 1930-х годов, показали памятник репрессированным жителям села у мечети.

После, благодаря помощи сотрудников ПермГАСПИ, были найдены и другие архивно-следственные дела кояновцев. Особенно поразило дело председателя колхоза «Передовик» Галимзяна Максудова. Максудов был обвинен в создании антисоветской террористической организации, ставящей своей целью вооруженное свержение советской власти. 15 ноября 1937 г. тройка приговорила Максудова и еще 6 жителей села к 10 годам ИТЛ. Из писем Максудова

▲ Ряды заграждений

▲ Лагеря ГУЛАГа в СССР

На территории лагеря сохранились уникальные постройки сталинского времени — барак, баня, а также постройки времен политической зоны — барак особого режима с тесными камерами и прогулочными дворами, ШИЗО. Артефакты наглядно рассказывают и о ГУЛАГе, и о постсталинских политических репрессиях. Экспозиции и выставки музея истории политических репрессий «Пермь-36», дополняя главные экспонаты — здания и постройки бывшей политической колонии, раскрывают историю лесной промышленности Молотовской области, сталинских репрессий, ГУЛАГа, пермских лагерей и колоний советского времени.

Все экспозиции и выставки музея говорят о сложных, негативных моментах нашей истории, о которых многие просто хотят забыть или сделать вид, что этого никогда не было. Задача музея — сохранить память о ГУЛАГе, миллионах заключенных, многие из которых находились там по сфабрикованным, вымышленным «делам». Немецкий философ и историк Карл Ясперс, переживший ужасы нацизма, писал о сложных моментах истории: «То, что произошло, — пред-

▲ Штрафной изолятор

▶ Дети ГУЛАГа

дова можно узнать, как велись следственные действия: «... допрос был организован таким образом: раздели до белья и в холодной комнате посадили на чугунный стул, продержали на нем 1,5 суток, затем 3 суток держали стоя, отчего ноги опухли и стали как бревна, ... нелепость его (обвинения) для меня была совершенно очевидна и я категорически отказался признать себя виновным, несмотря на меры принуждения, о которых я упомянул выше». «... один раз допрашивали без всякого перерыва в течение 3 суток без сна и пищи ... на каждом допросе подвергали жестоким избиениям, в результате которых я неоднократно лишался сознания. Избивали меня кулаками, рукоятками наганов. Таких издевательств я перенести не мог и, чтобы прекратить свои страдания, подписал протоколы». На основании этих архивно-следственных дел и помощи жителей села в 2004 г. совместно с московской студией «Диафера» под руководством художника-дизайнера и режиссера Юрия Васильевича Решетникова был создан слайдфильм «Судьбы жителей села Кояново». Этот слайдфильм демонстрировался и в Кучино в помещении старого штаба.

Совместная работа со студией «Диафера» продолжилась созданием слайдфильмов — «Социально опасные дети» и «Судьба священника» (о священнике церкви села Култаево Пермского края — Козьмине, расстрелянном в 1937 году). Для создания этих слайдфильмов были изучены десятки архивно-следственных дел. В основу фильма «Социально опасные дети» легли дела заключенных-воспитанников детской трудовой колонии в Кунгуре. В тюремных делах многих из них было написано: «Родители репрессированы за контрреволюционную деятельность органами НКВД». Это так называемые «социально опасные дети осужденных», которые «в зависимости от их возраста, степени опасности и возможности исправления» подлежали заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД. За такими детьми велось особое наблюдение и за малейшие провинности могло быть заведено уголовное дело. Так, в 1938 г. нескольких воспитанников обвинили в «террористических намерениях». Они «... ночью собирались, вели разговоры о тайге, о прочитанных книгах, о возможности построения гиперболоида системы инженера Гарина, ... при помощи которого можно было бы уничтожить работников НКВД».

Летом 2003 года была открыта большая экспозиция «ГУЛАГ, история, труд и быт». Она разместилась в одном

▶ Выставка в бараке особого режима

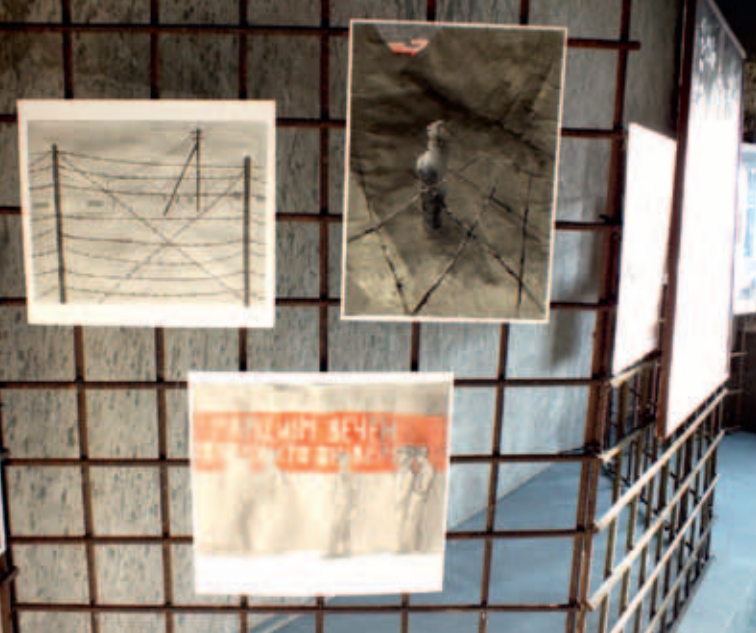

из залов бывшего барака для заключенных, построенного еще в сталинское время. Среди уникальных экспонатов — чудом сохранившихся деревянных нар, одежды и обуви заключенного — всегда обращают на себя внимание стенды с документами из рассекреченных дел НКВД. Они рассказывают посетителю, за что мог человек в то время попасть на долгие годы в невероятно тяжелые лагерные условия жизни и труда.

Морской офицер, ученый-гидрограф Д.Ф. Котельников участвовал в Первой мировой (в деле сохранилась его фотография с множеством орденов и медалей). Был обвинен в том, что служил в белогвардейской армии Колчака, с которым знаком по совместной службе до революции на флоте. В колчаковской армии занимал должность не военную, а научную — директора маяков и лоцгий. В деле имеются доносы. Сослуживцы пишут, что он не любил советскую власть и при ее упоминании говорит: «Советская власть, извините за выражение». И даже однажды пришел с царскими орденами, надевшими на красноармейскую морскую форму. В 1930 году Котельников арестован и осужден на 10 лет за антисоветскую пропаганду и агитацию. Отправлен на Беломоро-Балтийский канал.

Осенью 2016 г. в другом помещении жилого барака была открыта выставка «Долгое возвращение», посвященная реабилитации жертв репрессий — о том непростом пути, который прошли жертвы репрессий к своему освобождению — от сознания, что и власть может ошибаться, до понимания преступных действий этой власти и масштабных реабилитационных мероприятий. Использовалась уникальная база данных на репрессированных жителей Пермского края. Она наглядно показывает динамику арестов и освобождений — с пиком арестов в 1937 г. — 8 тысяч. В конце

◀ Долгое возвращение

1938-го аресты идут на убыль и начинаются освобождения. Власть признает, что эти люди арестованы и репрессированы без состава преступления. Но... это еще не реабилитация. Освобожденные дают подписку о неразглашении и часто молчат об аресте и методах ведения упрощенного следствия всю жизнь.

Особой эмоциональной выразительностью обладают письма родственников с просьбой сообщить о судьбе своих родных. Пелагея Ефимовна Артемьева в 1958 году все еще ждет своих сыновей, расстрелянных еще в 1937-м: «... два моих сына по неизвестной мне причине в августе месяце были арестованы и осуждены на 10 лет без права переписки со своей семьей. ...Я, как мать, прожившая 80 лет, прошу разыскать сыновей. Из всей семьи осталась одна я и дочь 60 лет. Теперь не имею никакой материальной поддержки, никто не оказывает помощи».

В мае 2017 года в бывшем жилом бараке, в помещении «Красного уголка», открылась экспозиция «Вещдок». Молитвенник, портрет императора, записка или письмо с критикой советской власти, книги и брошюры, где упоминались недавние лидеры государства... Некоторые портреты разорваны, другие — исчерканы, проткнуты. Все это «вещдоки». Вот портрет Сталина в журнале «Огонек», изорванный Ларисой Петровной Южаковой из-за того, что, по ее словам: «Все дорого купить, одеть нечего — вот ведь до чего довел наш правитель...» За это действие Линейный суд Пермской железной дороги приговорил ее к 10 годам заключения. Достаточно частым основанием для ареста становились критические высказывания граждан в адрес государства, власти, правительства. Эти высказывания могли быть в виде песен и частушек, анекдотов, листовок.

*«Мы колхозники, трудимся и работаем,
А хлеба нет, кормиться нечем.
Нет виновников,
Если колхозник не обеспечен.
Неужели голод скосит?
Председатель хлеб не просит.
Он не пишет никуда,
Его семья, видно, сыта...»*

За эти стихи Никита Васильевич Леканов в сентябре 1937-го был приговорен тройкой при УНКВД Свердловской области к расстрелу. В вину ему ставилась «махровая контрреволюционная пропаганда».

Все дела, основанные на подобных уликах и «вещдоках», после XX съезда партии, осудившего массовые репрессии, были пересмотрены и получили завершение в виде реабилитирующего постановления с пометкой «за отсутствием состава преступления».

Еще один аспект раскрытия эпохи репрессий и террора через судьбы людей заключается в том, что в рассказ вносятся положительные моменты для восприятия отечественной истории — ведь многие наши соотечественники сумели сохранить, несмотря на страшные испытания, человеческое достоинство, мужество, честь. Школьница из села Верхнее Калино, посмотрев выставку и слайдфильм, написала: «Я горжусь теми людьми, которые вынесли годы мучений и страданий, которые не сломались. Это трогает до слез. Вы храните нашу историю».

В 2000 году музейному комплексу «Пермь-36» был присвоен статус памятника истории и культуры Пермского края регионального значения. В 2014-м создано государственное автономное учреждение культуры Пермского края «Мемориальный комплекс политических репрессий».

С этого времени много сделано по формированию музейного фонда, созданию выставок и экспозиций, организации просветительских мероприятий. Были написаны и утверждены основные нормативно-правовые положения, касающиеся порядка формирования и хранения музейных коллекций, проведены поисковые и исследовательские экспедиции, открыты новые передвижные и стационарные выставки, проводятся экскурсии и мероприятия для разных категорий населения. Музей реализует важные просветительские проекты — дискуссионный кино клуб «30 октября» на базе кино театра «Премьер», «Школа юного экскурсовода» совместно с Пермским государственным гуманитарно-педагогическим университетом и общеобразовательными школами Перми, «Школа молодого историка» и другие.

Особенно интересен опыт сотрудничества с молодыми художниками — учащимися Пермского художественного училища. Уже несколько лет они приезжают в музей, живут на территории бывшей колонии, ходят на экскурсии, проницаются атмосферой того времени и, конечно же, рисуют. Итогом такого пленэра стала большая выставка студенческих работ.

В 2016 году Мемориальный комплекс политических репрессий был принят в Союз музеев России.

Статистика посещений музея свидетельствует о стабильном интересе к тематике экспозиций и выставок — как у жителей Пермского края, так и у туристов из других регионов РФ и из-за рубежа. Общее число посетителей экспозиций (выставок), слушателей лекций, участников образовательных программ и мероприятий, проводимых в музее, за его пределами, а также удаленно через сеть Интернет за 2017 год составило около 60 тысяч человек. Для посетителей комплекса проведены более 700 экскурсий. В течение 2017 г. музей посетили туристы из 55 городов РФ и из 44 стран мира.

Так невидная чувовская деревня Кучино получила второе дыхание и мировую известность. **VG**

Торговая компания
Люмна
книги учебники канцтовары

г.Екатеринбург, ул.Студенческая, 1В;
(343) 228-10-70- отдел реализации ;
г.Березовский, ул.Уральская, 132
(343) 344-40-60 - отдел реализации

www.lumna.ru

- **КНИГИ**
- **УЧЕБНИКИ**
- **МЕТОДИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**
- **НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ**
- **ОТКРЫТКИ**
- **КАНЦТОВАРЫ**
- **ИГРУШКИ**
- **СУВЕНИРЫ**

Магазины "ЖИВОЕ СЛОВО"

г.Екатеринбург

Баумана, 35	300-17-44
Блюхера, 12	374-53-81
В. де Геннина, 37	205-98-29
Волгоградская, 190	234-47-73
Гагарина, 1	374-76-37
Грибоедова, 12	258-43-45
8 марта, 167	300-65-50
Кировградская 4/2	317-25-95
Космонавтов, 72	216-38-21
Кр.Командиров, 23	367-71-23
Крауля, 44	278-40-46
Пехотинцев, 6	323-81-81
Победы, 38	330-16-82
Родонитовая, 9	381-35-43

г.Ишим

Советская, 19	(34551) 2-16-09
М.Горького, 28/9	(34551) 5-09-05

г.Нефтеюганск

м-н «Канцлер» 4 микрорайон, 13 (3463) 2-44-141

г.Березовский

Гагарина, 17 (343) 385-66-52

г.Сургут

Университетская, 29 (3462) 95-14-46

г.Асбест

Ленина, 21 (34365) 2-95-73

г.В.Пышма

Кривоусова, 55 (34368) 7-91-56

г.Каменск-Уральский

Комсомольский бульвар, 39 (3439) 54-05-10

Победы, 4

(3439) 37-05-67

г.Серов

Ленина, 148 (34385) 7-50-70

г.Новоуральск

Комсомольская, 18 (34370) 7-100-7

г.Миасс

пр. Автозаводцев, 52 (34370) 7-100-7

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Май 2018

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

ЕВГЕНИЙ АЛЛАРД

Проект «Звёздная пыль»:

точка невозврата

50

67

Координаты чудес

ТАТЬЯНА СТРЕЛЬЧЕНКО

Покорить Миларгон

67

75

Координаты чудес

КСЕНИЯ ТОМАШЕВА

Человек, который купил планету

75

Проект «Звёздная пыль»: точка невозврата

Евгений Амард (псевдоним)

Родился в 1966 году в городе Химки Московской области. В 1988-м окончил факультет экономической кибернетики МИНХ им. Г. В. Плеханова по специальности экономист-математик. С этого же года и по сей день работает ведущим разработчиком ПО и БД в отраслевом дорожном институте ФГУП Росдорнии. Первый фантастический рассказ написал ещё в школе. Размещать свои произведения на сетевых ресурсах начал с 2005 года. Автор нескольких романов и повестей. Пишет преимущественно в жанрах НФ, социальной фантастики и мистического детектива. Проживает в Московской области.

Лента шоссе, проходившая между рядами платанов, обрывалась на горизонте, где через сизое марево просвечивали контуры башни маяка. Осточертевший за три года пейзаж. Машину мелко затрясло на неровном покрытии, когда я свернул в малозаметную аллею справа.

Остановившись у высоких железных ворот, за которыми возвышалась унылая коробка из грязно-оранжевого кирпича с антенной, напоминавшей крылья огромной стрекозы, я вылез из машины и поморщился. Левая нога здорово ныла ещё с вечера, реагируя на мерзкую погоду, что не улучшило настроения. Стараясь не хромать, прошёл пост охраны, не обращая внимания на подобострастные приветствия, и оказался в просторном фойе, куда выходили двери трёх лифтов.

Приложив палец к сканеру, я вызвал служебный лифт. Через пару минут дверцы мягко разъехались передо мной, гостеприимно пропустив внутрь.

Лифт с мягким гулом начал опускаться.

Бросив взгляд в зеркало, поправил галстук, не удержавшись от грустной усмешки. Отражение напомнило о страшилках, коими старожилы пугают новичков, описывая в буйных красках, как глава центра приобрёл увечья в неравной борьбе с жуткими монстрами, которые воссоздаются здесь. На самом деле, это полная ерунда. Глубокие шрамы на лице, изуродованная левая нога, в тридцать пять лет поседевшие волосы, отсутствующее лёгкое — последствия встречи не с четвероногими чудовищами, а с двуногими существами, которых по формальным признакам относят к людям.

Цилиндрическая кабина лифта из серебристого металла остановилась, помедлив пару секунд, с тихим шелестом открыла двери, пропустив меня в узкий коридор. Тихо и холодно, как в скле-

пе. Постоянная температура поддерживалась здесь на уровне пятидесяти градусов по Фаренгейту (*десяти градусов по Цельсию*. — Прим.). Правда, в склепе обычно сыро, пахнет тлением, плесенью. В лаборатории не ощущалось никаких запахов.

Через полсотни шагов голая бетонная стена прервалась длинным окном, за которым словно небо-скрёбы высились серо-стальные шкафы вычислительного центра с уходящими вверх толстыми металлическими трубами мощного охлаждения. Дверца одного шкафа была распахнута, в клубке толстых покрытых чешуёй оплётки «змей» деловито копался техник в голубой спецовке, в лысине отражалось пятно света. В следующем зале выстроился ряд генераторов, выкрашенных светло-серой краской. Ещё одно помещение — монтажная со стеллажами, низвергающими водопады разноцветных проводов. Столы, заставленные монтажными платами с длинными рядами чёрных коробок с надписью Nvidia TESLA — графические процессоры, названные в честь гениального изобретателя Николы Теслы.

Недавно вояки расщедрились, вняв нашим мольбам, бросили подачку, на которую мы смогли сделать модернизацию нашего устаревшего суперкомпьютера Cray XK7, подлатать дыры. Чиновники в мундирах, которые в своей тупости ничем не отличаются от бюрократов в деловых костюмах, отказывались понимать, зачем для воссоздания туннелей пространства-времени нужны мощные графические процессоры. Думали, мои сотрудники решили поиграть в Crysis 5. Мне пришлось убить уйму времени, убеждая «ястребов», что это нужно лишь для расчётов — Nvidia Tesla, которые мы заказали, не имеют даже выхода на дисплей.

В конце коридора я остановился, чтобы бдительное око системы безопасности провело неприятную

процедуру — сканирование радужной оболочки. На табло справа от двери зажглась надпись: «Ричард Клейтон. Доступ разрешён».

Просторное помещение со стенами, обшитыми панелями светлого дерева, с овальным чёрным столом, за которым меня уже ждало несколько человек.

— Догерти, доложите о последнем эксперименте, — сказал я, заняв место во главе стола, даже не сказав формального приветствия. Моя бестактность стала притчей во языцех.

Эдвард Догерти, начальник отдела испытаний, немолодой мужчина с проглядывающей на макушке лысиной, которую он тщательно декорировал остатками волос, достал из папки лист бумаги, медленно проговорил, не глядя в текст:

— Мы провели пять испытаний, успешность — семьдесят семь процентов.

— Это интересно как? — язвительно перебил я. — Пять добровольцев, семьдесят семь процентов? Давайте по существу. Сколько вернулось, что показали тесты психоэмоционального и физического состояния. Что конкретно удалось узнать.

Поморщился, потёр висок, паршивое настроение усугубилось ноющей головной болью.

— Вернулось четверо, — пробормотал он, стараясь не смотреть в мою сторону. — К сожалению, один пока остался в туннеле. С остальными побеседовать пока не удалось. Они не адекватны.

Над столом возник голографический экран, демонстрируя небольшую квадратную комнату. Здесь бродил худощавый молодой человек в светло-синей больничной рубашке, с тёмными кругами под глазами на худом лице, впалыми щеками, серыми, тонкими губами. Его шатало из стороны в сторону, словно в каюте судна в сильный

штурм. Сделав несколько безуспешных попыток залезть на потолок, он спланировал на пол, безвольно раскинув руки, вперился в пространство перед собой. Вскочив на ноги, согнулся пополам, как будто у него болел живот, пытаясь лбом пробить стену, обшитую грязно-белыми матами.

— Понятно, — я тяжело вздохнул. — Полку психов прибыло. Как вы любите, Догерти, за никчёмными цифрами скрывать неудачи. Не семьдесят семь процентов успеха, а двести процентов полного провала. Есть какие-то предположения? — обеда взглядом присутствующих, поинтересовался я. — Нет? Ладно, Томсон, какие у вас успехи с Ричардсоном? Смогли преодолеть проблемы с обрывом связи?

Это была идея Томсона привлечь к работе экстрасенсов, в которых я никогда не верил. Но отдаю ему должное, именно благодаря феноменальным способностям Маркуса Ричардсона, мы смогли открыть туннели пространства-времени. Хотя это стало лишь побочным эффектом другого эксперимента. Материализации мысленных образов, которую осуществлял Маркус.

— Да, сэр. Мы расположили кресло Ричардсона и приёмники внутри катушек Теслы особой конструкции «Дельта Т». Таким образом, удалось защитить энергетические поля. Обрывы связи практически прекратились. Кроме того, мы смогли выяснить, почему люди теряются в туннелях и не находят пути назад.

— Вот как? — недовольно вскрикнул Догерти. — Вы знали и не сообщили нам? Мы потеряли добровольца по вашей вине, Томсон!

— Помолчите, Догерти! — я грубо оборвал его. — Это не вина Томсона, а моя! Понятно вам? Я несю за это ответственность. Говард, расскажите о ваших выводах.

— Вся проблема заключалась в расфокусировке внимания Ричардсона из-за наводок электромагнитного поля, создаваемых дельта-антенной. Мы открывали тоннель, но он начинал дрейфовать. Конец не совпадал с началом и люди не попадали в нужное место. Мы провели ряд расчётов и добились стабильности результатов на девяносто пять процентов.

Ослепительная вспышка света разорвала зигзагом сверху донизу пространство, как будто сюда проникли светящиеся корни огромного инопланетного дерева. В нос ударил резкий запах озона. Когда я сумел прозреть, увидел на столе мерзкое чудовище. Тело лысой с остатками шкуры на боках коровы, сдохшей от ящура, но каким-то невероятным образом сумевшей ожить и выбраться из могильника. Задние конечности с копытами, передние смахивали на лапы огромной собаки. Морда с загнутыми вверх клыками — гибрид кабана и саблезубого тигра. Гнусная тварь, по сравнению с которой собака Баскервилей выглядела тойтерьером, издала леденящий душу вопль. Соскочив со стола, начала бегать кругами, со свистом рассекая воздух и распространяя отвратительную вонь.

— Уберите эту хрень, Томсон! — закричал я. — Быстро!

Раздался хлопок, мразь сложилась в плоскую картинку и пропала. Большая часть присутствующих замерла в полубморочном состоянии. Догерти, пунцовый от стыда, вылез из-под стола, старательно пряча глаза, присел в кресло, поёрзав на месте.

— Извините, сэр, — пробормотал Томсон растерянно. — Это Маркус, его шутки. Я ничего не могу сделать.

— Судя по этой штуке, мы довели Ричардсона до ручки, — проронил я, в задумчивости потирая подбородок. — Раньше его монстры хотя бы напоми-

нали реальных, тигров там или слонов. А сейчас он сотворил ужас Господень. Говард, дайте Маркусу отдохнуть пару недель и замените другим экстрасенсом.

— Это не так просто, сэр. Нам придётся делать тонкую настройку кресла вновь. Это займёт много времени, — осторожно возразил Томсон.

— Чёрт с ним! Не отмывать же каждый раз от дерьма мой кабинет, — с досадой буркнул я. — Ладно, давайте послушаем отчёт других. Норман, как у вас дела с модернизацией нашего супер-пупер компа? Сможете поведать?

Норман Стейн, руководитель ВЦ, достал из папки дрожащими руками пару листов бумаги, начал рассказывать, чуть заикаясь.

Выслушав отчёты тех, кто был способен говорить после хулиганской выходки Ричардсона, отпустил всех.

— Все свободны. Томсон, останьтесь, — бросил я.

Томсон замер в дверях, вернувшись, присел рядом в кресло, вопросительно взглянув на меня.

— Хочу попробовать зайти в туннель. Поможешь? — спросил я. — Понимаешь, самому хочется понять, почему люди сходят с ума. Мне кажется, у нас осталось мало времени. Скоро вояки нас грохнут. А я так ничего и не успел.

— Дик, даже если ты не сойдёшь с ума, — он недоверчиво покачал головой. — Ты можешь пропасть там навечно. Мы не смогли добиться, чтобы начало с концом совпадало на сто процентов. Это самоубийство.

— Говард, нет у меня больше ни моральных, ни физических сил. Вместо того чтобы заниматься наукой, стал бюрократом. Разруливаю потоки дерьма.

Он лишь покачал печально головой, но не стал возражать.

На следующий день я пришёл в зал перемещений, где меня поджидал Томсон и Маркус Ричардсон, высокий, худой мужчина средних лет, с отсутствующим взглядом.

— Ну, готов? — смерив меня хмурым взглядом, буркнул Говард.

Меня бросило с силой вниз в разверзший под ногами туннель в виде невыносимо ярко освещённой спирали, мгновенно лишив любого представления о времени и пространстве. До тошноты закружилась голова, я вдруг оказался на краю огромной карусели, которая, увеличиваясь в диаметре, всё быстрее и быстрее разгонялась. Зацепившись кончиками пальцев за край, я с обжигающим ужасом представил, что занемевшие руки не выдержат и меня отбросит в закрученную туманность в виде бабочки, которая то приближалась, то удалялась. Душу вывернуло наизнанку, обрушилось мучительное чувство одиночества и ностальгии. Я очнулся в центре сферы в окружении незнакомых, немигающих звёзд, понимая, что от родной Земли меня отделяют миллионы, миллиарды световых лет и всей оставшейся жизни не хватит, чтобы вернуться домой.

И в последнюю секунду перед тем, как окончательно потерять сознание, я ощутил под ногами твердь. Тьма рассеялась, я увидел, что нахожусь в той же лаборатории, только здесь нет ни Томсона, ни Маркуса, только бегущие по дисплеям графики, диаграммы измерений. Внезапная, но совершенно очевидная мысль пронзила мозг. Я вдруг понял, почему люди сходили с ума. И бросился к клавиатуре, чтобы не забыть... Обязательно не забыть!

* * *

— ...трансформатор Теслы с выходным напряжением в несколько миллионов вольт, способен поро-
ж-

дать различного рода газовые разряды: стримеры, искровые, коронные или дуговые, которые производят эффектное впечатление. Поэтому это изобретение Теслы часто используются в декоративно-просветительских целях. На выставках, к примеру. Практически это устройство применяется довольно мало, — я отвернулся от доски, и обвёл взглядом аудиторию, где сидело две дюжины молодых людей, явно сильно заскучавших. — Есть вопросы?

— Профессор, а почему вы не рассказали, что трансформатор Теслы использовался для разработки системы невидимости военных объектов? — поддал голос Говард Томсон. — Вы писали в своей книге, что побочным эффектом работы стал туннель для путешествия во времени. А генератором вращающегося магнитного поля Теслы можно защитить энергетические поля, чтобы путешественники во времени не сходили с ума, покидая нашу реальность.

В голосе ощущался нескрываемый сарказм. Мол, как же вы, уважаемый профессор, могли забыть о собственном фундаментальном труде. Говард Томсон — талантливый парень, но смотрит на меня, как на недоразумение. Словно, это он профессор, а я — студент. Мы почти одногодки, ему двадцать семь, а я лишь на пять лет старше. Никогда не мог понять, зачем ему, победителю нескольких престижных олимпиад знаний, получившего президентский «гранд» на обучение в «университете мечты», понадобилось включать мой предмет, примитивный курс электротехники, в свою программу обучения. Может быть, для того, чтобы произвести впечатление на девушек, отпуская в мой адрес шуточки?

— Да, Говард, верно, — улыбнулся я, давая понять, что сдержал «удар». — Вихревой трансформатор Теслы успешно использовался для генерации магнитных полей сверхвысокой напряжённости вокруг объек-

та, что обеспечило ему невидимость для радаров. Но, что касается туннелей для путешествия во времени, то практически это невозможно. Прошлое, настоящее и будущее связаны между собой. Можно провести аналогию с игрой в шахматы. Каждый шаг будет порождать настолько огромное количество вариантов, что итог игры непредсказуем. Если путешественник во времени изменит прошлое, то возникнет новая реальность в будущем. Он не сможет вернуться в точку, из которой отправился в путь. Возникнет временной парадокс. Я ответил на ваш вопрос, Говард? Хорошо. Тогда, на этом закончим. К следующему семинару жду ваших рефератов. Говард, вас это тоже касается.

Спускаясь по ступенькам главного входа политехнического института — приземистого знания из красного кирпича под белой остроугольной крышей, с тёмно-коричневыми колоннами, я заметил двух полицейских.

— Ричард Клейтон? Детективы Брэдли Адамс и Энтони Петерсон, — показывая жетон, проговорил глухо коп в потрёпанном плаще и большими мешками под глазами, которые свидетельствовали о сильной безответной любви к алкоголю. — Вы арестованы по подозрению в убийстве Джорджа Сандерса, Стивена Томаса, Эрика Миллера и Брюса Стюарта. Вы имеете право хранить молчание. Всё, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде. Вы имеете право на адвоката...

Отдаю копам должное, они не стали надевать на меня наручники в аудитории, перед моими студентами, а ждали на улице. Но ступор, в который я впал, не стал от этого меньше. Я впервые услышал имена жертв, они ничего не говорили мне.

Пока я ждал в отделении адвоката, Дональда Фримана, детективы, пытались надавить на меня, чтобы я согласился на чистосердечное признание. Обыч-

ная процедура, почти никогда не срабатывающая. Не вижу никакого смысла.

— Вы ошиблись, я никого не убивал, — я с комфортом устроился на стуле с поцарапанной металлической спинкой, словно в мягком кресле.

Волнение улеглось, лишь жалел, что не успею к ужину, который приготовила моя жена. Дженни замечательно готовит. Впрочем, если бы она умела жарить лишь примитивную яичницу с беконом, я всё равно стремился бы попасть домой, чтобы поужинать с ней в уютном семейном кругу. Старомодное чувство, которое сейчас уже отмерло.

Пошумев, копы вышли из комнаты допросов. Хотя прекрасно понимал, они наблюдают с другой стороны за мной в окно, которое выглядело для меня, как зеркало.

Офис окружного прокурора пытался выманить у меня полмиллиона залога, но Фриман, очаровательно улыбнувшись судье Элизабет Далтон, уменьшил эту сумму до ста тысяч, как умеют это делать высокооплачиваемые адвокаты. Безусловно, мог оставить чек и на полмиллиона. Человек я не бедный, издание моих трудов в области электротехники и электромагнитных полей Николы Теслы приносят мне неплохой доход.

Но должен же, чёрт возьми, мой адвокат продемонстрировать, что получает восемьсот баксов за час не зря, и с наименьшими потерями избавить от компании уголовников на острове Рикерс (*тюрьма предварительного заключения штата Нью-Йорк. — Прим. авт.*).

В кабинете помощника прокурора пахло старым деревом и пылью веков, скопившейся в фолиантах по судебным делам на полках высоких шкафов. Всегда поражался, как юристы умудряются на процессе вспомнить о подходящем случае из дела, решение по которому судья вынес лет сто назад.

За спиной Роя Макклина, худого немолодого мужчины с седым бобрим волос и широко расставленными маленькими глазами, со стены смотрел чуть покосившийся портрет Томаса Джефферсона, словно вопрошал с укором: «Как вы, уважаемый профессор одного из лучших университетов страны, докатились до такого?»

— Мистер Клейтон, мы предлагаем вам четыре срока последовательно по двадцать пять лет. За каждую жертву, — негромкий, но строгий голос Макклина зазвучал под сводами кабинета, отразившись от стен, обшитых красным деревом, как не подлежащий обжалованию приговор.

— Нет, мистер Макклин, мы выйдем на суд присяжных, — жизнерадостно ответил за меня Фриман.

— Фриман, вы забыли, в штате Нью-Йорке возобновлена смертная казнь, — мягко вступила в разговор помощница Макклина. — Вы хотите, чтобы ваш клиент закончил жизнь на электрическом стуле?

— Я уверен, что присяжные оправдают профессора Клейтона, — ответил адвокат. — Он не убивал этих людей. Убеждён.

Выпуклые, тёмные глаза на его квадратном лице заблестели таким непередаваемым азартом, словно речь шла о стопроцентном выигрыше пари на сто тысяч баксов, а не о моей жизни.

Макклин откинулся на спинку кресла и взглянул на него, как смотрят на человека, который находясь в смиренной рубашке, заявляет, что будет баллотироваться в президенты.

Мне тоже показалось, что Фриман свихнулся. Безумно захотелось дать ему в лоб и согласиться на предложение обвинителя. Пусть я буду в тюрьме, но хотя бы живой. Принцип действия электрического стула мне хорошо известен. Томас Алва Эдисон, внедривший это жуткое устройство, прекрасно понимал,

какая мучительная смерть ждёт человека, через которого пропускают ток. Поэтому он сделал всё, чтобы для «трона смерти» использовали не постоянный ток, свойства которого открыл он сам, а переменный, изобретение Николы Теслы, его конкурента.

— Ричард, мы выйдем на процесс? — Фриман излучал добродушие и спокойствие. — Вы не убивали этих людей, не так ли?

Пресса, как могла, привлекла внимание к моей персоне. Не люблю журналистов. Порой возникает непреодолимое желание врезать по физиономии любому представителю этой замечательной профессии. Они вытащили на свет божий обо мне всё, начиная с раннего детства. Раздели догола, заставив сплясать тарантеллу.

Зал заседаний как всегда подавлял обилием красного дерева: настенные панели, столы для обвинителя, защитника с обвиняемым, судей, трибуна для свидетелей, место для присяжных, скамейки для публики. Роскошные хрустальные люстры на бронзовом основании.

Макклин вызвал в качестве свидетеля привлекательную молодую женщину с печальными карими глазами, гладко зачёсанными волосами.

— Миссис Томас, вы узнаете этого человека? — махнул в мою сторону Макклин.

Бессмысленный вопрос, который бесит меня. Если я единственный обвиняемый на процессе, то кого ещё должна узнавать свидетельница?

— Да, — тихо ответила она, бросив в мою сторону быстрый испуганный взгляд. — Этот человек застрелил моего мужа.

— Вы уверены? — добавил Макклин. — При каких обстоятельствах это произошло?

— Мы выходили из супермаркета, когда этот человек подошёл к нам и выстрелил в Стива, в упор.

Голос вдовы предательски дрогнул, сорвался в конце, хотя она прилагала усилия, чтобы переживания не были так заметны. Жалость острым скальпелем резанула по сердцу. С неудовольствием представил, как Фриман вскочит с места, чтобы с бестактной безжалостностью напасть на свидетельницу с идиотскими вопросами по поводу её плохого зрения или недостаточной освещённости улицы, но он молчал, улыбаясь с загадочным железобетонным спокойствием.

— Господин защитник, у вас есть вопрос к свидетельнице? — спросила судья.

Фриман отрицательно покачал головой, даже не сдвинувшись с места.

Вторым свидетелем был мальчик лет десяти-двенадцати, одетый в деловой костюм, что делало его значительно старше. Он говорил медленно, подбирая слова, которые каплями расплавленного металла прожигали душу насквозь, так, что у меня не осталось ни малейших сомнений в том, что я застрелил его отца. Хотя этого мальчика я видел впервые.

И на этот раз мой дорогой, в смысле затраченных денег, адвокат, остался спокоен. Обнаружив, что я сильно нервничаю, он наклонился к моему уху и прошептал: «Ричард, не волнуйтесь, наше время не пришло. Всё в порядке».

Когда список свидетелей со стороны обвинения иссяк, уже не мог смотреть на Дженни, застывшую в позе мраморной статуи мадонны, оплакивающей Христа.

Фриман, наконец, соизволил оторвать задницу от стула и вызвал первого свидетеля.

— Мистер Томсон, вы узнаете этого человека?

— Конечно, это мой преподаватель, Ричард Клейтон, — если бы я был куском стали, то расплавился бы под его злобным взглядом.

— Расскажите, мистер Томсон, что происходило между вами и мистером Клейтоном 12 октября.

— Этот ... — он набрал воздуха, чтобы красочно охарактеризовать меня, но осёкся, явно пытаясь сказать нецензурное слово. — Вёл семинар и поставил мне за тест Б с минусом, хотя я ответил правильно...

— Интересно, интересно, а вы уверены, что это было именно в этот день?

— Конечно, я же оспаривал оценку официально.

Чистая правда, я снизил оценку за неаккуратность, чтобы проучить Говарда. Он решил, что я просто свожу счёты. Если бы не значительная разница в комплекции, он точно меня убил бы.

Фриман вызвал ещё несколько свидетелей. Я видел, как росло удивление в глазах Макклина, которое он безуспешно пытался скрыть. Наконец, не выдержала даже судья.

— Господин советник, — она деловито перелистывала список, который дал бы фору томику библии. — Вы хотите, чтобы суд выслушал всех свидетелей, которых вы указаны?

— Безусловно, ваша честь, — Фриман одарил судью такой очаровательной воздушной улыбкой, что могло растопить любое ледяное сердце. На мгновение возникло ощущение, что он пригласит её на танец, или предложит бокал шампанского, настолько легкомысленно звучал голос.

Макклин переглянулся с помощницей Дайаной, на лицах читалась единая растерянность.

— И что они нам расскажут? — поинтересовалась судья с нескрываемой иронией.

— Они расскажут, ваша честь, что профессор Клейтон приехал в университет в восемь утра и начал читать лекцию о темпоральных полях. В материалах дела есть текст. Затем он прочёл ещё одну лекцию, и ушёл на ланч. В двенадцать он обедал с колле-

гами в «Think Coffee» на улице Месер, дом двести сорок восемь, что подтвердит также официантка, которая обслуживала его, бармен, охранник. Они заявлены, как свидетели...

Верно, действительно там обедал. Часто так делаю. Люблю это место, зажатое между рестораном «Dojo» и отвратительным магазинчиком «Gristedes», чья выкрашенная тёмно-голубой краской кирпичная кладка начинается после отделанных под тёмное дерево мансардных окон кафе с коричневым тентом сверху. Внутри просто и уютно, в стиле индейского бара. Стойка до потолка из неокрашенного дерева с написанными на грифельной доске названиями блюд и ценами, витрина со свежей выпечкой, маленькие столики, состоящие лишь из тонкой деревянной доски на изящной металлической ножке. На стенах висят в квадратных рамках акварели. Умиротворяющий фимиам свежесваренного кофе.

Здесь я познакомился с Дженни, когда был аспирантом. Худенькая девушка в лёгкой белой кофточке сидела за столиком на тротуаре перед кафе, и ясное дневное солнце осыпало пылью тёмного золота морскую пену её пепельных волос. Она обернулась, ощутив мой взгляд, осветив лучистым светом глаз, словно сбрызнутых свежим соком листьев платанов, в тени которых сидела. Долго не мог подавить острый приступ застенчивости и познакомиться, пока она не подошла сама, чтобы с улыбкой спросить: «Вы знаете, что сидите под акварелью, которую нарисовала я?» Дженни училась в школе искусств при нью-йоркском университете, а я — в политехническом, где сейчас преподаю.

— Затем, у профессора начался научный совет, который закончился в восемь вечера, — продолжал Фриман. — И все свидетели, указанные в списке, это подтвердят. Также мы продемонстрируем записи

с камер наблюдения и видеорегистраторов. Полный поминутный отчёт. Профессор был двенадцать часов на глазах у толпы людей и никак не мог отлучиться хотя бы на минуту и совершить эти ужасные преступления. Но обвинение может подвергнуть каждого свидетеля перекрёстному допросу. Защита не возражает.

Фриман откровенно издевался.

— Что скажет обвинение? — обратилась судья Дальтон к Макклину. — Мы будем выслушивать всех? Или сэкономим деньги налогоплательщиков?

Кажется, даже флаги за спиной судьи содрогнулись от ужаса. Макклин лишь развёл руками. Его обвинение выглядело жалким на фоне блестяще проделанной работы адвоката. Закономерный финал расставил все по местам. Из заключительной речи Фримана я понял, что меня до сих пор не избрали президентом США, только потому, что мировая наука не может даже на четыре года отпустить из своих рядов гениального учёного, ибо это нанесёт человечеству непоправимый урон. Присяжные совещались недолго, часа два. Когда они появились в дверях, я почти не волновался, и взглянул на Дженни с мальчишеским задором.

— Подсудимый, встаньте, — приказала судья. — Старшина присяжных, вы вынесли вердикт? По первому пункту обвинения. Убийству первой степени, ваше решение?

— Мы нашли обвиняемого Ричарда Клейтона не виновным.

— По второму пункту обвинения...

Меня уже не волновал суд, вердикт присяжных, мой взгляд был прикован к Дженни, она слушала, открыв рот, черты лица смягчились, проступил румянец, на переносице разгладилась морщинка, радостью вспыхнули глаза.

— Ричард Клейтон, — голос судьи, отдавал неподобающим обстановке металлом. — В связи с оправдательным вердиктом присяжных, вы признаны невиновным и освобождены в зале суда. Дело закрыто.

Дженни разрыдалась так, словно меня собирались увести в зал казни. Я сжал её в объятиях, чтобы она погасила о моё спокойствие дрожь.

На долю секунды показалось, что тело Дженни истончилось до состояния листа бумаги, выскользнув из моих объятий. Я обнимал пустоту, ощущая раздирающую на куски тело и душу боль. Льющийся ослепительно белый свет из люстр померк, закружился вихрь, сметающий со столов бумаги. Оглушительная тишина, и как в замедленной съёмке несколько скачущих, обнимающихся фигур неподалёку от стола, где только что сидел я. Перед глазами промелькнул хоровод лиц, скалившихся гнусными ухмылками.

— Ричи, дорогой, что с тобой? — отчаянный крик Дженни вернул обратно в реальность.

Открыв глаза, я понял, что сижу на скамейке, рядом Фриман и бледная перепуганная Дженни.

* * *

— Существует бесконечное множество Вселенных, которые вращаются вокруг единой неподвижной оси, так называемого «нуля времени». Можно провести аналогию с каруселью из нескольких ярусов, на низанных на колонну. Никола Тесла ещё сто лет назад создал работающий макет взаимодействия Вселенных — генератор нулевого стандарта времени, который состоял из колёс,двигающихся по своим траекториям. Это устройство подключалось к вторичному нулевому стандарту времени — вращению Земли. Благодаря этому Тесла изучал электромагнитное поле Земли и переменный ток.

— Профессор, значит, одновременно может существовать несколько вариантов одного и того же события в разных реальностях? — спросила Маргарет Рид, очаровательная зеленоглазая шатенка, сидевшая на втором ряду.

После того, как вернулся к преподавательской деятельности в нью-йоркском университете, на удивление много девушек стали включать мой предмет в курс обучения. Что греха таить, приятно ловить на себе лукавые женские взгляды. Впрочем, надеюсь, что студенток интересует физика, а не симпатичный профессор, который выглядит моложе своих сокока два лет. Никогда не давал повода для ревности Дженни.

— Не совсем так, Маргарет, — ответил я. — Варианты одного и того же события в реальностях могут иметь лишь небольшие различия, или даже полностью совпадать, но протекать со сдвигом относительно земного времени. Прошлое, настоящее, и будущее Земли существует одновременно. Свидетель, оказавшись в варианте будущего или прошлого Земли, может добиться того, что альтернативный вариант сольётся с вариантом текущего мира. Эти выводы основаны на хронотехнологии, разработанной Николой Теслой. А именно, реальности находятся в пятимерном мироздании со смещением фаз. Пять измерений — трёхмерное пространственное плюс время и пятое, которое отражает пути развития событий, вероятность реализации которых в альтернативных реальностях, может быть различна. Реальным миром для нас будет тот, в котором вероятность возникновения события будет максимальна с минимумом потерь энергии. Об остальном можете прочесть в моей книге «Проект 'Звёздная пыль' — легенды и факты». Она только что вышла из печати. Там я описал подробно эту технологию.

Когда спустя неделю возвращался домой после окончания лекций в университете, и с неудовольствием заметил у моего электромобиля спорт-седана цвета мокрого асфальта Tesla Model S, подаренного мне после того, как проект «Звёздная пыль» был закрыт, долговязую фигуру Джеффри Сандерса, моего студента.

— Профессор, я прочёл вашу книгу! — воскликнул он с воодушевлением. — Она произвела на меня ошеломляющее впечатление. Вы не могли бы оставить автограф?

Джеффри, рыжий худощавый ирландец с вихрами и веснушками, ничем не выделялся среди остальных. Особого интереса к физике не демонстрировал, желание польстить профессору вызвало во мне лишь брезгливость. Уверенный в том, что парень даже не открывал мою книгу, всё-таки вытащил «паркер», оставив витиеватую подпись на форзаце. Подняв голову, с удивлением обнаружил, что выражение лица Джеффри кардинально изменилось, словно сам прародитель зла сбросил маску, явив истинный лик.

— Ваша книга, профессор, на самом деле оказалась очень познавательной. Думаю, стоит продолжить разговор о ней в другом месте, — протянул он зловеще, подкрепив «вежливое» предложение, больно ткнув в мою грудь стволом «беретты». — Ключи! — приказал он.

Из-за машины безмолвно явился ещё один персонаж, напоминавший Джеффри внешне, но иной комплекции: широкоплечая фигура, квадратная челюсть, искривлённая спинка носа и рельефные бицепсы выдавали в нём боксёра среднего веса. Нацепив на меня наручники и надев на голову тёмный матерчатый мешок, он кинул меня на заднее сиденье, зажав своей здоровенной тушей. Мягко и бесшумно автомобиль снялся с места, и лишь по ускоре-

нию, вжавшему в сиденье, я понял, на какой комической скорости мы несёмся по городу.

Вынужденное путешествие неожиданно оборвалось. Меня грубо выволокли из машины, провели по дорожке с расплзающимися под ногами камешками. Массивная дверь с лязгом врат средневекового замка захлопнулась, обдав порывом ветра. Когда с головы сорвали мешок, с содроганием увидел освещённый тусклой лампочкой подвал с голыми бетонными стенами в грязных потёках, электрический стул в центре. Но в то же мгновение понял, это лишь игра воображения. Действительность оказалась прозаичней.

Уютная гостиная в золотисто-бордовых тонах с обилием мягкой мебели: пара низких диванов у стен параллельно друг другу, кресла на тонком паласе песочного цвета. Огромный, до потолка камин, отделанный гранитом, с фотографиями в изящных рамках и часами в корпусе тёмного тускло отсвечивающего полированного дерева на полке. Старинные торшеры на бронзовом основании давали мягкий, приглушённый свет. Пейзажи в реалистичной манере в резных рамах на стенах.

Джефри безмолвно возник передо мной, сорвав липкую ленту с губ, отомкнул наручники и обыскал, забрав мобильник.

— Присаживайтесь, профессор Клейтон, надо серьёзно поговорить.

Немного надтреснутый, но вполне уверенный голос, в котором ощущалась скрытая сила, принадлежал представительному пожилому мужчине. Седые редкие волосы обрамляли высокий лоб интеллектуала, преобладающий над вытянутым лицом. Маленькие, узкие щели глаз под кустистыми бровями и длинный, крупный нос с горбинкой, придавали ему вид ястреба на пенсии.

Кроме него, насчитал ещё шесть человек, кроме Джефри и Лео, которые насильно привезли меня сюда. Некоторых узнал и догадался, что все люди имеют отношение к уголовному процессу надо мной, который состоялся десять лет назад.

Присев в кресло, я вытащил сигареты и закурил, выпустив струйку дыма в потолок, постарался взять себя в руки, успокоиться.

— Меня зовут Джордж Миллер, — произнёс пожилой мужчина. — Вы помните меня, профессор?

— Вы отец Эрика Миллера, были свидетелем на процессе. Что хотите от меня?

— Нам бы хотелось вернуться к убийствам, в которых вас обвиняли. В связи с вашей книгой «Проект 'Звёздная пыль' — легенды и факты», — объяснил он, взяв со столика объёмистый томик с моей физиономией на обложке.

— Вы притащили меня сюда, чтобы взять автограф? — саркастически заметил я. — Меня дома ждёт жена. Она будет волноваться. Какое отношение моя книга имеет к суду надо мной? Присяжные меня оправдали. Что изменилось за десять лет? Обещаю, если вы немедленно меня отпустите, не буду сообщать в полицию, что меня похитили и насильно привезли в наручниках неизвестно куда.

— Доктор Клейтон, вы умный человек, должны понимать, что в живых мы вас не оставим, — без тени враждебности, как о чём-то совершенно обыденном, объяснил Миллер.

— Даже так? Ну что ж, жажду услышать вашу версию, каким же образом я организовал эти преступления.

— Используя туннели времени-пространства между альтернативными реальностями, вы обеспечили себе алиби с помощью двойников и остались безнаказанным, убив четырёх человек — моего сына

Эрика, а также Джорджа Сандерса, Стивена Томаса и Брюса Стюарта.

— Если всё так хорошо поняли, почему не пошли к копам? — поинтересовался я.

— Вас уже судили один раз за это преступление и оправдали. Судить второй раз невозможно, — объяснил стоявший рядом Генри Стюарт с гадливым выражением лица.

— Наняли бы хитмэна, чтобы он меня пристрелил. Не думаю, что у вас не хватило бы денег, — хмыкнул я, демонстративно сбросив пепел сигареты на палас.

— Мы хотим выяснить, почему вы убили наших родных. По какому принципу выбирали, — объяснил Миллер. — И кого убили ещё. Возможно, вы были хитмэном «ястребов», на которых работали.

— Решили поиграть в Инквизицию? Чем будете пытаться? Калёным железом или электротокотом? Я бы предпочёл электроток, мне это, как физику, который специализируется на электромагнитных полях Николы Теслы, ближе.

— Не кривляйтесь, профессор, ведите себя как мужчина, — проворчал брезгливо Джеффри. — Вы знаете, что это такое? — спросил он, демонстрируя флакон с белым кристаллическим порошком.

— Да, знаю, хотя не химик, — добавил я, бросив взгляд на этикетку на латыни. — Тиопентал натрия или пентотал, «сыворотка правды». Дурацкая выдумка, растиражированная бредовыми фильмами и книгами. Думаете, введёте мне, и я выболтаю всю правду об убийствах? Просто усну. А если ошибётесь с дозировкой, усну навеки. Передозировка пентотала используется для казни через смертельную инъекцию.

— Смерть в результате передозировки пентотала — слишком лёгкое наказание за такое мерзкое

преступление, — с брезгливостью произнесла сидевшая на диване зятянутая в чёрное платье Элизабет Стюарт.

— Бетти, поверьте, не такое уж лёгкое, — я повесил пиджак на спинку кресла и направился к ней, аккуратно заворачивая рукав рубашки. — Паралич дыхания, остановка сердца, но человек может не потерять сознание и нестерпимо страдать, пока жив мозг. Не хотите сами ввести? Нужно вводить в вену. Вот сюда. Если ошибётесь в дозировке, мысль о том, что меня убила такая очаровательная женщина, скрасит мои последние минуты.

Она отшатнулась, широко распахнув нежно-оливковые кошачьи глаза с маленькими точками зрачков.

— Не паясничайте, Клейтон! — рядом со мной возник Джеффри, ударив по моей протянутой руке. — Вернитесь в кресло! Быстро! Я не шучу! Ирэн, введите ему пентотал. Восемь кубиков. Захари, помоги.

Рядом нарисовалась знакомая мускулистая фигура амбала, который привёз меня сюда. Схватив за грудки, он швырнул меня в кресло как беспомощного котёнка, огромной лапищей прижал грудь. Худенькая женщина с короткой стрижкой каштановых волос, в белом халате, ловко перетянув мою руку жгутом выше локтя, взяла шприц, наполненный прозрачной жидкостью.

«Дротик» иглы проткнул синюю жилку, поблескивающий хромом поршень начал опускаться. Медленно тускнеющее, словно гаснущий свет в театре перед началом представления, сознание отдалило, уменьшило мебель, фигуры людей до комично-игрушечных размеров. Как от крыльев огромной птицы накрыла мрачная тень. Распахнувшись под ногами глубокое нутро колодца, затащило внутрь. Меня невесомо закружило, словно оторванные у ба-

бочки крылья по мерцающей в сумраке пульсирующей спирали. Пролетев насквозь, я оказался на пологом берегу реки. Раскинув руки, лежал на спине, расплываясь в глупой улыбке. Дженни в лёгком белом платье наклонилась надо мной, и полуденное солнце тонким золотистым карандашом обрисовывало её силуэт, пушистое облачко пепельных волос.

— А ты помнишь, как ты сделал мне предложение? — лукаво спросила она, проводя травинкой по моему лицу.

— Конечно. Я купил кольцо с самым крупным бриллиантом, который нашёл в лучшем ювелирном магазине. У меня не хотели брать чек, не верили, что человек, который пришёл в таком поношенном костюме, может иметь десять тысяч на счету. Не знали, что я решил потратить весь гонорар от моей первой книги о Тесле на свадьбу. Кроме того, я приобрёл билеты на финал детройтских «Рейнджерс» и «Янкиз». Когда Джастин Томас добыл победное очко, сделав хоум-ран, над стадионом пролетел самолёт с растяжкой: «Дженни, я люблю тебя! Будь моей женой!»

Она так счастливо рассмеялась, запрокинув голову, как будто переживала это в первый раз.

Высокая фигура перекрыла мгновенно потускневший солнечный свет. С растущим беспокойством я приподнялся на локте, заметив рядом с нашим белым фордом гнусно скалящегося кудрявого парня с мерзкими усиками на смуглом круглом лице.

— Хорошая у тебя тачка, чувак, — прокаркал он. — Одолжи покататься.

— Бери, — быстро сказал я.

— Ты что, дорогой, — возразила Дженни удивлённо. — Мы же только что купили эту машину...

— Видишь, твоя тёлка возражает. Как же мы возьмём?

К первому парню присоединилось ещё трое, они пьяно скалились, похотливо осматривая стройные ножки Дженни.

— Я же сказал, бери машину, — повторил я, вставая.

— А ты позвонишь копам? — грозя мне пальцем, затрясся в пьяном смешке первый парень.

— Не буду. Возьмите тачку и катайтесь, сколько хотите.

— А может, ты нам и деваху свою одолжишь? Раз такой сговорчивый?

Проглотив комок в горле, я сжал кулаки. Они вразвалочку подошли к нам, встав полукругом.

— Ребята, это частная собственность, идите своей дорогой, — как можно более миролюбиво сказал я, но внутри неконтролируемо расплзался тошнотворно леденящий страх.

Они перестали ухмыляться. Самый крупный из них лобастый парень с короткой стрижкой тёмных волос выдвинулся ко мне, размахнулся, но я заблокировал его руку и нанёс мощный удар в нижнюю челюсть. Он отлетел в сторону, но удержался на ногах. В руках блеснуло длинное лезвие.

— Дженни, беги! — крикнул я.

Но она застыла на месте, как мраморная статуя. В голове помутилось, сердце проткнула резкая мучительная боль, кровь залила лицо. Ощущал склизкую от пота чужую руку, прижавшую мне горло. Слышал отчаянный голос Дженни, моливший о помощи. Штормовыми волнами бившуюся кровь в висках. И отключился.

— Чёрт! Ирэн, сделайте что-нибудь! — крик шёл из глубины, будто из-под толщи воды.

Сознание медленно возвращалось, кровавое марево рассеялось, я увидел склонившееся надо мной обеспокоенное лицо Ирэн.

— Он пришёл в себя, — сказала она. — Мистер Сандерс, я вас предупреждала, что это очень опасно, — добавила она строго.

Приподнявшись, понял, что лежу на диване, рубашка распахнута, на груди расплывается гематома, сильно болят рёбра.

Миллер ближе подвинул кресло, спросил с несвойственной обстановке участливостью:

— Как вы себя чувствуете?

— Замечательно. Ещё одна попытка и вы сможете с чистой совестью закопать мой труп в саду. У вашего дома есть сад? Или вы собирались сжечь тело в печи? У меня остановилось сердце?

— Да. Мы делали искусственное дыхание и массаж сердца, — хмуро объяснил Джеффри.

— ОК, господа, буду откровенен, — откинувшись на спинку дивана, массируя слева грудь, пытаюсь унять дёргающую боль, которая отдавалась под лопатку и в левую руку. — Признаюсь, почему убил ваших близких. Я выбрал их имена наугад из телефонного справочника. Я должен был продемонстрировать воякам, что кого угодно могу застрелить, оставшись безнаказанным.

— Кто такая Дженни? — спросил Миллер, будто не слышал моих слов. — Вы несколько раз произнесли её имя. Что с ней случилось? Она погибла?

Джеффри взял мою книгу, лежащую на журнальном столике, найдя нужную страницу, процитировал: «Когда я делал Дженни предложение, то купил кольцо с самым крупным бриллиантом, который нашёл в лучшем ювелирном магазине».

— Дженни — ваша жена, профессор? — спросил он, не услышав моего ответа, показывая фотографию из книги.

Миллер, скрестив пальцы перед собой, застыл с отрешённым выражением лица, словно отклю-

чился от действительности в поисках ускользающей от понимания мысли. Тяжело поднявшись, прошёлся по гостиной, бросив взгляд на рамочку с портретом на каминной полке.

— Припоминаю, — наконец, глухо проронил он. — Перед тем, как застрелить Эрика, тот человек произнёс: «Это тебе за Дженни, подонок!» Значит, мой сын участвовал в нападении на вас и вашу жену?

— Да, я тоже помню, как он сказал это перед тем, как застрелить Стива, — проговорила миссис Томас задрожавшим в конце голосом. — Кроме того, я помню, у него на лице были шрамы, очень глубокие.

— Убийца сильно хромал, — добавила Элизабет. — Когда он застрелил Брюса, ушёл, тяжело опираясь на трость. И был совершенно седой.

— Это не имеет никакого значения, — возразил я. — Шрамы легко убрать пластической операцией. Ну, хромота, повредил ногу. С кем не бывает.

— Ваша история, профессор, не выдерживает никакой критики, — с иронией произнёс сидевший у окна Генри, в задумчивости вращая круглую стеклянную пепельницу на полированном столике. — Если бы вы действительно выбрали имена жертв из справочника, то вероятность того, что они были знакомы, если не стремилась бы к нулю, то к очень малой величине. Почему бы вам не рассказать, что произошло на самом деле?

— Потому что, Генри, вы мне не поверите, — я достал новую сигарету из сильно поредевшей пачки и присел в высокое кресло у камина. — Это событие исчезло, стёрлось из текущей реальности. Да, верно, десять лет назад, на нас с Дженни было совершенно нападение. Она погибла. Её изнасиловали и задушили. На моих глазах. А я получил двадцать три удара ножом, но, к сожалению, выжил.

Повисла пауза. Оглядел гостиную, стараясь оценить, какое впечатление произвели мои слова. Гамма чувств на лицах, от недоверия до ужаса. Хотя, в текущем мире все воспоминания об этом нападении исчезли, мне невыносимо представлять, что оно повторяется и повторяется в альтернативных мирах.

— Это странно. Нападавших должны были арестовать, судить и приговорить, по крайней мере, к пожизненному заключению, — на удивление жёстко проговорил Миллер, нахмурившись. — Но когда вы их застрелили, они все были на свободе. Как это понимать?

— Совершенно верно. Когда я вышел из комы, то опознал всех. Их арестовали, но защита доказала, что нельзя доверять показаниям человека, который находится в состоянии стресса от потери жены. Я был единственным свидетелем. Присяжные долго совещались, но вынести вердикт не смогли, — пояснил я. — После суда я выследил всех убийц и застрелил.

— Понятно, потом вас арестовали за убийства, судили, но оправдали. Это мы помним хорошо, — резюмировал Генри.

— Нет, — я отрицательно покачал головой. — В том мире события развивались иначе. Меня быстро арестовали, а я не скрывал, что хотел отомстить. Осудили и приговорили к смертной казни.

Меня поразила их реакция. Кажется, они должны были испытать удовлетворение и радость, что убийца их близких получил по заслугам, но на лицах царил только замешательство и растерянность.

— Профессор, вы ничего не путаете? — первым нашёлся Генри. — У вас были смягчающие обстоятельства. Вас не могли приговорить к высшей мере наказания. Это исключено. Я понимаю, вы хотите драматизировать события...

— Я ничего не драматизирую. Просто излагаю факты. Суд запретил упоминать подробности предыдущего дела. Меня приговорили к смертной казни через инъекцию пентотала.

Миллер сидел в кресле, придавленный мыслями, безвольно опустил голову и руки. Затем тяжело встал, прошёлся по гостиной. Остановившись около камина, решительным движением вытащил фотографию из рамки. Разорвав на мелкие клочки, бросил в огонь, жадно пожравший останки.

— Я ни черта не понимаю! — воскликнул в ожесточении Захари. — Клейтон, почему вы помните обо всём этом, а мы ничего? И почему в таком случае живы? Если вас казнили? По-моему, вы все врётё!

— Знал, что вы мне не поверите, — бросил я, откинувшись на спинку кресла, устало вытянув ноги.

— Захари, помолчите! — недовольно прикрикнул на него Миллер. — Профессор, расскажите до конца. Как произошло, что это событие испарилось из нашей памяти. Почему ваша жена осталась жива, а вы мало похожи на того человека, который убил наших... — он осёкся, не зная, как подобрать слова.

— Дело в том, что меня казнили в другой, альтернативной реальности. А в нашем мире после суда я никого не убивал. Лишь пребывал в глубокой депрессии. И когда получил предложение от военных возглавить проект «Звёздная пыль», то с радостью согласился поменять обстановку.

— И когда вы создали машину времени, у вас созрел план вернуться в прошлое и всё изменить, — предположила Элизабет.

— Нет, Бетти. Я не создавал машину времени и не возвращался в прошлое. Мы занимались разработкой электромагнитного экрана, который бы обеспечивал невидимость боевой техники в радиолокационном спектре. Туннели в альтернативные реаль-

ности мы открыли совершенно случайно. Наблюдая за событиями в параллельных мирах, я обнаружил, что в одном из них застрелил убийц и насильников моей жены. Поэтому я совместил это событие с текущей реальностью благодаря туннелям пространства-времени. До нападения.

Хорошо помню тот день, когда осознал, что мы можем управлять созданием или уничтожением альтернативных миров с точки зрения наблюдателя текущего мира. Созданные нами туннели пространства-времени подтвердили теорию Николы Теслы о параллельных Вселенных. Разные варианты событий могут совпадать в одной реальности, из-за чего параллельные миры исчезают. Моя наука, которой я посвятил всю жизнь, смогла воскресить самое дорогое, что у меня есть не только в этой реальности, но во всех альтернативных мирах. Мою Дженни.

— Но почему вы просто не вернулись в прошлое и не предупредили себя о нападении? Тогда никто бы не пострадал! — в отчаянье вскрикнул Джеффри.

— Джеффри, нельзя вернуться в прошлое и что-то там наворотить, — я тяжело вздохнул. — Можно лишь использовать то событие, которое уже случилось в одном из альтернативных миров. Это я и сделал.

— Постойте, профессор, — в глазах Генри вспыхнул такой отчаянный блеск, словно в голову пришла гениальная идея, достойная Нобелевской премии. — Вы могли предотвратить убийство Кеннеди! Просто переставить события, чтобы Джек Руби убил Ли Харви Освальда раньше поездки президента в Даллас. Наверняка в альтернативных мирах это событие повторилось? Не так ли? Почему вы этого не сделали? Это же так просто!

— Если коротко, Освальд не убивал Кеннеди, — я скрыл усмешку, вспомнив, сколько времени мы

потратили на это дело. — То, о чём вы говорите, мы проделывали в рамках проекта несколько раз. Какое бы событие из альтернативной Вселенной мы не брали, кто-то убивал Кеннеди. Мы не смогли выяснить точно, кто на самом деле организовал покушение. С историческими личностями, как оказалось, это не работает. Увы.

— В таком случае, профессор, вы застрелили невинных людей, которые ещё ничего не совершили, — мрачно проговорил Джеффри.

— Да, именно так. Вот поэтому у меня есть к вам предложение, господа. Решите все вместе, должен я ответить за это преступление или нет. Вынесите вердикт, как присяжные. Если признаете виновным, напишу предсмертную записку и покончу с собой. Тем способом, каким вы скажите. Введу себе пентотал или разобьюсь на машине. Если нет, то мы навсегда забудем об этом.

— В ваше самоубийство никто не поверит, — с удивившей меня горячностью запротестовала Элизабет. — Учёный с мировым именем, счастливый муж и отец и вдруг покончил с собой? Будет серьёзное расследование.

— Поверят. У меня биполярное расстройство, неконтролируемые вспышки гнева, резкая смена настроения, депрессия. Возьмите любую статью обо мне из жёлтой прессы и убедитесь. И острая сердечная недостаточность, — объяснил я. — Так что проблем с этим не будет.

Путешествия во времени не проходит бесследно. Чтобы собрать из «кирпичиков» альтернативных Вселенных единственно верный, гармоничный мир и вернуть Дженни к жизни мне пришлось сделать немыслимое количество расчётов, почти триста раз побывать в туннелях. Наблюдая за событиями в параллельных мирах, я мог на-

всегда исчезнуть из текущей реальности. И только сильное желание вернуться в свой мир, сохранив частичку Дженни, мешало мне остаться в альтернативной реальности. Но расшатанное здоровье и нестабильная психика стали расплатой за это.

— Доктор Клейтон, нам не хотелось, чтобы вы умирали... — робко начала миссис Томас.

— Вы хотите, чтобы я вернул ваших близких? — спросил я, мне показалось или это было действительно так, она вовсе не имела это в виду. — Это невозможно. Проект «Звёздная пыль» полностью ликвидирован. Поэтому его рассекретили, и я смог написать книгу.

— Почему?! Уникальнейший проект! — не выдержал Миллер, кажется, в голосе слышалось больше сожаления о потере научных достижений, чем о невозможности вернуть сына к жизни. — Ваши исследования помогли бы изменить мир!

— «Ястребы» посчитали иначе. Они решили, если это оружие попадёт в руки врага, им не сдобровать. Давайте так. Поскольку вас меньше, чем нужно для состава присяжных, мы не будем следовать букве официального правосудия. Если хотя бы один из вас решит, что я виновен, я покончу с собой.

— Вы уверены, доктор Клейтон? Действительно этого хотите? — кажется, в голосе Миллера ощущалась нескрываемая растерянность. — Мы могли бы... — он осёкся, оглядев присутствующих. — Хорошо.

Открыв альтернативные миры, я стал легче относиться к смерти.

Теперь я знал, что Земля движется в пространстве и времени по множеству траекторий, реализуя все варианты своего бытия. Прошое, настоящее, и будущее существуют одновременно.

И люди, что ушли из нашей Вселенной, продолжают жить в параллельных мирах.

Но почему тогда я вернул Дженни в текущий мир? Как ни банально это звучит, не смог отказаться от соблазна воспользоваться открытой мной технологией и воскресить её, потому что жизнь без неё не имела для меня никакого смысла.

Каюсь, соврал Генри, меня не приговаривали к смертной казни за то, что я застрелил четверых мерзавцев. Сам попросил прокурора заменить пожизненное заключение смертной казнью.

Скептик и прагматик, никогда не верил в ад или рай, Бога, как неопределённого пола старца, сидящего на облаке, карающего или дарующего прощение. Бог — мораль внутри нас, которой мы подчиняемся, храм, который строим денно и нощно. Если в собственном душевном храме наплёвано и загажено, какие бы великолепные церкви мы не строили в реале, всё равно не сможем жить в гармонии с собой. Кару за свои преступления я принимаю от собственной совести, а не от Бога.

— Доктор Клейтон, профессор, — голос Джеффри вывел из задумчивости. — Мы приняли решение. Позвоните жене, — добавил он, отдавая мобильник.

Свежий ночной воздух наполнил лёгкие, когда вышел из особняка. По чёрному бархату неба рассыпалась мерцающая алмазная пыль. Набрал номер.

— Ты негодай, Ричи! — услышал я голос Дженни, по вибрации её взволнованного сердца я ощущал, что она совсем не сердилась. — Где ты был?

— Я задержался по делам, милая. И хотел тебе сказать... — запнулся, пытаюсь подобрать слова.

— Что именно?

— Безумно соскучился по тебе. ❏

Покорить Миларгон

Татьяна Стрельченко

Родилась на востоке Украины, по образованию — преподаватель английского, испанского языков и зарубежной литературы. В 19 лет стала финалисткой Евразийской программы обмена студентов и 10 месяцев изучала педагогику, ораторское искусство и средневековую литературу в университете города Омаха, штат Небраска (США). В настоящий момент живёт и работает в Киеве в Совете международных научных исследований и обменов. Литературой увлекается с детства. Пишет стихи и прозу (преимущественно короткие рассказы), были публикации в литературных печатных изданиях России, Украины, Германии, Австрии, США. В 2011 году в Издательском Доме Николаевых вышла первая книга-сказка «Розовое стёклышко», а в 2012-м — сборник стихотворений «Замок за холмом».

Шёл третий месяц осады.

Эйдонцы наступали. Миларгон держал оборону. Его разноцветные мосты мерцали в туманной дали, манили, влекли, звали к себе, будто издавались над захватчиками.

Казалось, весна, пропахшая гарью, кровью, потом и смолой, никогда не закончится. И вечной будет осада. Но всему приходит конец.

В последний день весны к лагерю эйдонцев прибилась чужеземная сказительница родом не из Миларгона, нет — из каких-то иных, заморских краёв. Кто видел её со спины, мог и очароваться: тонкий стан, узкие плечи, тяжелые чёрные косы, стянутые пёстрой тесьмой, такие длинные, что было удивительно, почему она сама о них не спотыкается. Однако заглянувшего чужеземке в лицо ждало неминуемое разочарование. Глаза навывкате, плоский нос, рот размером с миларгонскую ратушу: такую красотку даже по пьяни никто из воинов насиловать не стал бы — побрезговал. Звали замухрышку Баваль и было ей пятнадцать лет отроду. На все вопросы она отвечала, что отец её — знаменитый бард Красных земель, а мать — верховная магесса Вольного Города Ройнэ. Никто, конечно, бродяжке не верил. И полевому суслику было понятно, что папаша её какой-нибудь пучеглазый, как окунь, моряк, а мать — большеротая портовая шлюха. Эйдар хотел, было, прогнать девчонку взашей, но у неё оказался редкий дар — Баваль умела чудесно рассказывать истории, грустные и весёлые, хорошо известные и совершенно новые, которые выдумывала тут же, на ходу.

По вечерам эйдонцы разводили костры: сухие ветки море-цвета горели чудо как хорошо, придавая пламени необычайный изумрудный оттенок.

Воины смотрели на зелёный огонь и, как заворожённые, слушали глубокий и чарующий голос заморской сказительницы. Даже захворавшие после первого штурма, потерявшие всякий интерес к жизни, даже они приходили послушать Баваль.

— Нет на земле города прекрасней, чем Миларгон, — рассказывала девчонка, — всему миру известны его великолепные мосты, невесомые, точно вырезанные из цветного льда. Они изгибаются высокими радужными подковами, а под ними плещется чистейшая вода великой Майны.

По-эйдонски Баваль говорила прекрасно, словно родилась в их краях, но в его стране, Эйдар знал, не могли родиться девы с такими плоскими носами и кожей цвета корицы.

— По ночам мосты подсвечиваются изнутри, и тогда река под ними кажется многоцветной, будто в ней растворилась радуга. Немало в Миларгоне и других чудес. Больше всего жители гордятся Собором, величественным и надменным, с алтарём, усыпанным драгоценными камнями. Еженедельно приходят они в Собор с охупками золотых тюльпанов, чтобы воздать почести великой богине Миларге, покровительнице города.

Эйдар и сам любил сказки чужеземки Баваль. Словно простой воин, он накидывал на плечи походный плащ, садился вместе с остальными возле зелёного костра, слушал замухрышку и вспоминал.

Много лет назад отец привёз его в Миларгон на турнир чудодеев. Маленький Эйдар впервые увидел все чудеса древнего города, всю его невысказанную красоту: дома из голубого кирпича, шарообразные кусты море-цвета, девушек с серебристыми волосами, собор и ратушу с острым шпилем, пронзающим тонкую материю небес. Боль-

ше остального Эйдара поразила способность местных жителей добывать драгоценные камни прямо из воздуха, по мановению руки.

«Все миларгонцы — немножко волшебники, — пояснил ему отец, — именно потому никто не сумел их покорить!»

Тогда мальчик поклялся, что обязательно вернётся сюда, и не один, а с армией сильных воинов. Не затем, чтобы разрушить прекрасный город, но чтобы подчинить, завоевать, присвоить его себе.

Эйдар Неуязвимый никогда не бросал слова на ветер: спустя шестнадцать лет он вернулся, и с ним пришла его армия: девятнадцать тысяч солдат, все как один победители, успевшие отличиться во многих схватках и взять штурмом далекие неприступные города.

Он вернулся покорить Миларгон.

* * *

На краю Солнечной рощи, поросшей желтыми, похожими на огромные свечки, деревьями, Эйдара ждали двое, оба — миларгонцы. Один из них остался стоять в стороне, укрытый густой тенью желтосвечек. Лицо его было обращено на восток, там из голубого тумана выныривали радужные мосты Миларгона.

Второй, невысокий и худощавый, устремился Эйдару навстречу. Неуязвимый сделал знак воинам-охранителям стоять на месте, чуть поодаль. Сам же с интересом рассматривал приближающегося к нему незнакомца. Стремительная походка свидетельствовала о крайнем нетерпении. Синий плащ, расшитый загадочными серебряными символами, мог носить только чудодей. На мир незнакомец смотрел пронзительно-черными гла-

зами, и было ясно, что в жилах его, помимо миларгонской, течет примесь каких-то иных кровей.

— Славься, Неуязвимый! — подошедший приветствовал Эйдара, согласно древней эйдонской традиции приложив ладонь к сердцу. — Перед тобой Юстиан, младший маг Миларгонского Совета.

— Что же, младший маг, говори, с чем пожаловал.

Разумеется, Юстиан был чудесно осведомлен обо всех неудачах эйдонской армии.

...Большой Совет Миларгона отказался сдавать эйдонцам ключи от городских ворот. Воины Эйдара Неуязвимого дважды попытались взять штурмом неприступные крепостные стены, по приставным лестницам взбирались они наверх, и дважды гарнизон миларгонцев побеждал, окатив захватчиков ледяной водой...

— Не просто водой, — добавил Юстиан, — то был отвар равнодушия, заговорённый на тринадцати лунах тринадцатую магами. После штурма с твоими воинами приключилась беда, не так ли, Неуязвимый? Им больше ничего не любо: ни сытная похлёбка, ни хмельное питьё, ни шустрые девицы, ни земля под ногами, ни солнце над головой... Они ослабели, нет, не телом — душой.

Эйдар вспомнил пустые и безразличные лица вернувшихся после штурма солдат. Не лица даже, а какие-то бумажные маски с прорезями для глаз! Воинов и впрямь мало что интересовало: только пламя зелёных костров и сказки дурнушки Баваль. Больше ничего.

— Им уже не помочь, Неуязвимый, — продолжал черноглазый маг. — Если ты и дальше будешь осаждать Миларгон, всё войско заболеет безразличием к жизни. А что может быть страшнее?

— Зачем ты всё это говоришь мне, младший маг? Угрожаешь?

Миларговец улыбнулся, словно с самого начала ждал этого вопроса.

— Вовсе нет, великий полководец Эйдар. Напротив, я хочу помочь. Доверься мне, и через два дня Большой Совет добровольно принесет тебе семь золотых ключей от городских ворот. Советники присягнут на верность Эйдонии, а чтобы скрепить союз, бургомистр Вриенний отдаст тебе в жены свою дочь Вивиану, первую красавицу города.

Эйдар ответил не сразу. Предложение мага было не просто заманчивым — оно наполняло сердце сладким предчувствием счастья. Ради одной только девицы стоило затевать войну — все знали о её редчайшей красоте, миндалевидных глазах и серебристых волосах до лодыжек. О её грации и талантах ходили легенды, и даже жители его родной Эйдонии, желая подчеркнуть прелесть какой-нибудь девушки, любили говаривать: «Прекрасна, как Вивиана»...

Но если маг поможет ему, Эйдар получит гораздо больше: он получит Собор, ратушу и воздушные переливающиеся мосты. В его власти будет Миларгон, самый удивительный город на земле, чьи жители способны добывать драгоценные камушки прямо из воздуха, по мановению руки.

— Что ты хочешь взамен, Юстиан? — спросил он осторожно.

— Амулет верховного мага, — был ответ.

— Почему я должен тебе верить? Возможно, ты — всего лишь лазутчик Большого Совета... Чем докажешь верность?

Юстиан повернулся к желтосвечке, под которой стоял второй миларговец, крикнул что-то — Эй-

дар не понял ни слова. Человек, всё это время смотревший на радужные мосты Миларгона, обернулся. Невысокий и худощавый, он взирал на мир пронзительно-черными глазами.

Маг заметил удивление Эйдара.

— Мой брат-близнец Селестиан. Он будет в твоей власти, пока я не выполню всё обещанное. Подойди к нам, брат!

Прихрамывая на левую ногу, Селестиан медленно приблизился к ним. На лице его блуждала странная отсутствующая полуулыбка.

— Если думаешь, что я не дорожу им, вот тебе доказательство...

Неведомо как в руке Юстиана оказался тонкий кинжал с опаловой рукояткой.

Взмах! На правой ладони мага появилась тонкая кровавая полоска. В тот же миг Селестиан издал тихий возглас — на его левой ладони сама собой возникла кровоточащая рана, один в один как у брата.

— Мы связаны кровью, — объяснил младший маг. — Умрёт он — умру я. Какие еще залогов верности тебе нужны, Неузавимый?

— Этого вполне достаточно, — удовлетворенно кивнул Эйдар. — Но ответь-ка мне на один вопрос. Зачем тебе всё это? Почему предаешь свой город?

— У меня с Миларгоном свои счета, — ответил маг.

* * *

План Юстиана пришелся Эйдару по душе.

— Водопровод, — сказал младший маг, — я перекрою его, и город сдастся без боя.

Магия — магией, но от помощи Юстиан не отказался — попросил полсотни воинов себе на под-

могу, взамен оставил в лагере эйдонцев брата. Селестиан волшебным премудростям обучен не был, да и мозгов в его голове, судя по всему, сроду не водилось. Видом своим он мало чем отличался от захворавших солдат. Разве что на лице его вместо маски равнодушия было явно начертано слабоумие. Сказки Баваль действовали на миларгонца успокаивающе: он слушал их и кивал, то ли соглашался с услышанным, то ли поддакивал собственным мыслям.

— Есть у здешних жителей одна особенность, древний дар богини Миларги, — рассказывала Баваль. — Их сложно чем-то удивить и еще сложнее восхитить, но если вам удастся, к вашим ногам падают драгоценные камни, сотворенные из воздуха...

Эйдар знал, о чем она говорила. Тогда, шестнадцать лет назад, он стал свидетелем необычайного зрелища: старик-чужеземец с заплетенной в косичку белоснежной бородой вез огромную телегу, груженную серебряными клетками. Миларгонцы, и взрослые, и дети, завидев его, останавливались, раскрыв от удивления рты. В клетках жили птицы, заморские, редкие, чудесные.

— Птицы на продажу! — кричал старик с заметным акцентом Вольного Города Ройнэ. — Птицы из разных уголков мира! Огонь-птица озарит ваши залы лучше сотни свечей, феникс возродит любовь, гагана даст к завтраку самое вкусное на свете птичье молоко, гамаюн наполнит дом счастьем, а карликовый грифон охранит покои лучше сторожевого пса...

Миларгонцы смотрели на серебряные клетки, за решетками которых томилась пугающие гарпии и гаруды; василиски с завязанными глазами; синекрылки, приносящие удачу в азартных играх,

мартлеты, помогающие студиозусам в овладении тайных знаний...

Смотрели и восхищались.

— Посмотри на эту!

— А вон та!

— Ах, какая!

Сложив ладони лодочкой, дети зачерпывали воздух, а щедрая богиня Миларга превращала его в драгоценности. Восхищенные миларгонцы швыряли камушки под ноги белобородому старику. Тот кивал им без тени благодарности, останавливался, собирал попавшие под колеса жемчуг и бериллы, и продолжал свой путь. Птиц он продавал исключительно за золото. Эйдар хорошо запомнил это, потому что отец купил ему тогда ручного финиста. За сорок злотых купил, считай, по дешевке, и не ошибся. Финист, сокол боевой удачи, принёс Эйдару множество побед в битвах и славу Неуязвимого полководца. Прошлой зимой арбалетчик из Северных угодий подстрелил сокола, заодно убив и боевую удачу Эйдара. Стрелка поймали и вздернули на сосне, но дело своё он сделал. Вместе с гибелью птицы Эйдар потерял неуязвимость в бою и теперь повсюду ходил с талисманом из соколиных перьев и двумя воинами-охранителями. Он не был трусом — просто отвык от настоящей опасности.

Баваль, которая умела не только сказки сказывать, но еще и толковать мудрёные знаки судьбы, долго смотрела на ладонь Эйдара, шептала что-то, затем бросила перо финиста в огонь. Зелёное пламя зашипело раненой змейей.

— Боги не хотят, чтобы ты шёл на Миларгон, Неуязвимый! Они убили твоего сокола, предупреждая от необдуманного шага. Еще не родился на свете человек, способный покорить Город Радужных Мостов.

Эйдар мог бы свернуть шею прорицательнице, сулящей беду, но не стал этого делать. Он знал, близок тот день, когда Большой Совет отдаст ему ключи от городских ворот, и армия эйдонцев торжественно и победоносно войдет в Миларгон. Впереди конницы будет ехать он — Неуязвимый полководец в лёгком шёлковом плаще, что своей белизной мог бы соперничать с заснеженными хребтами Северных угодий. Эйдонцев встретят музыкой, улыбками и рукоплесканиями. В честь праздника девушки вплетут в серебристые косы летние цветы, а дети, пораженные величием эйдонского войска, станут бросать под ноги лошадям драгоценные камушки.

Баваль должна дожить до этого дня и увидеть триумф Эйдара Неуязвимого собственными глазами.

В конце концов, она поймёт, что в подлунном мире лгут и обманывают все — даже боги.

* * *

В день, когда Большой Совет сдал Эйдару семь золотых ключей, солнце сияло ярче обычного, а восточный ветер принес ароматы специй и душистых цветов. Запахи Пряного Пути, запах родной Эйдонии.

— Добрый знак, — сказал кто-то из советников, но лицо его при этом ничего не выражало.

Армия эйдонцев триумфально вошла в Город Радужных Мостов, впереди — Неуязвимый, укрытый белоснежным плащом, следом его славные воины, здоровые и захворавшие, так много слышавшие о Миларгоне от сказительницы Баваль.

Их никто не встречал — ни девушки с серебристыми волосами, ни старики с охалками цветов, ни дети. Только солнце плавало в водах вели-

кой Майны да восточный ветер разносил по светлым улицам ароматы степных трав. Радужные мосты как-то враз потускнели, перестали светиться изнутри. Миларгон притих, опустел, он казался Эйдару каким-то ненастоящим, еще более недостижимым, чем тогда, в детстве. Не город, а закрытая колдовская шкатулка: смотришь сквозь замочную скважину и видишь всё волшебство подлунного мира, самые волнующие тайны и невероятные секреты. А ключик-то потерялся, шкатулку не открыть... Остаётся только смотреть в замочный проём и тосковать...

Тосковать? Ну, уж нет! Это был его день, его час, его победа!

Эйдар подозвал к себе бургомистра Вриенния:

— Пусть миларгонцы выйдут поклониться своему правителю, иначе я прикажу воинам грабить, насиловать, жечь и убивать!

Бургомистр безразлично кивнул. Кажется, судьба Миларгона его больше не волновала.

Они вышли — взрослые и дети, на лицах — ни тени страха. Эйдар заглядывал им в глаза, искал в толпе хотя бы одного миларгонца, бледного от испуга или покрасневшего от сдерживаемой ярости. Не нашёл. Его встречали живые мертвецы, лишённые чувств и эмоций.

Город захворавших — вот каким был его трофей.

* * *

— Что ты наделал???

До сих пор Эйдар заслуживал имени Невозмутимый не менее, чем прозвища Неуязвимый. Нынче полководец сорвался на крик.

— Я отдал тебе Миларгон, — отвечал Юстиан, поглаживая амулет верховного мага — урод-

ливый камень непонятного мутного цвета. — Разве не таким был наш уговор? Теперь ты полновластный хозяин города. Уже второй день твои воины пьют, едят и веселятся. Те, которые еще способны наслаждаться жизнью, конечно. Своим первым указом ты снес хрустальный памятник великому правителю Лексеннию. Красавица Вивиана греет твою постель. Ты получил всё, о чём мечтал, Неуязвимый?

— Почему потускнели радужные мосты? Почему захворали горожане? Впрочем, не отвечай. И так всё понятно. Ты не перекрывал водопровод — вместо того отравил целый город заговоренным отваром равнодушия. Зачем?

— Они заслужили это — высокомерные, надутые миларгонцы.

Юстиан повернулся, чтобы уйти.

— Стой! Верни им способность удивляться или я убью твоего брата, клянусь всеми богами!

— Интересно, что тебя больше заботит? Захворавшие люди или драгоценные камушки? Боишься, что город разорится? Или нет, просто в твоих мечтах всё было гораздо праздничней, не так ли, Неуязвимый? Пора запомнить: мечты лгут, они созданы, чтоб терзать наши сердца... Мне не жаль этот город и его жителей. Им всё давалось слишком легко, они считали себя избранными, выше остальных — эйдонцев ли, красноземельных ли... Пришло время справедливости. И я рад, что дождался до этого дня. Можешь убить меня, я не боюсь смерти.

* * *

Вивиана сидела лицом к окну: серебристые волосы струились по плечам, точно водопады Эйдонских гор.

Неуязвимый думал, что возьмёт в жёны самую прекрасную женщину на свете, но оказалось, что в её чудесных миндалевидных глазах — пустота, будто смотришь вниз Смарагдового ущелья. Эйдар не хотел заглядывать в бездну, он бы с радостью отказался от захворавшей супруги, но дорога назад была дорогой бесчестья.

— Почему ты не убил Юстиана? — спросила Вивиана, не оборачиваясь к мужу.

«Интересно, на что она смотрит? — спросил сам себя Эйдар. — На шпиль ратуши, на цветочный рынок? Или на померкшие мосты Миларгона?»

— Он пригодится мне живым, — сказал вслух. — Юстиан найдет способ излечить захворавших, иначе я убью его брата-близнеца.

Вивиана обернулась. Её зелёные, словно морецвет, глаза смотрели на Эйдара спокойно и безучастно.

— Юстиан покинул город, я видела из окна. Он уже далеко. И еще. Нет у него брата-близнеца, как нет отца и матери. Все знают историю младшего мага. Ещё ребёнком он приехал в Миларгон вместе с купцами Пряного Пути, да так здесь и остался. Какой-то чудодей заметил в мальчишке способности, взял себе в ученики. Никто не знал, кто его родители, но было доподлинно известно, что в венах его, помимо прочих, текла миларгонская кровь. Это позволило ему дослужиться до ранга младшего мага Городского Совета.

— Он умеет превращать своё восхищение в драгоценные камни? — невпопад спросил Эйдар.

— Нет. На такое способны лишь чистокровные. На зимнем турнире чудодей Юстиан показал себя сильнее остальных, но амулет верховного мага достался другому. Большой Совет не мог отдать лавры победителя полукровке, это против правил...

— Потому младший маг возненавидел вас всех, — кивнул Эйдар, — потому-то решил отомстить. В одном ты ошибаешься, Вивиана. У Юстиана есть брат-близнец. Селестиан — моя последняя ставка.

* * *

В маленькой комнате с зарешеченными окнами, тесной, пыльной, похожей на темницу, томился человек.

— Селестиан, — негромко позвал Эйдар.

Человек обернулся. Медленно прихрамывая на левую ногу, поплёлся к зовущему его. Остановился в пятне солнечного света, будто это был магический круг, защищающий его от тёмных сил.

На Юстиана человек не был похож ни капли, но Неуязвимый мог поклясться, что видел прежде эту странную отсутствующую полуулыбку.

— Кто ты такой? — в бешенстве Эйдар схватил парня за плечи, хорошенько встряхнул его, словно хотел вытрясти из него всю блаженную безмятежность.

— Я — Селест, сын портного, — не переставая улыбаться, сообщил парень.

— Почему ты назвался братом-близнецом Юстиана?! Отвечай, мерзавец!

— Я не назывался. Это младший маг так сказал. Щедрый маг. Он подарил моему отцу какие-то волшебные обереги, а надо мной три дня читал заклинание. Затем велел выпить крепкой настойки и молчать. Я и молчал.

— Близнецы... Связаны кровью, — сквозь зубы процедил Эйдар. — Трюк! Фокус! Стоило догадаться!

Полный яростной решимости, сам не зная, зачем, он вынул меч из ножен и вонзил лжеблизнецу в живот.

Даже после смерти Селестиан улыбался.

* * *

Будто пьяный, Эйдар вышел на улицу — без воинов-охранителей, без защитных талисманов.

По городу сновали толстые торговки и студиозусы в синих мантиях, девушки в расшитых жемчугом платьях и юноши с бледными лицами. Им не было никакого дела до солнца, птиц, летних сквюзняков. Они не замечали друг друга.

В отличие от них, Город не болел безразличием. Почти физически Эйдар ощущал на себе его презрение: Миларгон никогда не простит ему потускневших мостов и равнодушных лиц. Никогда.

Цветочный рынок, Перистый бульвар, Собор, величественный и надменный, улица Пекарей, переулок Белошвеек. Сам не понимая, как, Эйдар очутился на площади, где еще недавно возвышался монумент великому правителю Лексеннию, тот самый, разрушенный по приказу Неуязвимого. Нынче от бывшего величия остались только хрустальные ступеньки, разбитые, похожие на подтаявшие ледники, а на них...

Эйдар едва ли не вскрикнул от удивления.

На полуразрушенных ступеньках сидела замухрышка Баваль: плоский нос, глаза навывкате, залатанное серое платье. Вокруг неё — взрослые и дети, миларгонцы и захворавшие эйдонцы. Подумав, Эйдар сел вместе с остальными, не узнавший никем.

Баваль рассказывала легенды Пряного Пути о разбойниках и купцах, о беспокойном духе Вечного Странника и храброй воительнице Майне, потерявшей в дороге своего возлюбленного, пролившей столько горьких слёз, что они образовали глубочайшую реку... В историях сказительницы

дети падали на дно зачарованных колодцев, юноши превращались в деревья, а южный ветер похищал мечтательных девушек, чтобы ему нескучно было путешествовать по миру.

Баваль рассказывала, и в воздухе, прямо над ней, плавал огромный прозрачный шар, будто выдутый из тончайшего стекла. В нём то возникали, то исчезали чудесные картинки — молодильные сливы, говорящие волки, чёрные призраки Северных угодий, герои и героини её сказок... Дети тыкали пальцами в воздух — они тоже видели волшебную сферу. В конце каждой легенды ребягня складывала ладони лодочкой, чтобы позже швырнуть пригоршню драгоценных камней на хрустальные ступеньки.

Эйдар смотрел на заморскую дурнушку и верил, что отец её — бард Красных Земель, а мать — верховная магесса Ройнэ. Истории сказительницы горчили полынь-травой, текли липовым мёдом, струились весенними ручьями, стелились широкой эйдонской степью. Он слушал их и прислушивался к себе: в груди росло чувство необъяснимое, тонкое и щемящее. Как будто прямо в сердце его расцветали хрупкие и невозможно прекрасные мосты Миларгона.

День медленно увядал. Закатное солнце обратило воды великой Майны в плавленное червонное золото. Восточный ветер звал за собой — вперед, вперед! К новым победам, к новым вершинам! Но великий полководец был глух к призывам ветра. Простой слушатель, он сидел на старой площади, вдыхал сказки Пряного Пути, улыбался сквозь слёзы и благодарил лживых богов за свою уязвимость.

А Баваль всё рассказывала и рассказывала, и Город был у её ног. **УС**

Человек, который купил планету

Ксения Томашева

38 лет, по профессии геймдизайнер. Украинка, проживает в Португалии. Пишет в жанрах детектив, фантастика/фэнтези, приключения, мистика. Писать (в чисто литературном понимании этого слова) начала совсем недавно, около года назад, до этого доводилось сочинительствовать лишь для игр.

— Послушай, малыш. Ты можешь сколько угодно кривить душой, но я тебе скажу так: нет ни одного человека, который не мечтал бы о бессмертии.

— Да чего о нём мечтать-то, — не понял я. — Были бы деньги. Плати и живи, пока не надоест.

— Это не настоящее бессмертие. А ради настоящего ещё нужно потрудиться. И необязательно иметь кучу денег. Хотя деньги порой тоже не лишние в этом деле, — старик натужно закашлялся, отхаркивая кровь в ладонь.

Посмотрел на руку, сморщился, вытер кровь об себя.

Впрочем, заметно грязнее его засаленное пальто от этого не стало.

— Выпивка есть? — хрипло спросил он.

— Дедуль, вам не выпивка нужна, а доктор, — покачал головой я.

— Нет, малыш, доктор — это последнее, что мне сейчас нужно, — ухмыльнулся щербатым ртом с пеньками гнилых зубов старик. — А вот выпивка — самое то. Чем быстрее загнусь, тем лучше для всех. Главное, чтобы всё выглядело естественно.

— Я не понимаю...

— Чего не понимаешь?

— Вы только что говорили, что все мечтают о бессмертии.

— Говорил.

— А вы, получается, не мечтаете?

— Нет. У меня уже оно есть. Де-юре.

— Но... — старик меня совсем запутал, — я не понимаю. Если у вас есть бессмертие, почему вы говорите о том, что хотите поскорее умереть?

— И не поймёшь, малыш. Для этого тебе следовало бы прожить мою жизнь.

— Ну, прожить её я не могу, — резонно заметил я. — Но ведь вы можете мне рассказать. Я бы с удовольствием послушал.

О, с каким удовольствием я бы послушал!

Кто из ребят раскопал настоящее имя этого бездомного по кличке Дед, частенько околачивающегося под эстакадой скоростного монорельса, уже и не припомнить. Однако, как только имя это всплыло, репортёрская братия налетела на старика, словно толпа стервятников на начинающий пованивать труп. Коллеги по перу нарезали круги вокруг Деда, но тот на контакт не шёл, интервью давать отказывался, да и поколотить особо ретивых чем под руку подвернется вполне мог. Но мы не отступали.

Интервью с самым богатым и эпатажным человеком планеты, внезапно потерявшим всё своё состояние и скатившимся на дно общества, того стоило. Загадка Дональда Скруджа не давала спокойно спать представителям прессы вот уже несколько десятилетий. И я был пока что единственным, с кем он пошёл на контакт.

Я подбирался к старику долго и упорно. Точно пума, выслеживающая пугливую добычу, делал один крохотный шагок за раз, замирая на месте, когда моя будущая жертва оглядывалась по сторонам. Сколько дешёвого виски было выпито, сколько папирос скурено за это время — не счесть. Однако спустя пять недель, одну пропитую печень и парочку прокуренных лёгких Дед наконец-то пошёл на откровенность.

Я подобрался в предвкушении, приготовившись запоминать каждое слово.

— Расслабься, малыш, — усмехнулся старик. — Можешь даже включить эту свою штуковину. Ну, что там у вас, молодых, за диктофон... Знаю я, что

ты репортёр. Да нынче мне уже всё равно. Пришёл мой час помирать, чувствую. Так что, будет тебе история. Только вот сможешь ли ты заставить хоть кого-нибудь в неё поверить — это уже не моя забота.

* * *

Я скучал. О, как же я скучал! Казалось, все дни были заработаны, все развлечения перепробованы, все девушки — у моих ног. Ну, или как им удобнее. Осознание сего факта пришло совершенно внезапно, примерно неделю назад, в самый разгар очередной вечеринки у бассейна. Именно тогда я вдруг понял, что мой дом полон незнакомых людей, которым до меня нет ровным счётом никакого дела. Что я тогда курил, не припомню, но зелье было явно очень забористое. Потому что меня уже неделю не отпускало. Все ощущения разом утратили свою остроту, развлечения казались пресными, а друзья — скучными занудами.

А через неделю я получил его. Письмо в конверте из плотной кремовой бумаги с тиснёным золотыми буквами именем и адресом получателя. Моим именем и адресом. Проигнорировав щель почтового ящика, письмо просунули под дверь пентхауса, в котором я в данный момент предавался хандре. Обратного адреса на конверте не было, вместо него значилось только: «о/с 327, до востребования». И всё. Ни города, ни индекса, ни имени.

Я не имею привычки вскрывать непонятные письма от неизвестного отправителя. Этим обычно занималась моя секретарша. Однако сейчас, во время своей подзатянувшейся хандры, я не желал видеть даже её. Хоть девочка и была хороша. Во всех отношениях. И позах. Кинув конверт в общую кучу макулатуры, за неделю скопившейся

на журнальном столике, я про него забыл. Ровно до вечера.

Когда за окном сгустились сумерки, а света уличных огней и неоновой рекламы на соседнем небоскрёбе, лившегося в окно гостиной, стало явно недостаточно, чтобы налить бренди двадцатилетней выдержки в широкий стакан, раздался телефонный звонок. Звонил старинный аппарат с диском для набора номера. Всегда думал, что телефон на журнальном столике стоит в качестве декора, а он оказывается, к сети подключен. Я вообще не в курсе был, что в этой берлоге есть городская линия. Вот что значит доверить покупку и оформление жилища секретарше.

— Слушаю... — Заплетающимся языком рывкнул я в трубку, с трудом сообразив, каким концом её следует прикладывать к уху, а каким — ко рту. Ого. А бренди, оказывается, коварен не по годам.

— Мистер Скрудж, простите, что беспокою в столь поздний час, но я хотела бы уточнить, что вы решили насчёт участия в аукционе, — раздался в трубке вежливый и предельно мелодичный женский голос. С такими голосами в сексе по телефону обычно работают, а не в колл-центре неизвестного мне аукциона. — Вы ведь прочитали приглашение?

Какое такое приглашение? Взгляд мой упал на конверт с золотым тиснением. Да, рядом с моим именем значилось «Приглашение. Просьба дать ответ до вечера 30 апреля». Сегодня как раз и было 30-е апреля, если мне не изменяют память и календарь в смартфоне.

— Да, конечно, прочитал, — уверенно соврал я, лихорадочно пытаюсь вскрыть конверт одной рукой. Одной получалось плохо, поэтому пришлось подключать вторую, прижав трубку к уху плечом.

— И каков будет ваш ответ? — поинтересовался ангел из трубки.

Я ещё вопрос не прочитал, какой может быть ответ? В той кондиции, в которой я находился в данный момент, — только утвердительный. Если есть хоть шанс, что, приняв участие в аукционе, я встречу там обладательницу сексуального голоса, я согласен. В крайнем случае, куплю какую-то очередную ненужную безделушку, считающуюся произведением современного искусства, порадую секретаршу.

— Замечательно, — обрадовался мой телефонный ангел. — Тогда будьте готовы через тридцать секунд, за вами придет...

Ненадёжно зажата плечом трубка выскользнула. С громким стуком она упала на пол, истошно жалуясь на жестокое обращение хриплыми гудками. Мне спяну послышалось или последние слова ангела и впрямь были «орбитальный лифт»?

Не послышалось. Мир поглотила яркая фиолетовая вспышка и пол стремительно унесся из-под моих ног.

Спустя три секунды бешеных вертолётов я упал на четвереньки на холодный гладкий пол из незнакомого слегка пружинящего материала. Меня вырвало.

— Ничего страшного, не стоит смущаться, — раздался над головой идущий из ниоткуда голос с металлическими нотками и механическими интонациями. — Со многими такое случается при первом перемещении. Просьба не задерживаться на телепортационной площадке дольше необходимого во избежание несчастных случаев. Если вам необходимо привести себя в порядок, проследуйте по синей линии. Для участия в аукционе проследуйте по зелёной линии.

Перспектива несчастного случая меня как-то не прельщала, поэтому я поспешно сошел с возвышения в форме неправильного шестиугольника, на котором оказался. В порядок привести себя, наверное, стоило, однако я здраво рассудил, что в моей ситуации это не особо поможет. На мне были полосатые пижамные штаны, чёрный с вышитыми драконами шёлковый халат нараспашку и пушистые тапочки в виде кошачьих лап с когтями. В руке я всё ещё сжимал так и не распечатанный до конца конверт с золотыми буквами. Решительно вихляющей походкой я прошествовал по светящейся зелёным светом линии.

Зал, куда вела путеводная нить, был освещён неяркими переливающимися огнями всех цветов радуги. В уютных нишах уютились мягкие диванчики, полукругом опоясывающие низкие столики. Большинство ниш было занято, однако рассмотреть сидевших мешали приглушенное освещение и стадия опьянения, на которой я находился.

Линия довела меня до такого же столика в углу. Диванчик и правда оказался очень мягким. Я практически утонул в его плюшевых объятиях.

— Если я не ошибаюсь, вы предпочитаете бренди, мистер Скрудж, — над моей головой раздался глас ангела.

Я радостно поднял глаза, чтобы понять, что в данный момент, пожалуй, предпочитаю крепкий кофе и пару таблеток аспирина. Ангел обладал осиной талией, огромными сияющими глазами, бюстом пятого размера, нежно-зеленой кожей и эльфийскими ушками, кокетливо выглядывающими из-под копны шевелящихся, словно змеи, иссиня-чёрных волос.

— Мистер Скрудж, пожалуйста, не стоит пугаться, — ослепительно улыбнулось мне сие неземное

создание. — Я понимаю, что мой внешний вид может показаться вам слегка необычным. К сожалению, существует не так много рас, схожих с землянами, и мы не смогли подобрать вам в консультанты никого с более привычной вам наружностью. Надеюсь, это не станет препятствием для вас?

— Что вы, ни в коем случае! — поспешно заверил я зеленокожего ангела. А какой ещё ответ можно было дать бюсту пятого размера?

Сомнения в реальности происходящего в мою голову, однако, начали закрадываться. Впрочем, поразмыслив, я решил, что раз уж всё равно допиллся до зелёных чёртиков, ещё один стаканчик янтарной жидкости не повредит.

— Замечательно, — упомрачительно сексуальный зелёный чёртик присел ко мне на колени и аккуратно вытащил из моих пальцев конверт с приглашением, заменив его на футуристически выглядящий стакан, в котором плескался лучший бренди, что я пробовал в своей жизни. — Приглашение следует опустить сюда, — изящные зелёные пальчики с покрытыми золотым лаком ногтями опустили картонный прямоугольник, похожий на допотопную перфокарту, в щель по центру стола.

Прямо передо мной на столешнице засветился неправильный шестиугольник экрана. По экрану бегали какие-то циферки, некоторые периодически вспыхивали, подсвечиваемые все теми же неправильными шестиугольниками разных цветов. Справа внизу экрана светился зелёный шестиугольник побольше с довольно-таки внушительной цифрой в нём.

По центру всего этого буйства компьютерной графики вращался зелёно-голубой шарик, подозрительно похожий на Землю.

— Торги уже начались. Вы немного опоздали. Чтобы сделать ставку, вам достаточно коснуться большим пальцем левой руки вот тут, — соблазнительно потянувшись, неземная красotka указала зелёным пальчиком на небольшое гладкое углубление в столешнице. Я не удержался и легонько шлепнул её по аппетитно обтянутой золотистой тканью попке, за что схлопотал ослепительную улыбку. А клыки у неё ничего так, особенно левый верхний, инкрустированный симпатичным бриллиантом. — Каждое касание повышает предыдущую ставку на один стандартный пункт. В нашем случае это сто тысяч кредитов. Сумма, которой вы располагаете, указана в зелёном шестиугольнике.

— Послушай, детка, — начал я.

— Вы можете звать меня Люция, — мило улыбнулась клыкастая прелестница.

— Хорошо, Люси, — покорно согласился я, — а что у нас на кону?

— Как что? — удивилась Люция. — Планета восемнадцатого класса PI-3141592653, третья по счёту от жёлтого карлика XYU-3. Подтверждено наличие огромных запасов воды, азотно-кислородной атмосферы и полуразумной жизни на основе углерода. Это же было в вашем приглашении.

— Да, конечно, просто решил уточнить, чтобы убедиться, что попал именно на тот аукцион, на который намеревался, — вот насчет «полуразумной жизни» обидно было, но, похоже, в точку. Что мне мешало прочитать это чёртово приглашение, прежде чем соглашаться? — И что, много у меня конкурентов?

— Достаточно много, но с вашим счётом вам следует беспокоиться только о Рогге Вуйке. Он уже много торгов подряд хочет оторвать эту пла-

нетку, но всё никак не может перебить ставки местных.

— Земля что, не в первый раз на аукцион выставляется? — опешил я.

— Практически каждые тридцать-пятьдесят её оборотов вокруг звезды XYU-3. Земляне — удивительно короткоживущая раса. А по галактическим законам, планету нельзя передать по наследству, и после смерти владельца её снова можно выставить на продажу.

— А куда идут уплаченные за планету средства, если продается она после смерти владельца? — поинтересовался я. Я хоть и пьян сейчас и всё происходящее мне мерещится, но деловой подход не пропущу.

— В Галактический Фонд, который обеспечивает порядок и закон в Содружестве Частных Планет. В обязанности Фонда входит обеспечение неприкосновенности планеты от посягательств со стороны других планетарных владельцев и консорциумов, а также защита от космических угроз, таких как пересекающие её орбиту астероиды и прочие явления, способные вызвать катастрофу планетарного масштаба.

— Что-то плохо этот ваш Фонд справляется со своими обязанностями, — нахмурился я. — Как же Тунгусский метеорит? У нас из-за него динозавры вымерли, между прочим. А вы хоть знаете, как печемся мы, земляне, о сохранности разнообразия жизни на планете? О зоопарках слышали?

— Простите, недосмотрели, — потупилась Люция. — В тот момент лицу, купившему PI-3141592653 на аукционе, не хватило средств, чтобы рассчитаться за покупку полностью, и на какое-то время, пока организовывали повторный аукцион, планета оказалась бесхозной.

С тех пор мы учли свои ошибки, и в распоряжение участников торгов предоставляются лишь те средства, право на которые подтверждено стопроцентно. Долговые расписки, облигации и прочие неподтверждённые источники средств не учитываются.

— Ясно, — кивнул я. Что ж, это разумно. Думаю, проведение аукциона такого масштаба — достаточно накладное дело, и со стороны его организаторов логично было бы обезопасить себя от неплатёжеспособности покупателей. — Какая у нас текущая ставка?

Ну что я могу сказать? Аукцион как аукцион. Если бы не присутствие Люси, тершейся о мои колёнки, да не запас превосходнейшего бренди, это мероприятие по праву можно было бы считать самым скучным событием подобного рода в моей жизни. Даже посмотреть на разочарованные лица, морды, или что там у них, выбывших соперников не было никакой возможности. Только я и цифры. Стоило ради этого тащить свой зад хрен-знает-куда на орбиту? Как я выяснил у той же всезнающей Люции, по традиции, аукционы проводились на орбитах тех планет, которые продавались. Чтобы каждый участник мог оценить товар лицом, как говорится.

Кстати, на вопрос, почему из всех землян пригласили именно меня, я получил весьма логичный, однако слегка разочаровывающий ответ. Оказывается, приглашения были разосланы всем богачам нашей планеты, однако я оказался единственным, кто согласился участвовать. Видимо, остальные свои приглашения всё-таки прочитали. Либо попросту оказались недостаточно пьяны, чтобы их принять. Обидно, но зато какой опыт! Все мои друзья обзавидуются.

Рогай Вуйко оказался тем ещё игроком. Однако и он отступил, сдавшись на предпоследнем пункте. Ещё одна ставка с его стороны, и я был бы в пролёте. Цифры в моём шестиугольнике мигали красным, показывая, что следующей ставкой я полностью исчерпаю все средства на своём счету.

Для подтверждения покупки следовало вновь приложить палец к гладкому углублению, только на этот раз подушечку что-то кольнуло. Я хотел было отдернуть руку, однако Люция не позволила, силой удерживая мою конечность в нужном положении.

— Ну вот и всё, — клыкасто улыбнулась она. — Договор получите завтра в распечатанном виде.

Победу мы с Люси отпраздновали большим количеством бренди и, кажется, походом в номера, однако эта часть вечера была уже совсем как в тумане. А жаль. Этот опыт я бы тоже вспоминал с удовольствием.

Наутро я очнулся в кукурузном поле за городом. Внутри вытоптанного неправильного шестиугольника. В одном из карманов халата был договор на покупку планеты PI-3141592653 на страницах, на каждой из которых красовалась моя подпись. Кровью. А во втором — чек на сто тысяч долларов на предъявителя. Этот чек был первым моим серьёзным заработком. Как я тогда думал, именно с него начнётся мой путь к вершинам богатства и славы. Однако буквально через пару дней мне подвалило дядюшкино наследство в пару миллионов и эта жалкая сотня тысяч оказалась забыта. Как выяснилось, к лучшему. Только её я и не смог просадить на этом бредовом галактическом аукционе: моё право распоряжаться этими деньгами не было подтверждено стопроцентно. И, как я выяснил чуть позже, когда добрел

до ближайшей фермы и сумел связаться с моей, теперь уже бывшей, секретаршей, это было единственное имущество, оставшееся в моём распоряжении. Если не считать планету PI-3141592653. К сожалению, ни один банк не выдаст кредит под залог такого имущества.

К счастью, чек не имел срока давности и я сумел без особых проблем обналечить его. Да-да. Именно обналечить.

Дело в том, что, прочитав договор, я понял, насколько сильно вляпался. Теперь на меня будет открыта охота. Ведь после моей смерти планета снова становилась ничейной, а значит, появлялся новый шанс прикупить её по дешёвке, когда она пойдет с молотка. Удивительно, как предыдущие владельцы умудрялись протянуть по тридцать-пятьдесят лет. Видимо, в отличие от меня, они не просаживали всё своё состояние на покупку планеты и у них оставалось достаточно, чтобы обеспечить себе достойную охрану.

Я же пошел другим путем, решив, что проблему нужно решать кардинально.

Первым делом связался с Билли Голдбергом — лучшим юристом, а также самым хитрожопым прохвостом, которого я знал. За его услуги пришлось отвалить половину имеющейся у меня налички, однако старый прохиндей отработал каждый цент.

К его чести, я должен отметить, что Билли и глазом не моргнул, когда к нему на стол легли сто страниц договора на покупку планеты. Тщательно изучив каждую букву чуть ли не с лупой в руках, он откинулся на спинку кресла, закинув ноги в рыжих ковбойских ботинках на стол. Вынув из кармана рубашки контрабандную кубинскую сигару, закурил.

— Тебе нужно доказать существование у людей бессмертной души, — наконец-то изрек он. — Не теологически, а юридически.

— И что мне это даст? — По-моему, этот тип ещё более двинутый, чем я думал раньше.

— Планету в вечное владение и, возможно, покой. Второе — не обещаю. Если охотиться с целью убийства за тобой больше не будут, то с предложениями, от которых ты не сможешь отказаться, подкатывать будут, как пить дать.

— Угу, — кивнул я. — Сколько?

— Полтинник. За меньше не возьмусь, чувак, извини.

— Идёт, — кивнул я, выкладывая пачки на стол. Ровно пятьдесят тысяч стодолларовыми купюрами.

— Есть где перекантоваться денёк три-четыре так, чтобы не нашли? — Билли вновь принял вертикальное положение, весь подобрался и был готов к работе. Этот азартный блеск в его глазах я знал хорошо. Раз речь ведёт о трех-четырёх днях, значит, послезавтра уже будет результат.

— Найду. Ты, главное, своё дело сделай.

И он сделал. О, как он сделал! Это было самое блестящее дело в истории галактической юриспруденции. Комар носу не подточит. С одним маленьким нюансом. Бессмертной-то мою душу признали. Однако суд постановил, что считать владельцем планеты можно лишь душу, у которой имеется материальный носитель.

* * *

Дед замолчал, закашлявшись.

— И что дальше? — спросил я. — Вы как-то решились и эту проблему, верно?

— Решил, — кивнул оборванец. — Именно поэтому я сейчас здесь, а не на собственной яхте лапаю девочек.

— Не вижу связи, — я и в самом деле не понимал.

— Среди множества рас, населяющих Союз Частных Планет, мне удалось разыскать ту, шаман которой согласился провести обряд, вселяющий душу умершего в планету. Согласно их религии, такой обряд возможен. Единственное «но»: умереть нужно своей смертью, должным образом подготовившись к обряду. Убей меня кто, и фокус бы не удался. Так что охоту за мной всё-таки открыли. И мне пришлось исчезнуть, из Дональда Скруджа, повесы и богача, превратиться в безымянного бомжа, живущего под мостами. Но ведь оно того стоило. Одна жалкая жизнь в обмен на вечную защиту и свободу для всей планеты. К тому же, теперь уже всё позади. Пришёл мой час. Скоро прибудет шаман, так что тебе пора идти. Не стоит вам встречаться.

— А можно один, последний, вопрос? — взмолился я. — Как вам удалось отыскать этого шамана? Я так понимаю, для этого нужно было проделать немалую работу, а светиться в галактике вам было не с руки.

— О, тут мне помогла милашка Люси, — с нежностью улыбнулся Дед.

— Та ваша ночь произвела на неё столь неизгладимое впечатление? — понимающе хмыкнул я.

— Нет, что ты! — Дед замахал руками. — Не было у нас ничего. Я был слишком пьян. Да и вряд ли получилось бы, даже будь я трезвее. У горгон, к расе которых принадлежит Люция, там всё совсем по-другому устроено. Да и о привычке этих милых дам завтракать своим сексуальным партнёром забывать не стоит. Шеф за такое обращение с клиентом детку тут же уволил бы. А найти хорошо оплачиваемую

работу секретарши в галактике нынче ох как непросто.

— А почему тогда?

— Почему она мне помогла? — Дед хитро прищурился. — Малыш, сейчас я тебе открою главный секрет, которым имею поделиться с человечеством, прежде чем сойду в могилу. К любой секретарше, не важно, какого цвета у неё кожа, сколько у неё клыков и какой змеиный клубок украшает её очаровательную головку, можно найти подход при помощи шоколада. Ключиком к сердцу Люси оказался горький чёрный с солёным миндалём и апельсиновыми цукатами. «Радость Лючии» знаешь?

Я кивнул.

Кто же не знал восхитительные плитки в золотистой обертке, перевязанной скромной зелёной лентой?

Этот сорт шоколада пользовался неизменной популярностью вот уже более сорока лет.

— Остаток налички я отдал на открытие бизнеса одному кондитеру, который придумал этот рецепт. В благодарность за инвестицию он каждый месяц отсылает плитку «Радости Лючии» на адрес «о/с 327, до востребования».

Я только присвистнул.

— Все, тебе пора, он уже рядом, я чувствую, — Дед выпихнул меня из картонной коробки, в которой мы с ним сидели рядком, укрывшись от пронизывающего осеннего ветра.

Уже отойдя на несколько шагов, я обернулся. У коробки стоял крылатый силуэт. Массивный торс, голова, увенчанная закрученными рогами, красные горящие глаза, ноги, оканчивающиеся копытами... Что-то мне этот шаман кое-кого подозрительно напоминает... **У**

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

03 (669) март, 2013

Приключения

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

11 (665) ноябрь, 2012

**Под КАЙТОМ
 по краю
 земли**

Путешествия

УРАЛЬСКИЙ ISSN
следопыт
 www.uralstalker.com

Краеведение
ВОГУЛЫ

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
 www.uralstalker.com

ябрь, 2011

Фантастика

**записки
 объездного
 врача**

Зуб акулы (возраст около 40 млн лет)
 предоставлен
 Уральским Центром камня

**След из бездны
 времен**

Подпишись и читай! Индекс 73413

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ										73413		
на журнал										(индекс издания)		
Уральский следопыт. uralstalker.com												
на 20__ г. по месяцам										Кол-во компл.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда												
Кому												
(фамилия, инициалы)												

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413.**

			Доставочная карточка											
ПВ		место литер			на журнал									
					73413									
					(Индекс издания)									
Уральский следопыт. uralstalker.com														
Стоимость	подписки		___руб. ___коп.		Кол-во									
	перед-ресовки		___руб. ___коп.		компл.									
на 20__ г. по месяцам														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда														
Кому														
(фамилия, инициалы)														